

СМЕНА

№ 21 ноябрь 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**КНИГА: СЕГОДНЯ
СПОДВИЖНИК В УЧЕБЕ,
ЗАВТРА
ПОМОЩНИК В ТРУДЕ**

Пятилетке — ударный финиш!
XXV съезду КПСС — достойную встречу!

ЭКСПЕДИЦИЯ СМЕНЬ: НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ

НОВЫЙ

«Пятилетке — победный финиш!
XXV съезду КПСС — достойную встречу!»
Красный, кумачовый призыв.
Я видел его на порталных кранах,
на борту самоходки,
на железной груди буровой,
на кабине сверхмощного трубовоза.
Во многих молодежных бригадах,
которые сегодня
на нефтеносной Оби борются
за право подписать
комсомольский рапорт
съезду партии.
Среди нижневартовских топей
бригада Виктора Китаева
без простоев и аварийных задержек
завершила досрочно пятую,
«кустовую» скважину,
сразу же направила бур
в шестое скоростное бурение.
В студенческом стройотряде «Багратион»
Тюменского медицинского института
комиссар Алексей Власов прибил
к янтарному смоляному дому табличку

с названием первой улицы
в возводимом студентами поселке.
Рабочий,
разукрашенный цветами и лентами поезд
прошел по новой 700-километровой
дороге, открывая маршрут
«Тюмень — Сургут».
И молодые братья Улановы —
Юрий, Анатолий, Геннадий, —
оставив штурвалы своих самосвалов,
встречали состав,
как награду за труд.
Раздувая винтами гнилую воду,
взмывали вертолеты из отряда
командира Вадима Никифорова.
Уносили вахты буровиков,
связки вентиля на газоводную трассу,
стальные опоры для ЛЭП.
Я побывал на тюменской нефти
в тот момент,
когда предсъездовский призыв комсомола
был подхвачен молодыми бригадами,
чьим трудом и умением на таежную топь
наносится новый контур нефтяной Сибири.

1
В Сургуте, в горьком
партии, я слушал
географа - акаде-
мика, принимав-
шего участие в от-
крытии нефтяного
Западносибирско-
го купола. Он де-
лал над картой
движения, словно
натягивал на нее координаты, остро-
звениящие струны.
— Средняя и северная Обь, до оке-
ана, до самой Губы, до Таза... Нефте-
газодобывающая индустрия. Тысячи
буровых. Гигантский, размытый по
пространствам, колеблющийся ареал
расселения, созданный из бесчислен-
ных вахт. Далее... Города. Центры
кристаллизации. Здесь Сургут, Ниж-
невартовск, Стрижевой... Вы-
ше — Надым, Уренгой, Салехард...
Комбинаты по сжижению газа... Да-
лее... Порты. Круглый год танкерами
к себе и на экспорт. В Штаты, в ФРГ, в
Японию. Атомоходами взламывается
Губа... Одним словом, узел завязался
гигантский...
Сквозь слова его, сливаясь с по-

Рисунки Константина ПЧЕЛЬНИКОВА.

НА БУРОВОЙ.

МАСТЕР.

КОНТУР

Александр ПРОХАНОВ

лярными радугами, светились дымные спектры заводов. Хрустела белая корка моря, раздавленная броней ледоколов. В промoinах шли корабли с заморской геральдикой флагов. Увозили в трюмах сибирское подземное солнце. Брюхатый «Антей» выгружал на бетон алмазные буры и красные бычьи туши. И на зимниках, пробиваясь в снегах, вязли колонны «МАЗов».

— Все это есть или будет,— продолжал академик.— Но в начале всего были воды...

2

Но в начале всего были воды, ледяные и тусклые, бегущие к Карскому морю. Кряква взмывала с протоки, чуть видной стрелкой доносилась до пустынной, водяной середины и терялась в кружении лиловатых полярных лучей. Охотничий чум топорщился сырой берестой. На старой избе рассыхалось деревянное солнце. В пеньковых сетях загоралась и гасла рыба.

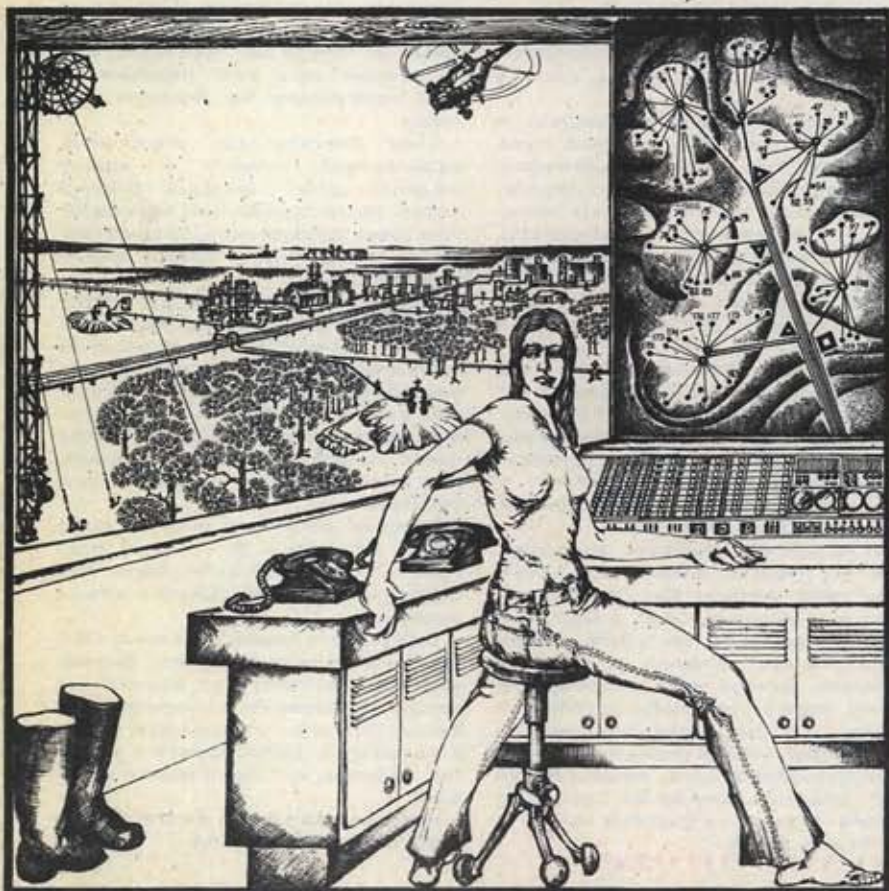
Но вот негромко и бойко застучали моторы. Катерки зашныряли вдоль

плесов, по узким протокам, вверх по таежным речкам. На берег вываливали мешки с продовольствием. Бородачи разворачивали походные карты, отбивали азимуты, шли, приглядываясь к болотной радужной пленке. Врезались, как ручейки, в нехоженный массив континента. Шелестели в красных коврах костяники, в войлоке брусники, морошки. И сохатый шарахался и после смотрел, не мигая, как мимо проходят люди.

Высоко запели винты светло-серых «Илов» с красными полярными клеймами. Нацеливали приборы и длиннофокусную оптику. Бороздили небеса, квадрат за квадратом, сквозь прорывы туч снимали снежную, в ржавых кольцах тайгу. И в далеких центрах ложились на лабораторные стенды листы аэрофотосъемки, рентгеновские просветы земли. Легкие рек и озер. Пузыри дышащих глубин. Ученые с линзами скользили по чуть видимым смещениям равнины.

Над Западной Сибирью на орбитах возникали спутники, начиненные приборами, шарили сквозь туманы, нащупывая лосей и медведей, клубящиеся нерестилища, обломки древних ладей, помнящих здесь, на Оби,

ПУЛЬТ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫСЛОМ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц
№ 21 (1163) НОЯБРЬ 1975

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ.

НАША ОБЛОЖКА:
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ
РЕСПУБЛИКАНСКОЙ
ЮНОШЕСКОЙ
БИБЛИОТЕКЕ
РСФСР ИМЕНИ 50-ЛЕТИЯ
ВЛКСМ.

- 1 ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ» — НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ.
Александр ПРОХАНОВ. «НОВЫЙ КОНТУР».
- 3 К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. И. КАЛИНИНА.
«ЖИТЬ ДЛЯ БУДУЩЕГО...».
- 4 ПУТЬ В РАБОЧИЕ.
«В ВОСЕМЬ УТРА СОЛНЕЧНОГО ВРЕМЕНИ».
Репортаж Сергея СМОРОДКИНА и Владимира ВАСИЛЬЕВА.
- 8 Рассказ Валерия ПОВОЛЯЕВА «МАИСТРА».
- 11 УРОКИ ЖИЗНИ.
Диалог заслуженного деятеля искусств
Литовской ССР Стасиса КРАСАУСКАСА и первого секретаря
ЦК ЛКСМ Литвы Валерионаса БАЛТРУНАСА.
- 12 Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС. «ЖИЗНЬЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ...»
- 14 РАБОЧИЕ — ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.
«РОЖДЕНИЕ ОГНЯ». Очерк Владимира ГРУДСКОГО.
- 16 К 30-ЛЕТИЮ ВФД.
Геннадий ЯНАЕВ. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КМО СССР.
«ВОЗМУЖАНИЕ».
- 17 МИР БЕЗ БУДУЩЕГО.
«ЛОЖЬ «СТАРОЙ ЛЕДИ»». Статья Владислава ХОРХОРДИНА.
- 19 Стихи Валентина СИДОРОВА.
- 20 Братья ВАЙНЕРЫ.
«МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ». Роман.
- 24 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Юрий ФЕОФАНОВ. «ШОКОЛАДКА ДЛЯ НАТАШИ».
- 26 ЗАВОДСКОЙ РАЙОН.
Олег СОЛНЦЕВ. Срочно требуются энтузиасты.
- 28 «ЧИТАЙ-ГОРОД». Фоторепортаж Константина СМЕРНОВА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий
(заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев (ответ-
ственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В.
Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный
художник), Д. Н. Филиппов.

Художник О. С. Теслер. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1975 г.

СМЕНА 1

удаль донскую и волжскую, ляг железных доспехов, казацкую песню. Космические лаборатории тончайшим скальпелем рассекали подземный купол до черной пузырящейся гущи. Нанесли рисунки будущих месторождений.

На осои, пески с подошедших барж швыряли сходы. Плавающие край выхватывали из трюмов приземистые вездеходы, плосколобые болотные тракторы. Стальные свитки, стиснутые в тугие спирали, раскрывались в серебристо-белые, похожие на аэростаты цистерны. И танкеры, присосавшись к ним ребристыми шлангами, нагнетали горючее. Самоходки шли и днем и ночью. Парилась земля от костров, от холодных, со снегом смешанных ливней. Валились с хрустом деревья. Ахали глубинные взрывы. Трассы прокалывали лес. Аэродром раскатал бетонную монолитную скатерть, и первый «Ант», приземлившись, раскрыл алюминиевый зев, набитый приборами и апельсинами. Буровые окунули в топь победитовые коронки, дробили темя Сибири, жадно тянулись в недра. Пока не взвился первый, огненно-черный, петушиный фонтан, и бурильщик, ошалевший от радости, макал огромные, тверже железа, ручищи в подземную жижу, чернил ею лицо и губы.

Нефтеводы, протернутые через реки и горы, гнали тонны тюменской нефти. Химкомбинаты представляли свои серебряные цилиндры и сферы. Газеты мира, публикуя снимки бурильщиков в касках, писали о кредитах, поставках, о русской нефти, исчисляя ее в баррелях и долларах.

А на Обь продолжала накатываться нарастающая волна техники, и я мчал в двухкабинном, граненом трубопроводе, громыхавшем на бетонных колдобинах пачками труб, и Сургут возник сквозь просеку вышкой ретранслятора, резным сердечком на ставне, пятиэтажным домом и рыжими энергопоездами на рельсах...

3

Стройка Сургутской ГРЭС выдавила из топей бетонный, до неба, куб. В полый распил свищет сибирский ветер, валит гарь от грузовиков и бульдозеров.

Стою на расквашенной глине, под безмерным пролетом. Вглядываюсь в пуповины труб, водопроводов. Слово рассекли наполненное железом нутро. Оно ухает, дышит, изливает из себя огненные потоки сварки. Пробегаящий парень в спецовке, неся манометр с трубкой, встал на минуту. Дунул, прочищая прибор. И станция откликнулась воем компрессоров, визгом моторов, хрястом железа. Пахнуло горелым металлом, растревоженной землей...

Отсюда, сквозь перекрытия, зарю, дождя, виден сегодняшний день Сургута. Размах и тяжесть битвы за нефть. Тот новый подвижный контур, в который вписывается город и край накануне партийного съезда.

Обмуровщик Владимир Любич. Его мастерок отшлифован на Запорожской ГРЭС, на Киевской и Черниговской ТЭЦ, на Кольской атомной. Для него карта державы — карта его судьбы и профессии. Сегодня с молодежью города он рапортует съезду.

— Эту станцию кончу — на следующую. От нашей, Сургутской, другие начнут поковаться, двинут к океану, на север...

В роторном зале грозно вращаются сияющие валы агрегатов. Модные жилы подстанции, сочно блеснув, улета-

ют в тайгу — в город, к месторождению, к стройкам.

Готовят бетонное ложе еще для одного агрегата. Ротор лежит в стальной наготе, чуть прикрытый льняными полотнами. Вентиляторы обдувают его. Молодой рабочий с микрометром, касаясь овалов, убеждается в его совершенстве. Сталь от дыхания туманится. Кажется, в ней открываются зрачки и губы, встречное молодое дыхание.

Я смотрю на ротор и думаю, как везли его по Ленинграду, мимо дворцов и соборов. Катили на платформе под звездами, в лесах и хлебах. Тянули на самоходке по обским разливам, повторяя путь первопоселенцев. И теперь ротор, как броневой танк, вломился на древний плацдарм, расширяя его в бесконечность.

Я думаю, только совершенная, уходящая вглубь культура в состоянии явить это чудо из легированного блеска с несметными нервными волокнами, рождающими вихри энергии. Его вставят в гнездо. Инженеры медными трубками станут слушать его биения. И каждый новый его проворот в сочетании с другими начнет расширять и распахивать сургутский контур — контур наших дел и свершений.

4

— ОТА-706! ОТА-706! Как слышите меня? Прием!.. Почему задержались с цементом?.. У вас туман, а у нас график летит. Ждем вас к утру, ОТА-706! Прием!..

В мгновенный прорыв облаков ударило холодное солнце. Радуга жгла самоходки на рейде. Сухогрузы вприпрыжку стояли у стенки, терлись о нее ватерлиниями. А диспетчер в стекленной будке все аукал по рации, торопил на Оби караваны:

— Сто четвертый, вас понял. Прием!..

Тут, в порту, отчетливо видно, из каких материалов прессуется город. Понимаешь, во имя чего он возник. Во имя нефти качается на трюсах связка вентиляций. Во имя нефти разгружают тончайший фарфоровый сервиз.

В отличие от прежнего, избяного, новый Сургут был привезен и причален. Приплыли не только его поселенцы, но и сборные башни, и квартиры, и посуда, и цветы.

Он по-своему целен, красив, возводимый и еще не завершённый город, в котором новая техника в бесчисленных сочетаниях сама с собой и с соснами, рекой и песком создает неповторимую современную красоту.

Сургут невозможно было загадать наперед. Он как бы экспромт на подвижном ландшафте нефтяных разработок. Город спешит вслед за нефтью, растет скачками, неся в самом гоне своем способность видоизменяться.

Он заселялся не естественным ходом событий, из года в год, из века в век, как множество иных городов. Его заселение из дальних центров, насыщение людьми, жилищами, техникой напоминало пальбу из дальноточных орудий. Снаряды ухали в цель, на обское побережье, в пределах полконтинента. Разрыв — и рождается порт. Еще разрыв — и база геологов. Еще — управление буровых работ. Снова удар — энергетика. Точно так же забрасывались эксплуатационники, мостовики, железнодорожники.

Окапывались на плацдарме, начинали вести наступление, расширяя зону захвата, выпуская в тайгу бетон-

ные стрелы дорог. Город был результатом вторжения, неся в себе энергию и броневую силу.

Я иду по бетонной трассе, петлей захлестнувшей город. Из кузова самосвала валится окутанный паром бетон, наращивая еще один отрезок дороги. Вдоль витрин магазинов гонят грузовики, демонстрируя свои и заморские клейма, конфигурации бортов и радиаторов. Старые энергопоезда, пятнистые, как тритоны, догивают на ржавых рельсах. Ракушка «Орбиты» слушает космос сквозь развешанное на веревках белье. Релейные мачты подняли над городом солнца и луны своих ретрансляторов.

И среди этой стальной геометрии рукотворный бревенчатый терем — территория детского сада. Точные скульптуры в жилых кварталах. Чеканные витязи в молодежном кафе.

Я иду по Сургуту, уступая дорогу гусеничному транспортеру. И за его бортовинкой колыхается в кадке выросшая не под этим небом цветущая домашняя роза...

5

Буровая склепана из железных мокрых крестов. Скважина — открытая рана, перехваченная стальными зажимами.

Бурильщики, натянув рукавицы, двигают к скважине четырехгранную штангу. Качается долото в победитовых режущих кромках.

— Подводи! Вира, вира! — гудит бригадир в промасленной робе.

Верховой цепляет в поднебесье стальную струну. Штанга с долотом, нависнув над скважиной, скользнула в нее. Сверху из неба пошел красный гудящий крик, вгоняя полосу стали. В рану вторгался металл, и она сжималась от боли.

Трубы падали и гудели. Гидравлический ключ свинчивал их, сдирая до блеска ржавчину. Бурильщики смазывали отверстие маслом. Нагнетали кислоты и щелочи. Долото в глубине легко проходило сквозь аорты, полные прозрачной воды.

Помастера Евгений Бондарев, укравшись в балке от дождя, просматривает химанализ, пробы глины и песков.

Бригада молодежная. Явилась в Сибирь из Башкирии, сменила степь на болота. Там, на башкирской нефти, они испробовали себя, свою дружбу, возможность всех и каждого, испытав наслаждение бригадной работы. И когда запестрело в статьях, зазвучало на устах слово «Сургут», инстинктом неправских нефтяников «учу-яли» нефть. И она стала манить и тревожить.

Бондаревы — братья, отец, вся «нефтяная семья» — собрались поразмыслить. Ехать, не ехать? Раскатали карту Оби, выговаривали названия притоков. Выкраивали, примеривали. Посмотрели на младшего:

— Давай, Евгений, двинь, поразведай. Пришлешь весточку...

И младший, сговорив молодежь, поехал. Работал, слал отчеты семье. Как тайга, комары. Как Обь. Как народ и начальство. Звал в Сургут. И родня прикатила, заступила к буровым. Евгений кочевал за стальной вышкой, выводя ее то к самому обскому берегу, то вновь врубаясь в тайгу. И город, куда возвращался после вахт, всякий раз казался иным: еще фундамент, этаж, новое имя, лицо. Дощатый, рыбацкий Сургут со своей резьбой и узорами тонул в железе и камне.

Сначала он жил в балке. Потом переехал в деревянный сборный дом. Потом его наделили однокомнатной отдельной квартирой. А теперь, женившись, хозяин двухкомнатной. Город, как убежище среди северных непогод, принимает его из тайги, обогревает, насыщает, успокаивает и, верну ему силы, вновь отпускает на вахту.

Тюменская нефть, оставаясь нефтью наподобие каспийской, сахалинской, приволжской, все-таки самая трудная. Как укрепить железные тонны дизелей и бурящих конструкций на зыбкой трясине? Насыпают пятачок из песка, ставят вышку и из единого гнезда начинают десяток, а то и два десятка скважин, распуская их под землей лучами, разводя их концы на целые километры. И в этих наклонных прицелах нужна особая, снайперская точность — при сохранении темпа и скорости, ибо трубы, остановившись, заклипнут или, не дай бог, искривится канал.

Не всякому дано черпать тюменскую нефть. Здесь нужны телесные могучие силы. Реакция не на слово, а на жест, на движение бровью. Умение на минутку забыть в отдыхе, а потом на часы вцепиться в работу. Движения непрерывны, точны, мгновенны — бригада хороводит, вытанцовывая железный, грохочущий танец.

Пусть гнилые туманы и верх буровой цепляет мокрую тучу. Пусть пар на болоте и гнус налипают кровавым комом. Пусть мокрые снегопады и за ворот льется ливень. Или в полярной ночи вокруг ламп — кольца цветных сияний. Никто не покинет вахту.

Работа их не просто физическая, не просто в союзе с техникой. Мороз нажигает узоры на их лица. Они держат руками глубинные пласты и породы, чувствуя их давление и вздохи. Над касками их вспышки космоса, а внизу — тот же космос, растревоженный турбобуром.

Здесь, оторванные от далеких цивилизованных центров, они все же в самой гуще современной цивилизации. Техника, технология — самых последних, тут проходящих обкатку образцов. Новое не замешено старым, вкус его без прежних приправ. За ходом их турбобура зорко следит весь мир. Компьютеры СЭВ интегрируют их дневную проходку.

Сама бригада — тот инструмент, включающий технику и живые людские души, которым берется нефть. Вечно подвижный, меняющийся в своих проявлениях, готовый вписаться мгновенно в новый фон и условия.

Подобно дереву, бригада растет. Набирает крону и корень. Выпускает побеги и почки. Те, кто вначале ее наполнял, теперь руководят другими бригадами, образовали другие растущие клетки. Бригада — малая ячейка большого города — принимает в себя новое, сырое еще вещество, незрелые умения и души, превращая их в бурильщиков.

Буровая сотрясает ночь грохочущим железом. В рефлекторах ламп — стеклянный полет воды. Как стальной миноносец, правит в ночь, в океан...

Сургут — это новый мост через Обь. Железная дорога в Тюмень. Бесчисленные, вертолетами разносимые вахты, образующие обширное поле жизни. Это опыт невиданного людского десанта, заброшенного и в другие, будущие, не только земные освоения.

Накануне Двадцать пятого съезда Сургут рапортует партии.

"ЖИТЬ ДЛЯ БУДУЩЕГО"

М. И. КАЛИНИН

К 100-летию со дня рождения М. И. Калинина

"Есть люди, которые жили 24 года, и были старики, которые жилали по сто лет, и проходило время, этих стариков все забывали. А 24-летние люди, которые горели огнем со своим народом, они долго жили в народных сердцах. И я не сомневаюсь, что человек, который жил 20 лет и эти 20 лет жил полную жизнью, страдал со своим народом, шел туда, куда шел весь народ...— жизнь этого человека в десятки раз счастливее, чем жизнь много столетнего старика».

Эти слова принадлежат М. И. Калинину, верному другу и соратнику В. И. Ленина, одному из тех негибимых коммунистов-ленинцев, кто, не щадя сил и энергии, проводил в жизнь ленинские идеи. Нелегкая, но полнокровная, наполненная великим содержанием жизнь его была вся без остатка посвящена борьбе за победу пролетариата, за торжество идеалов коммунизма.

Одним из ценнейших свойств Михаила Ивановича Калинина было его постоянное стремление быть в гуще молодежи. Ей он всегда уделял самое пристальное внимание, делился с ней огромным опытом борьбы за коммунизм. В общении с молодежью чувствовал он биение живого пульса времени. Не одно поколение комсомольцев считало Михаила Ивановича своим другом и наставником. А он до последних дней своих сохранял нескончаемый интерес к делам молодого поколения, к его воспитанию, к пропаганде среди юношей и девушек бессмертных заветов Ленина.

Сегодня мы публикуем несколько малоизвестных выступлений М. И. Калинина.

ИЗ РЕЧИ НА МИТИНГЕ СТУДЕНТОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА 18 ОКТЯБРЯ 1927 ГОДА

В настоящее время у нас происходит значительный рост материальных ценностей. Производство уже перешагнуло довоенные рамки. В соответствии с повышением материального благосостояния страны значительно выросли и потребности. Рынок полностью не насыщен. Потребности населения будут расти и дальше и вызовут необходимость в максимальном повышении нашего производства.

Социализм невозможен при кустарном способе производства, при низком уровне промышленности. Нам во что бы то ни стало необходимо подготовить свои советские кадры научно-технических сил. Кем должен быть советский инженер? Советская власть предъявляет к инженерам три основных требования. Первое—чтобы он был высококвалифицированным специалистом. Второе—чтобы это был высококвалифицированный специалист был научно мыслящим специалистом, т. е. мыслящим марксистски, ибо марксизм является наиболее законченным видом научного мышления. И третье—он должен быть общественно развитым и общественно активным. Ленинградский Политехнический институт, насчитывающий 7500 пролетарских студентов, составляет огромный резерв, откуда можно черпать кадры.

М. И. КАЛИНИН БЕСЕДУЕТ С КРЕСТЬЯНАМИ ДЕРЕВНИ АРАПОВО ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ 15 МАЯ 1919 ГОДА.

ИЗ РЕЧИ НА СОБРАНИИ НИЗОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ РАБОТНИКОВ МОСКВЫ И ДЕЛЕГАТОВ ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА ЗАВЕДУЮЩИХ ГУБОНО 27 АПРЕЛЯ 1928 ГОДА

...Мы строим социалистическое общество, в котором должны быть идеальные отношения между людьми. А в этой области мы успели еще очень мало. Наша молодежь, правда, подает большие надежды, но достигнутого ею еще недостаточно. У нас есть целый ряд бытовых и других извращений. Если можно так выразиться, некоторые люди «формализуются», удовлетворяясь лишь формальной стороной дела. Между тем, культура в полном смысле этого слова не терпит чисто формального подхода. Школа и работники просвещения—все система народного просвещения, должны сыграть огромную роль в деле преобразования человека и создания лучших отношений между людьми.

Нужно создать такого человека, который, прежде чем что-нибудь сделать, задавал бы себе всегда вопрос: а как мой поступок отразится на моем товарище, соседе, на всем коллективе? И он тогда только совершал бы тот или иной поступок, когда убеждался, что это не идет в ущерб интересам всего коллектива. Этому и надо учить нашу молодежь. Тот, кто воспитывает такого идеального человека, должен быть сам прежде всего очень культурен. Конечно, хорошие качества человека не могут быть выдуманы из головы,—они вытекают из существующих общественных и экономических условий. У нас эти условия, несомненно, способствуют развитию идеальных отношений, ибо само Советское государство построено на началах коллективизма. А материальная база для повышения культуры людей в Советском Союзе, безусловно, имеется. На этой базе люди, несущие в массы просвещение, несомненно, выполнят свои задачи.

ИЗ РЕЧИ НА 1-Й ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРОЛЕТАРСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА 1931 ГОД

...Наш опыт планового строительства очень и очень необходим не только для нашего государства, но и для трудящихся капиталистических стран. Перед нами, как передовыми работниками, стоят большие задачи, и поэтому нужно, чтобы качество каждого нашего работника было гораздо лучше. Поэтому от нашей молодежи, кото-

рая оканчивает вузы, требуется высокое качество обучения, а также глубокое изучение марксистско-ленинской теории, так как марксизм-ленинизм—наилучший, наилучший метод практической деятельности как в строительстве социализма в нашей стране, так и в борьбе с капитализмом. Изучение марксизма-ленинизма обеспечивает самую широкую возможность полностью развернуть дарования человека.

Что это значит? Это значит, что люди, овладевшие марксизмом-ленинизмом, будут не просто рядовыми работниками, а будут руководителями нашего хозяйственного и советского строительства. Вы и должны всегда помнить взятые на себя перед рабочим классом обязательства.

Товарищи, история поставила нас в авангард организаторов перестройки человеческого общества. Вот почему разрешите пожелать вам с честью выполнить ту работу, которая выпадет на вашу долю, а для этого, повторяю, прежде всего нужно хорошо и основательно изучить марксизм-ленинизм. Для этого необходимо изучить диалектику. Если вы хотите правильно понимать революционную диалектику, то вы должны в своей практической жизни каждый свой шаг, каждое свое практическое мероприятие увязывать с революционной теорией Маркса и Ленина.

Наконец, товарищи, я должен пожелать вам быть грамотными людьми не только в области теории, но и в области русского языка. У нас считают так, что можно окончить вуз, но не обязательно быть грамотным человеком, но обязательно уметь правильно расставить запятые, будто бы запятые—это буржуазный предрассудок. Это, товарищи, совершенно неправильно... Поэтому само собою разумеется, что русский язык каждый вузовец должен знать в совершенстве, и чтобы каждая запятая была на месте.

ИЗ РЕЧИ НА ПРЕДВЫБОРНОМ СОБРАНИИ РАБОЧИХ, ИНЖЕНЕРНО- ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ И СЛУЖАЩИХ ЗАВОДА «СЕВКАБЕЛЬ» В СВЕРДЛОВСКОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ОКРУГЕ ГОРОДА ЛЕНИНГРАДА 29 ИЮНЯ 1938 ГОДА

...Мы живем не только для того, чтобы жить, но живем и для будущего, мы живем для полной победы коммунизма во всем мире. Эта идеяная зарплата, эти высокие цели, которые стоят перед каждым честным рабочим, перед каждым специалистом, которые стоят как перед мужчиной, так и перед женщиной, которые чувствуют и вос-

принимает наша молодежь,—эти цели облагораживают нашу жизнь, делают ее высокоидеальной. Эти высокие цели расширяют, заряжают нас тем электричеством, которое побуждает говорить: как хороша наша жизнь! Сознание того, что мы являемся авангардом, что мы являемся ударной бригадой угнетенного человечества, сознание того, что мы идем вперед, пробиваем пути, прокладываем дорогу к коммунизму не только для нас самих, но и для всего человечества,—это сознание дает нам огромную, несокрушимую силу... Для того, чтобы нам сохранить советскую власть, чтобы остаться передовой ударной бригадой мирового пролетариата, нам надо еще больше укрепить нашу страну. А для этого нужно еще много и много поработать. Очень много!..

Нам надо также улучшить качество продукции. Вот здесь находится больше двух тысяч человек. Я думаю, что из них нет ни одного, который, по крайней мере, хотя бы один раз в год не жаловался на плохое качество продукции. Но, товарищи, кто же изготовляет эту продукцию? В капиталистическом мире можно сказать: вот мерзавцы, хотя бы на гибли важиться. А у нас? У нас плохое качество продукции можно объяснить только небрежностью. До сих пор еще кое-кто говорит: «Ладно, и так сойдет, и так съедят». А кто будет носить, кто будет есть? Мы же сами.

Так вот, товарищи, мы должны бороться за качество продукции. Только тогда можно будет требовать от другого хорошего качества продукции, когда ты сам научишься выщупывать продукцию только хорошего качества. Борьба за качество—это тоже борьба за дальнейшее укрепление советской власти.

Борьба за качество должна быть рабочей борьбой, и особенно на это должны напирать профсоюзно. Качество советской продукции должно быть самым высоким. Вплоть до обертки наших продуктов. Она должна быть скромная, не крикливая, но все-таки изысканная. Ведь красота и искусство прививаются не только в театрах, консерваториях, в музыкальных и художественных студиях. Чувство красоты, понимание искусства прививаются и в ежедневном бытующем, если ты видишь красивые вещи и пользуешься ими. Мы—отцы и матери—хотим, чтобы наши ребята стояли выше нас в понимании красоты и искусства. Поэтому надо бороться за красоту и искусство при изготовлении продукции.

Публикацию подготовил А. ГЕРМАН.

В ВОСЕМЬ УТРА СОЛНЕЧНОГО ВРЕ

Сергей СМОРОДКИН.
Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА

Специальные корреспонденты «Смена»

У

дивительную все-таки власть имеют над нами воспоминания детства. Попал Владимир Белуданов на «Красное Сормово» еще мальчишкой, и странное дело: поразили его тогда не строящиеся суда, схваченные стальными объятиями сталелитейных, не почти готовые корабли, покачивающиеся на мягкой волжской волне, а огромные полотнища металла в судокорпусном цехе. Здесь сталь раскраивали, резали, сгибали, сваривали, правили, шлифовали, и вот они, детали корпуса будущего судна, едут из цеха. И в деталях этих нет прямых линий. Все корпусные конструкции «кривые», и названия у них соответственно «криволинейные»: погибь, лекальные обводы, седло-

ватость... Пацаном еще слышал Белуданов от рабочих-сормовичей эти названия и запомнил их, как и другие. Вслушайтесь только в эти названия: бимс, стрингер, кильсон, карлингс! Разве их можно забыть?

Потом Владимир Белуданов сам стал строителем судов, но в судокорпусный не попал — работать на «Красном Сормове» начинал в другом цехе. Огромный, днем и ночью дышащий завод, с его лязгом и звоном в прокатном, с пламенем мартенов, шорохом громадных кранов на высоте, с треском и шипением электросварочных аппаратов, с прощальными sireнами судов, навсегда уходящих от заводского причала, обступил молодого мастера своими проблемами, своей еще не совсем ясной и непростой жизнью, своей более чем

столетней историей, многообразными отношениями между людьми, и сложная эта заводская жизнь как бы накладывалась на ту первую, мальчишескую, встречу с заводом.

Директор Николай Александрович Лукин пригласил молодого мастера Белуданова на работу в ПТУ № 5, и Владимир зашел в училище, чтобы отказаться от приглашения. Он посидел в приемной, ожидая конца совещания у Лукина, вышел в коридор, разглядывая стенд с документами, касающимися истории училища. Один документ перечитал дважды:

«28 апреля 1922 года.

В порядке прочтения.

Заведующим отделами и цехами.

Путь в рабочие

МЕНИ

СУХОГРУЗ «ВИТАЛИИ ПРИМАКОВ» — ПЕРВОЕ СУДНО, В СТРОИТЕЛЬСТВЕ КОТОРОГО ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ ЭТИ РЕБЯТА.

**УЧАЩИЕСЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО —
ТЕХНИЧЕСКИХ УЧИЛИЩ
СОРЕВНУЮТСЯ ЗА ПРАВО ПОДПИСАТЬ
РАПОРТ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА
XXV СЪЕЗДУ КПСС.**

да получал. Пуда муки не купишь. Чем кормились? Исхитрились. Сталь судовую марочную на напильники да ножи в Павлове меняли. А уж ножички эти на муку да на постное масло... Пережили голодуху — и снова за свои корабли взялись...

Ах, дед. Надо же. Сам с голодухи мучился, а школу промышленно-торгового ученичества с товарищами своими да с «красным» сормовским директором Даниловым открыл. В 8 утра. Солнечного пролетарского времени. В самый что ни на есть светлый рабочий день. Ну, дед! Семнадцать рублей получал. А школу имени изобретателя Эдисона на полное свое трудовое обеспечение взял. Чтобы не как он — «самотугом», — а по науке дети его и внуки до мастерства доходили. Вот, значит, откуда пятое училище пошло, которым Лукин командует сегодня...

— Товарищ Белуданов, — позвала Владимира секретарь. — Лукин освободился и ожидает вас...

Мы не знаем, о чем говорили Лукин и Белуданов, но из кабинета вышел Владимир без пяти минут мастером производственного обучения сборщиков корпусов металлических судов. Вот так повернулась судьба.

Одно из старейших в стране ордена Трудового Красного Знамени, лауреат премии Ленинского комсомола, среднее профессионально-техническое училище № 5 имени Героя Советского Союза П. А. Семенова* называют на «Красном Сормове» главным цехом. И в этом нет преувеличения. Почти семьдесят процентов работающих сегодня на заводе — выпускники пятого ПТУ. Среди них Герои Социалистического Труда В. В. Пайциков, А. А. Бодров, Н. И. Анищенко, А. П. Удалов, многие научные работники, командиры производства. За годы работы училища, которое уже с начала двадцатых годов «по программе занятий и по оборудованию было вторым по России», подготовле-

КОМСОМОЛЕЦ ВЯЧЕСЛАВ КУЛИКОВ — СУДОМОНТАЖНИК. ОН ПРИШЕЛ НА ЗАВОД ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ УЧИЛИЩА И ВМЕСТЕ С ТОВАРИЩАМИ СТРОИТ СВЕРХПЛАНОВЫЙ СУХОГРУЗ «XXV СЪЕЗД КПСС». ЭТО ПОДАРОК МОЛОДЫХ СОРМОВИЧЕЙ СЪЕЗДУ РОДНОЙ ПАРТИИ.

но более тридцати тысяч специалистов самой высокой квалификации.

Сегодня ПТУ № 5 приумножает славные традиции. Кабинеты оборудованы новейшей аппаратурой, приборами, наглядными и методическими пособиями. Они помогают молодым корабелам получать знания, соответствующие уровню современного судостроительства. Учебный цех, площадь которого около четырех тысяч квадратных метров, оснащен новейшими станками и механизмами. За пятилетку он выпустил продукции на миллионы рублей. Только за два последних года учащиеся и мастера ПТУ внедрили более пятидесяти рационализаторских предложений с экономическим эффектом более семидесяти тысяч рублей.

* Павел Афанасьевич Семенов — один из многих героев — воспитанников училища. Работал он на Сормовском заводе кузнцем и слесарем. Сражался в Испании в рядах Интернациональной бригады. В августе 1942 года в жестком сражении погиб под Сталинградом. «Я горжусь тем, что как сормович, — писал Павел Семенов в одном из писем в училище, — я оправдал славные сормовские рабочие традиции, оправдал доверие партии, меня воспитавшей». Много лет учащиеся по крупицам собирали материалы о жизни героя. Материалы следопытов экспонируются не только в училище, но и в заводском музее.

Согласно извещению завкома 1 мая с. г. в присутствии завкома, директора завода Н. Д. Данилова, пом. директора Н. Д. Чугурина и главного инженера И. Е. Аппак имеет состояться торжественное открытие заводской школы промышленно-торгового ученичества имени Эдисона...

Начало открытия в 8 час. утра солнечного времени. «Двадцать второй год... — повторил про себя Белуданов. — Первое мая». Он вспомнил рассказы деда так отчетливо, что даже увидел, как дед, волнуясь, сыплет и сыплет мимо самокрутки табак из кисета. «Тяжкое тогда время для завода было, Володька. А после голода в двадцать первом году — еще тяжелее. Сормово наше еще и половину мощности своей не взяло. Семнадцать рубликов я — слесарь! — тог-

Да, базовое профессионально-техническое училище № 5 поистине главный цех завода. Перед XXV съездом партии училище выступило с замечательной инициативой: мастера и учащиеся взяли на себя новые, повышенные обязательства, в частности, они решили годовой план по производственной деятельности выполнить к 25 декабря 1975 года; дополнительно к плану при отличном качестве выпустить товарной продукции на 110 тысяч рублей; ко дню открытия XXV съезда КПСС освоить новый, сложный узел для судостроения.

Почин старейшего училища поддержан многими профессионально-техническими училищами страны.

Какую все-таки власть имеют над нами воспоминания детства. Первое знакомство своих воспитанников начинает Белуданов с судокорпусного цеха. Такую уж традицию он завел. Считают Белуданова и его ребят в этом цехе «своими», радуются успехам, огорчаются неудачам, ревностно следят: «Ну, как там наши? Не подводят? Ну, глядите, не срамите судокорпусный. А уж мастерству научим...»

В другие цеха, куда приходит Белуданов со своими воспитанниками, Владимир чувствует себя тоже спокойно и уверенно и так же обстоятельно объясняет непонятное, показывает лучшие приемы работы и, в общем, делает все, как положено, но, пожалуй, нет в действиях и объяснениях мастера вдохновения, и выходит правильно, но сухо и немного скучно, академично. Зато в судокорпусном Белуданов другой: он внутренне как-то даже подбавляется, что случается вообще только перед ответственной работой;

СЛОЖНАЯ ДОСТАЛАСЬ ДЕТАЛЬ..

УРОК АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.

СМЕНА ЗАКОНЧЕНА. ЗАВОДСКОЙ ЦЕХ, В КОТОРОМ РАБОТАЮТ УЧАЩИЕСЯ ИТУ, ВЫПУСКАЕТ СТАНКИ, НАСОСЫ, ДЕТАЛИ К СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМ МАШИНАМ.

появляется у Владимира азарт, волнение передается ребятам, и они усваивают как-то все быстрее, схватывают на лету, и глядишь—парнишка еще вчера не отличал зубило от крейцмейселя, его еще «за шпацией» посылали в соседний цех, а сегодня он уверенно варит профильную сталь: и угловую, и полосообувальную, и швелерную. Кажется, вчера ребята Белуданова работали только на «прихватке», а сегодня осваивают все нужные судосборщику виды сварки: потолочную, вертикальную, нижнюю, горизонтальную.

— Судосборщик должен быть не в трех, а в пяти лицах,—улыбаясь, говорит Белуданов ребятам.—Только тогда можно быть спокойным, что корабль не подведет. Вода—она быстро квалификацию рабочего проверяет...

«Сделано в Сормове». Кто может сказать точно, сколько ушло отсюда в плавание судов за 126 лет существования завода? Но вот эти суда знает каждый в училище. Модели их стоят в кабинетах. Флаги флота—дизель-электроходы «Ленин» и «Советский Союз», морские великаны типа танкера «Генерал Ази Асланов»; семейство крылатых судов—«Ракеты», «Метеоры», «Буревестники» и корабль на воздушной подушке «Сормович»; исполины-паромы «Советский Азербайджан» и «Советский Туркменистан»; из Сормовской гавани ушло к нефтяникам Каспия уникальное в своем роде крановое судно катамаранного типа «Кер-Оглы»...

К открытию XXV съезда партии молодые корабли дали слово спустить на воду сверхплановый сухогрузный теплоход. И будет он называться «XXV съезд КПСС». Прежде чем судно выйдет в свое первое плавание, корпус его пройдет через руки судосборщиков. Через руки ребят из комсомольско-молодежной бригады Владимира Дружкина, в которой сегодня—пока на практике—работают воспитанники Белуданова: Дмитрий Лобаев, Александр Бирюков, Петр Шеронов... Они тоже строят сверхплановый комсомольский сухогруз—подарок молодых сормовичей съезду партии.

Почти тысяча наставников—самые квалифицированные рабочие, самые душевные люди, к которым можно прийти и с радостью и с бедой,—помогают овладеть будущим кораблям секретами мастерства. Университет передового опыта работает в училище не первый год. Деканом «факультета будущего сварщика» является Герой Социалистического Труда бригадир электрогазосварщиков В. В. Пайщиков; «факультет будущего судомонтажника» возглавляет Герой Социалистического Труда А. П. Удалов.

Когда я читал школьные характеристики на Дмитрия Лобаева, Александра Козина, Володю Журавского и их товарищей, то почти в каждой «спотыкался» на отрицании «не»: недисциплинирован, неусидчив, несобран, невнимателен, непостоянен. Около двух лет назад впервые переступили эти ребята порог дома на тихой и зеленой сормовской улице и за это время заметно изменились. Я думаю, школьные учителя обрадовались бы характеристикам в зачетных книжках практикантов.

«К делу относится с душой»—это про Дмитрия Лобаева. «Сделает хорошо свою работу и обязательно товарищу поможет»—это про Петра Шеронова. «Каждую операцию сначала обдумает, выберет наилучшее решение, а уж потом действует»—это про Александра Бирюкова. Конечно, ребятам еще много и упорно надо трудиться, чтобы дотянуть до мастерству бригады Дружкина, но согласитесь: приятно получить такую аттестацию от старших товарищей по сложной, ответственной работе.

Есть тут еще одна деталь, о которой напомнил Александр Бирюков. Он долго подыскивал слово, чтобы охарактеризовать отношение к нему наставника. И подобрал. «Он над тобой не «нависает»,—сказал Саша о Никитушкине.—Другой сварщик махнет рукой и давай вместо тебя варить. А ты стоишь, смотришь. Зачем тебе стараться, если за тебя работают? В бригаде Дружкина все на доверии и самостоятельности держится. А раз так, то стараешься себя не уронить...»

Смена в бригаде Владимира Дружкина началась, как всегда, минута в минуту: в восемь утра солнечного времени.

— Начали,—сказал Дружкин.
— Поехали,—махнул Витюшов крановщице, и работа началась. Без суеты, без задержек, споро и сосредоточенно. Огромные части корпусов плыли по цеху, обрастая новыми и новыми деталями. Дружкин и его ребята, проводя их за ворота цеха, чуть притрагивались к ним темными от металла руками, как бы гладили их синеватые, еще не окрашенные бока, будто в последний раз проверяя точность размеров, качество сварки, аккуратность сборки.

Бригадир взял сегодня в напарники Дмитрия Лобаева. Сначала показывал, как работает сам, потом брал инструмент—электрод, электросверло или газорезак—Дмитрий. Бригадир вел сборку с уверенностью и сосредоточенностью большого мастера. Он видел малейший неполадок в конструкции детали и знал, как она поведет себя в том или ином положении. Средний, обычный судосборщик вроде и старается делать, как мастер, а понять его умения не может. В усердии, старательности он даже может превзойти мастера. Но главное—то в другом: в абсолютном понимании конструкции. Дружкин понимал ее. И в этом были умение, гордость и тайна Дружкина.

А внешне работа Дружкина выглядела и не очень эффектно. Александр Витюшов или Николай Мазурин работали вроде бы красивее, с некоторой даже лихостью, дескать, все это нам так—семечки, нам бы чего поспокойнее...

Лобаев нет-нет да и поглядывал в сторону Витюшова и Мазурина. Уж больно ловко все у них шло, понимали друг друга без лишних слов: по взглядам, по жестам, по коротким, отрывочным фразам.

Лобаев поглядывает на Витюшова и Мазурина, старается делать, как они, да не получается. Он суетится, путается или, наоборот, медлит, сбивая Дружкина с ритма. Но Владимир, который работает с ним рядом, плечом к плечу, не горячится, не ругает, только глаза у него холодные, как бывает всегда, когда он видит неумелую работу. Бригадир показывает еще и еще раз. Заставляет повторять наиболее рациональные, выверенные не одним годом работы движения.

• Шпация—расстояние между соседними шпангоутами.

— Возьми электрод на себя. Ближе. Еще ближе. Так, хорошо. Вари спокойно. Не торопись. Вот на таком расстоянии и держи все время,—говорит Дружкин, закуривая.

И в этот момент электрод «прилипает», шов испорчен. Дружкин показывает еще раз. И еще...

Когда в парткоме завода Белуданов и Лукин советовались, кто из молодых судосборщиков будет наставником у ребят, одним из первых был назван Дружкин. Белуданов слышал о нем, как об одном из лучших сборщиков на заводе, недавно выигравшем конкурс мастерства «Золотые руки». Но лично молодого бригадира мастер знал не очень хорошо, для того чтобы быть уверенным: Дружкин научит ребят не только профессии, не только передаст им свое мастерство, но сумеет привить творческое отношение к делу, чувство хозяина в своем доме—в цехе, на заводе, в стране. Одним словом, поможет воспитать рабочего и гражданина.

Он так прямо и сказал об этом в парткоме. Юрий Марченков, заместитель секретаря парткома, на мгновение задумался.

— И все же Дружкин. Я за него ручаюсь,—сказал он.— Володе будет удобно наставничать,—продолжал Марченков, делая ударение на слове «удобно».— Дружкин честен, открыт, не пожелает на ребят никакого времени.

Я специально присматривался, как парни к новеньким в бригаде относятся. Они, конечно, медленнее других работают, но никто им не скажет: «Копаетесь... Лучше самому сто раз сделать». А вот помогут обязательно. И это на срочнейших заказах! В счет десятой пятилетки работаю!

Наблюдая, как Волода работает с Лобаевым, Белуданов еще раз убедился, насколько точно подметил педагогическую жилку в характере бригадира Марченков. Дружкин цепким взглядом ошупывает шов, не находит дефектов, удовлетворенно говорит: «Дело пойдет».

И все слышат эту похвалу: и мастер Белуданов, и Витюшов, и Мазурин, и товарищи Дмитрия—Шеронов и Бириюков.

...Обеденный перерыв. Бригада Дружкина идет в столовую, потом все сидят под старыми кленами, отходя после напряженной работы. Бириюков напоминает Лобаеву:

— Дима, а чего ж ты о нашем вызове не говоришь?
— Хотел после смены,—отвечает Дмитрий.— После смены обстоятельнее как-то...
— Давай уж, коли заикнулся,—говорит Витюшов.

Не каждой группе в училище доверяется почетное право соревноваться с лучшими бригадами завода «Красное Сормово». Это право завоевывается в упорном соревновании с другими группами. При подведении итогов учитываются выполнение производственных заданий, качество работы, участие в конкурсах «Лучший в своей профессии», в рационализации, в спортивных состязаниях, помощь подшефному сельскому ПТУ и, конечно, успеваемость и дисциплина.

В одном из кабинетов, где занимается шестая группа, висит большой плакат. Красными буквами выведено: «Социалистическое соревнование—вечный наш двигатель! Вечное наше движение вперед!».

— Понравился лозунг?—спрашивают ребята.— Перед самым комсомольским собранием, на котором решили вызвать на соревнование комсомольско-молодежную бригаду Дружкина, лозунг этот написали. И в протокол этот факт занесли...

Такой же лозунг висит рядом с проходной «Красного Сормова». Рядом с новым плакатом «XXV съезду—25 ударных декад!». И в этом на первый взгляд случайном совпадении—глубокий смысл: комсомольцы—будущие судосборщики—сделали еще один шаг, осваивая богатые традиции, накопленные многотысячным коллективом сормовичей в социалистическом соревновании.

Лобаев достает плотный лист бумаги, аккуратно сложенный вдвое, передает Дружкину. Владимир разворачивает, начинает читать вслух: «Навстречу XXV съезду партии. Социалистические обязательства группы номер шесть. Девиз: ударный труд, достойное пополнение—десятой пятилетке! Первый. Выполнять производственный план на 115 процентов;

Второе. Работать и учиться по принципу: «Ни одного отстающего рядом»;

Третье. Рационально использовать металл при изготовлении продукции;

Четвертое. Принимать активное участие в общественной жизни нашего училища и нашего завода «Красное Сормово»;

Пятое. Каждому учащемуся сдать нормы ГТО;

Шестое. Освоить передовые методы труда комсомольско-молодежной бригады В. Дружкина.

Вызываем на социалистическое соревнование за почетное право подписать рапорт Ленинского комсомола XXV съезду партии бригаду Владимира Дружкина и заверяем, что сделаем все возможное, чтобы научиться жить и работать, как живут и работают бригады коммунистического труда завода «Красное Сормово».

— Ну, молодцы, ребята,—улыбается Дружкин, пуская листок по рукам.—Надо по пунктам обсудить, а? Как считаете?

— Девиз и нам подходит,—говорит сварщик Рыжов.—Мы ведь тоже еще, можно сказать, пополнение рабочего класса. К примеру, наши Герои Социалистического Труда Пайшиков или Удалов работают так, что нам до них еще далековато...

— Это верно,—поддерживает Витюшов.—Пока далековато... Но догоним. Пункт третий, насчет экономии металла, тоже в самую точку бьет. У нас в обязательствах бригадных тоже такой пункт есть.

— Неясность с ГТО,—хмурится судосборщик Сатыков.—Ну, Витюшов или там Никитушкин—спортсмены известные. А я, к примеру, как? У меня и в школе со спортом не того...

— Поможем,—смеется Витюшов.—И запрываешь и забегает, коли для бригады нужно будет...

Все улыбаются. Только бригадир серьезен. У него свое сомнение: «ГТО, я думаю, не самое главное. Другая проблема: все ребята, которые нас на соревнование вызывают, учатся. А мы как? Выходит, отстаем?»

Бригада молчит. Это действительно вопрос. Он уже не один раз поднимался. Сам бригадир учится на вечернем

отделении института. Никитушкин и Рыжов в техникуме, Ключников в средней школе, Киселев готовится в институт... Только Козлов и Хрулев, окончив когда-то восемь классов, решили, что для них и восьмилетки достаточно...

Бригада молчит. Смотрят ребята на Козлова и Хрулева: что они скажут? Первым не выдержал Козлов:

— Опять за свое... Я же сколько раз говорил: неспособный я дальше учиться. Хватит мне грамоты и так...

Хрулев его поддерживает:

— Заработок у меня от этой школы не прибавится. Факт?

— Ладно, ладно,—говорит Дружкин,—это мы слышали. Нашу точку зрения знаешь... Между прочим, я тоже, как ты, до армии рассуждал. А вернулся после армии на завод, понял, что без образования—ни туда, ни сюда. Будешь все время на подхвате... Новые суда, новая техника, а ты все на одном уровне. Школу-то я среднюю закончил, сами знаете, когда уже на заводе работал. Тоже нелегко было. Но надо! И сейчас в институте, прямо скажу, не сладко приходится...

— Не горит,—спокойно возражает Козлов.—Вот когда «жареным» запахнет, тогда подумаю. Еще есть время, успею.

— А кто тебе вернет упущенное время?—говорит Витюшов.—Учиться, верно, никогда не поздно. Я недавно читал: один чудак—не то в Австралии, не то в Аргентине—в семьдесят лет в университете поступил. Пусть учится на здоровье. Только успеет ли он этими знаниями воспользоваться? Вот в чем вопрос...

— Ну, нам еще не семьдесят,—смеется Козлов.—Верно? Хрулев кивает головой.

Слушает Белуданов старый, судя по всему, бригадный спор. Слушают спор Дима Лобаев, Саша Бириюков, Петя Шеронов... Скоро им тоже придется решить, на чьей они стороне. Сама жизнь ставит этот вопрос: как быть дальше? Учиться снова после ПТУ или остановиться, переждать?! Внимательно следят за спором ребята. Хоть и не вступают. Пока вступать им в этот спор не положено. Так они считают.

Дружкин смотрит на большие электрические часы, которые висят у входа в судокорпусный цех. Пора! «Мы, ребята, еще раз обсудим ваш вызов,—говорит он Лобаеву и его товарищам.— Дело-то серьезное: ведь с училищем—лауреатом премии Ленинского комсомола соревноваться будем! Решение свое скажем через пару дней. Лично я голосую за соревнование с вашей группой двумя руками».

Они идут в цех рядом. Бригада Дружкина и его, мастера Белуданова, воспитанники: Дмитрий Лобаев, крепкий паренек с сильными, локыми руками, застенчивый Саша Бириюков, веселый, разбитной Петя Шеронов.

Они так и входят в цех все вместе—самые молодые сегодня строители судов

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Сормовичи.

Майор Стругов вел вертолет почти вдоль кромки лимана, стараясь не загонять винт машины в обреш редких сырых облаков. Было раннее утро, заспанное солнце только что вылезло из-за далекой, чуть вогнутой кромки моря. Стругов не мог никак освободиться от странной тяжести, застрявшей в грудной клетке, в самой глубине ее, под сердцем, от усталости, оставшейся после скомканной тревожной ночи, от цепкого ощущения тревоги, безотвязно охватывающей его в последнее время.

— Смотри, майор, кабан! — Начальник райотдела милиции Пермяков поднялся на дюралевую лесенку, вцепился крупными руками в потолочные скобы. — Ну и кабан! С корову, не менее, а? Из двух стволов только снять можно. Как считаешь, майор?

На крохотном, плоско поднявшемся над водой островке крутился огромный палевый кабан: задрал сильно вытянутую волосатую морду, он часто поддевал пятаком воздух. Длинные, почти прямые клыки кабана были в крови. Убегать зверю некуда — кругом волнистая рябь, плавни, все сухие куртины и гривы затопило по самый верх, и пока не спадет вода — сидеть кабану на островке.

— Дай круг, всего один круг. — Пермяков пристукнул кулаком по резиновому настилу. — к кабану вернемся!

— Не надо. Пусть живет, — хмуро сказал Стругов. — Алексей, как курс? — спросил он у штурмана с непонятной фамилией Гупало. Тот поправил тоненькую планшетку, лежавшую на коленях, ткнул пальцем в голубизну карты, засунутой под целлулоид, потом привстал, глянул вниз, в камышовый бурелом, где настороженно блестели темные прогалины воды.

— Через семь минут будем на месте, — объявил он простуженным, с сипотцой, басом.

Валерий ПОВОЛЯЕВ

РАССКАЗ

МАЙСТРА

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Был Гупало неповоротливым, толстоющим молодым человеком с сонно опущенными глазами и густыми рыжими волосами, как проволока, жесткими, растущими вкривь и вкось...

Вскоре по курсу показался длинный, снежно чистый остров, окаймленный густой, но уже сохлой растительностью,—Охотничий Став. Стругову раньше приходилось бывать на острове, бить жирующих уток. Помнил Стругов и безудержно бесшабашный клев в плавнях. Он поискал глазами деревянный приют-домик, сколоченный из финских панелей, на восемь человек, но не нашел.

«Забыл, где стоит,—подумал он.—Нет, не забыл. Дом стоял на берегу заросшей камышом и кугой поймы, от дверей до воды по деревянной сходенке два шага, не больше... Пойма—то она... А дом? Где же дом, прозванный охотниками приютом?»

Дома не было. Дом снесло ночным наводнением. Стругов уже знал, как разыгралась трагедия,—рассказали в штабе. Более суток над Азовом дула низовка—«турецкий» ветер. Облака он гонит так низко, что те задевают за трубы одноэтажных домов. Этот ветер нагнал в лиманы морской воды, затопил плавни, а потом, ночью, уже в одиннадцатом часу, после десятиминутного затишья, на побережье обрушился майстра—ветер-европеец огромной силы, вздыбивший в западных водах тяжелый морской вал. Вал шел к берегу, переворачивая в запанях сейнеры, ломая, как спички, бетонные пасынки, поднимая со дна старые рыбацкие байдды, затопленные еще в прошлом веке. В Охотничьем Ставе, как выяснилось, он снес приют, в котором расположились на ночь не чувявшие беды охотники, прибывшие в угодыя пострелять птицу, порыбачить...

Стругов посадил вертолет на берег поймы, почти вплитык к воде. В иллюминатор была видна спокойная и чистая глубина. Когда Стругов, досаду на слабость в теле и звон в ушах, выбрался из вертолета, то увидел, что офицеры сбились в круг и молча рассматривают что-то. Майор подошел, заглянул через плечо штурмана, увидел худую мокроглазую собаку с жалобной мордой, узким угловатым крестцом, непрочной грудью. Пятнистые нечесаные бока собаки с прилипшими к шерсти водорослями мелко дрожали, кривоватые тонкие лапы подгибались от страха, усталости, от отчаяния, от сознания собственной беспомощности.

— Вот она знает... где хозяин, где остальные... Знает, да сказать не может,—задумчиво проговорил Гупало.

Стругов, присев на корточки, протянул руку к собаке: та настороженно откинула назад голову, но потом, поняв, что человек не замышляет ничего худого, потянулась носом к ладони, запрядала ноздрями.

— Хозяина ищет,—сказал Меньшов.

— А где хозяин? То ли жив, то ли мертв, одному богу ведомо.

— Общцем Охотничий Став...—не то предложил, не то приказал Стругов. Поднялся, вытер одну руку о другую, стянул с головы шлем.—Глядишь, и найдем что... Тут иногда клок газеты подсказать может, где люди.

— Можно обыскать,—помедлив, согласился Пермяков, хотя и собрал на лбу недовольные морщины. Право приказывать он считал, судя по всему, единоличным.—Как пойдём? Все вместе, гуртом? Или цепочкой?—спросил он и тут же умным, знающим голосом предложил:—Лучше цепью, с интервалом в пять метров. Нас тут сколько? Четыре человека... Вот полоса захвата и составит двадцать метров. Самый аккурат.

Стругову досталось крайнее, к воде, место; он, разгребая носками сапог завалы резики, сделал несколько шагов, осмотрелся, потом раздвинул камышовый стланник. Скрипучий хруст сухих трубок вызвал у него нытье в зубах. Справа из камыша выглядывала огненная, как цветок, голова штурмана. За штурманом, следующим по цепи, шел Меньшов; замыкал линию Пермяков, с суетными округлыми движениями, надсадным, слышимым даже здесь дыханием.

«Сердце у него—того... Иначе бы он так не дышал»,—подумал Стругов. Выйдя на примятый пятячок-вдавлину, он увидел мертвого дельфина. Небольшой, примерно полуметровой длины дельфин-ребенок длинным тупым носом вспорол землю... По ввалившемуся сморщенному глазу ползала крупная, отогрешаясь на солнце муха. От дельфина исходил едкий запах, и Стругов понял, что он лежит здесь уже несколько дней и погиб еще до майстры.

Потом ему попалась суковатая палка, отороченная прелой, превратившейся в лохмотья кожей. Поднял, оборвал лохмы; палкой было удобно поддевать сухие шапки куги. Под одной из шапок он нашел старый ружейный приклад с вытертой до блеска плечевой пластиной. Кряхтя, нагнулся, вытащил приклад из-под куги, подержал несколько секунд в руках, пробуя на тяжесть. Приклад был переломлен у курков. Скорбно-озабоченное выражение сковало лицо Стругова; трудно было понять, о чем он сейчас думает.

Гупало оглянулся на Стругова, увидел приклад, позвал тихо:

— Товарищ Пермяков!

Начальник райотдела, гикнув, рысцой припустил к ним через камыши, придерживая хлопающий по боку пистолет.

— Ну-ка, ну-ка,—закричал он,—следопыты, следователи, археологи... Дай-ка, майор. Та-ак...—Пермяков провел ладонью по прикладу, ощупывая царяпины, зазубрины, потом вскинул его к плечу, зачмокал губами.—Та-ак... Судя по длине приклада, охотник был невысокого роста и некрепкий физически. В милицию работать я бы его не взял. Ей-ей.

— Что приладился? Подходит приклад или не подходит? Этих ребят или давню же здесь валяется?

— Следствие покажет, десятка или нуль... Там разберемся,—туманно ответил Пермяков.

Стругов досадливо шлепнул свернутым вдвое шлемом о колено.

— Пошли дальше.

Собака медленно продиралась сквозь камыши, низко опущенной мордой раздвигая стебли. Потом, почувствовав что-то, остановилась и, потянув носом воздух, заскулила длинно, тонко, с тоской. Тут же, в ответ, в другом конце Охотничьего Става, в куговых зарослях, послышался силпый лай, затем мягкий перебор лап по ракушечнику. В камыши словно торпеда вошла, тупо застучали друг о друга махистые головки початков, раздался треск, короткий звериный рык, и на людей выскочила собака—тоже сеттер, только кирпично-пегий, с широколобой головой, угольно-красными, светящимися, как у кролика, глазами.

— Иди сюда,—шепотом позвал Стругов собаку.—Сюда иди! Джек, Бекас! Бой, Флинт, Юм!.. Чик, Моль, Кронид!—Майор скороговоркой выпалил все известные ему собачьи имена, но сеттер как застыл в трех шагах от него, так и не сдвинулся с места.

— Кронька, Чикуня, Флинтарь, Юмаша.—Стругов переименовал несколько имен в ласкательные, похлопал ладонью по колену, приглашая, ощутил, как теплеет у него в груди от сочувствия к этому беспокойному и преданному животному, нагнулся, узрев краем глаза замысловатую, скрученную в спиралеобразную трубу ракушку, но не успел рукой дотянуться до диковинки, как сеттер, издав короткий приглушенный звук, в гигантском прыжке метнулся в сторону. Раздвоив грудью стенку камыша, исчез.

— Вот так пе-ес... М-да...—Меньшов, находившийся рядом, цыкнул слюной, отер

рот тыльной стороной ладони. Стругов не понял, одобряет ли Меньшов поведение пса, или же, напротив, порицает, но тот сам поставил точку над «и», заключив:—Хозяину чрезвычайно преданный. Кроме хозяина, больше никого не признает. И не признает. Приручать такого пса целую жизнь надо. Почти невозможно... Одичает, в плавни уйдет, а с чужим человеком жить не будет. М-да. Этот пес—однолюб, вот какая его порода.

Они обшарили весь Охотничий Став, но ничего, кроме давешнего обломка ружья, не нашли. Вывод был следующим: то ли охотники успели ночью эвакуироваться на лодке и лодку унесло в море, то ли всех их смыло накотившимся валом.

Собрались у вертолета, запаренно дыша после поисков, каждый выбрал место в тени, лишь Гупало расположился в стороне; с беспечным видом он подставил под лучи шелушащееся лицо, медленно завращал головой—вначале одной щекой к солнцу, потом другой. Через несколько минут он вытащил из планшетки командирскую книжку-дневник, оторвал разлинованный листок и, поклонившись ему, приклеил к носу.

«Совсем еще пацан»,—подумал Стругов, глядя на блаженный лик лейтенанта, спросил тихо:

— Ну, что будем делать, товарищи?

Никто не отозвался, и, когда молчание грозило затянуться, Стругов спросил громче, отчетливо, словно школьник, читающий по слогам:

— Что делать-то, а?

Меньшов отогнул рукав куртки, постучал ногтем по стеклу часов.

— Для начала надо, наверное, перекусить, товарищ майор. Пора обеда. За едой и обсудим.

— Но время же дорого... Каждая минута на счету,—поморщившись, возразил Стругов.—Может, от этих минут жизнь людская зависит, может, она на волоске уже...

— Десять минут на еду надо, а заодно и на обдумывание. Необдуманных поступков нам нельзя совершать, товарищ майор.

— Ты, Меньшов, слишком складно говоришь. А людям как?—спросил Стругов, потом махнул рукой, соглашаясь.—Ладно. И собак заодно покормим.

Все разом посмотрели в конец длинного, прямого, как луковая стрела, хвоста вертолета—пятнистый сеттер сидел там и, тонко взвизгивая, зализывал побитую грудь.

— Давай-ка, Алексей, харчевую сумку сюда.

— Сиди-сиди.—Меньшов остановил поднявшегося было Гупало.—Загорай, пока время есть. Я схожу...

— А я не загораю, я обдумываю.—Гупало пожал плечами и вопросительно посмотрел на майора.—Стругов не любил, когда не выполнялись его приказы, но на этот раз майор лишь устало кивнул, потер пальцами плохо выбритый, с редкими кустиками седой щетины подбородок: поднимали по тревоге, на рассвете, в самые сладкие часы, иные вообще забыли бритву взять с собой... Гупало отвел глаза, ему вдруг стало жаль этого немолодого, столько видевшего и перенесшего в жизни человека. Меньшов беззвучно появился в притеми вертолетной кабины, ловко спрыгнул на ракушечник, потянул за прочный брезентовый ремень бокастую сумку. На ходу он вытащил из сумки цветистую, но уже до тканой основы вытертую клеенку. Быстро присев, расстелил ее на ракушечнике. Тут же чертыхнулся—стремительно принесшийся ветер резко завернул угол клеенки, сложил пополам, швырнул горсть крупного колкого песка сверху.

— Привет от старых штиблет,—басом прокомментировал Гупало.—Наше вашим, давай спляшем.—Он подполз на четвереньках, приподнял клеенку, ссыпал песок под ноги.—Скатерть-самобранка: и в огне не горит и в луже не тонет...

Стругов потянулся к кругу колченой колбасы, торчащему из сумки, вытащил, разломил пополам.

— Колбасой собак покормим. Буковинская называется... А сами докторской обойдемся. Как? За?

Меньшов хмыкнул и, подняв руку, проголосовал «за».

Стругов поглядел на камыш, на заросли куги, среди которой блеклой зеленью расцвела сныть, чья кашка в летнюю пору пахнет медом и звонким-звонка от пчелиного гуда, а сейчас мертвенна и по осени бесплодна, и у него даже горло защемило—скоро пойдет снег, наступит унылая пора, а с нею и тоска заползет в грудь, застынет болезненным комом под сердцем и растает лишь, когда снег окрпнет, зима упрочит свои права и полностью войдет в силу.

— А второго-то пса нету. Простыл след,—проговорил Меньшов, проследив за взглядом майора.—Времени нуль, ждать не будем.

— Да вон он, ваш пес! Жрать захотелось—живо прискакал,—сказал Пермяков, запрокинув голову.

Со спины, по мокрой береговой кромке, к ним заходил кирпичный сеттер.

Стругов резко повернулся, вытянув губы, тонким цыком позвал собаку. Пес остановился, поджал одну лапу, видно, ушибленную, потом все же подошел, кривобокий, диковатый; осторожно, словно под ним были гвозди, опустился телом на ракушечник.

— Умница. С высшим образованием,—тихо похвалил его Стругов.

Порывшись в боковой кармане сумки, он достал фольговое ребристое блюдце, положил на него половинку колбасного круга.

— Держи, старина. Может, разрезать, а?

Пермяков тяжело рассмеялся.

— Ты, майор, с собакой, как с любимой женщиной, обращаешься. Ты ему слюнявчик на грудь приспособь.—Пермяков отщипнул пальцами немного хлеба, притиснул к носу, шумно вдохнул.—Лучшая закуска.

— Я только в дворянгах хорошо разбираюсь. Они по моей части, а те, у кого хвост не кренделем, для меня на одно лицо.

— Алексей,—обратился Стругов к лейтенанту,—соединись-ка по радию с городом, узнай, как дела? И что они нам посоветуют, спроси...

— Слушаюсь, товарищ майор!—Гупало поднялся, стряхивая приставшие к отпавшим ладоням песчинки.

— Тише, ты!—вскинулся Пермяков.—Егурза. Привык с песком обедать...

— Простите,—извинился Гупало, забрался по лесенке в вертолет, и вскоре из пилотного отсека послышался его монотонный, лишенный окраски голос:—Алло, тринадцатый! Ответьте! Алло, тринадцатый...

— Ну и позывные у вас,—усмехнулся Пермяков.—Чертова дюжина, несчастливое число.

— Хотите, я вам историю расскажу?—спросил Меньшов, обращаясь непосредственно к Стругову.—Про собак, я когда-то собаками занимался, кое-что знаю о них.

— Хотим, валяй!—бодро разрешил Пермяков.

— Погоди,—остановил Стругов,—пусть Алексей переговорит сначала... Узнаем, что город скажет. Может, лететь сейчас придется. Немедля.

Все разом оглянулись на штурмана, чье лицо будто вырезанным из картона силуэтом вырисовывалось за стеклом бустера.

— Судя по спокойному портрету нашего Гупало, полетов над лиманом не предвидится,—сказал Меньшов.

— Посмотрим.

Гупало медленно стянул с головы обруч с наушниками, положил его на сиденье.

— Вот тетеря,—пробормотал Пермяков,—люди ждут, а он, как в замедленном кино, еле шевелится.

Гупало неторопно поднялся, прогромыхал ступеньками узкого трапа, ведущего из кабины в трюм, возник в проеме.

— Ну, что?—спросил у него Стругов.

— Приказано еще раз обследовать остров. Лиманы обшаривают другие, четыре машины в поиске. Так что можно продолжать обед, товарищ майор.

— Ясно,—сказал Стругов, подивившись нездоровой глухоте своего голоса, неужели он заболел?

— Так рассказывать?—спросил Меньшов.

— Рассказывай.

— Я, говорю, собаками много занимался, даже литературу изучал по поводу разных там лаек и борзых... Вот чем, к примеру, отличается молодой доберман-пинчер от старой короткошерстной легавой, а? Чем? Только ушами и хвостом. У добермана уши торчком, с загибом, и хвост по самую репку оттяпан, а у легавой уши по-дворянски книзу, и хвост, как сарделька, короткий, не гнется, пистолетом торчит. А так похожи друг на друга, один к одному.

— Ну-ну!—Гупало прыгнул на ракушечник, подошел ближе, засунув руки в карманы.—Доберман крупнее!

— Еще один собачий знаток,—сказал Пермяков.

— Размерами почти не отличаются,—возразил Меньшов.—А вот такую собачку вы знаете? Той-терьер называется. Комнатная. Величиной не больше рукавицы, мордочка, будто у крысенка, тякает по-кошачьи. Любит спать в постели с простыней.

— Го-го-го,—загрохотал Пермяков.

— Как-то отец мой,—продолжал Меньшов,—будучи еще в соку и в силе, крепким деревенским мужиком, поехал на лошади на базар. В Елец. И меня взял с собой. А до золотоголавого Ельца от нашей деревеньки ни дать ни взять километров тридцать пять—сорок будет. Поехали мы, чтобы телятину сбывать,—как раз телка тогда зарезали,—да еще обнову домашним купить, ну, в общем, крестьянские дела надо было справить. Выехали затемно, на небе еще Млечный Путь поглядел—у нас, на Орловщине, называют его красиво—Весь Жар,—и не заметили в темноте, что за телегой увязалась брюхатая дворянка. По кличке Репа. Спихнулись, когда деревня уже осталась за ста буграми. Домой не прогонишь... Да и не уйдет собака, хозяев не бросит... Так и прибыли в город—мы на телеге, Репа пешком. Пока батя торговал телком да ходил по лавкам, тряпье подбирал, Репа ошенилась под телегой. Посмотрел мой родитель на скалящее мокрое потомство Репино—и хватать за голову: щенков пять штук, все слепыши, загнута в дороге, да и что везти это богатство домой—все равно топить в реке. И Репу оставлять со щенками жалко.

Поскре батя затылок, махнул рукой—пропади ты пропадом, проще другого сторожа во двор привести, чем Репу с елецкого базара эвакуировать. Словом, уехали мы домой. Прибыли уже ночью, часов в двенадцать. Я в дороге уснул, меня сонного с телеги сняли, в избу перенесли. А утром, выйдя на крыльцо, мой батя увидел, что Репа как ни в чем не бывало сидит на дворе у будки и облизывает пятерых щенят. Батя так и бухнулся на колени перед собакой. А что ему оставалось делать? Мать выходит корову доить, а батя на четвереньках стоит перед собакой и слезы льет. И смех и грех. Так как же Репа смогла за одну ночь, да и то неполную, перетачить из незнакомого города, за целых сорок километров расположенного, пятерых щенят? Как, скажите?

— Как?—задумчиво переспросил Стругов и вдруг нададно, вязко закашлялся: «Ха-ха!»—глаза его налились слезами, вобранная в плечи голова затряслась мелко, и весь он сделался неуклюжим, слабым, покорным. Откашлявшись, он тяжело, одними ноздрями, втянул в себя воздух, выдохнул—видно, это принесло ему облегчение, быстро вытер слезы.—В-вот, черт... Хоть в госпиталь ложись.

— У тебя пневмония, майор,—лениво произнес Пермяков.—А ты летаешь. Если в дороге закашляешься, грохнешься можем.

— Не грохнемся. Алексей вон поведет. Он и штурман и пилот. А что касается собаки, Репы этой, как она щенят перенесла, то я как-то наблюдал... Возьмет мать одного щенка зубами за шиворот, оттащит метров на четвереста, возвратится за другим. Щенята маленькие, сопливые, незрячие, пищат, словно комары.

Стругов замолчал. Слышно было, как мелкая волна с вкрадчивым шорохом бьет в бок острова. Даже Пермяков погрузнел.

— Может, пойдем, майор?—шепотом спросил он.

— Говорят, что многие матери бросают своих детенышей.—Стругов поднес к лицу руки, повернул их ладонями вверх—мозолистые бугры были костяными от рукоятки шаг-газа. Пошевелил пальцами.—Мерзнут. Как обморозились в сорок первом под Москвой, когда фрицы перли по-сумасшедшему, так с тех пор и мерзнут. И зимой и летом. Он прикусил губу редкими верхними зубами.—Вот так. А вообще, закруглая разговор,—многие матери бросают своих деток. Да. Матери—волчицы, медведицы, барсучихи, кошки, лисички, кабанья отродь—все бросают. А собаки—никогда!

Он прикрякнул, поднялся. Страхнул с колен песок. Обе собаки вскочили следом.

— Не удался у нас обед. Колбасу оставим для собак. Завтра, когда вернемся, еще привезем.

— Может быть, забрать с собой? Вдруг новый вал? Пропадут.—Из-под толстых бledных век штурмана выплеснулись на Стругова заинтересованность и любопытство.

— Вала больше не будет,—сказал майор.—Метеорологи точно предсказали. А что касается собак, то не пойдут они с нами. Так мне кажется.

— Как это так не пойдут?—возмутился Пермяков.—Повязать их по лапам—и в вертолет.

— Надо ли обшаривать еще?—спросил Меньшов.—И так все прочесали.

— Надо. Таков приказ. А мы—люди военные, приказы привыкли исполнять. Вторичный осмотр Охотничьего Става ничего не дал, остров был пуст, лишь Меньшов нашел в ракушечнике пуговицу от плаща, но она была старой, растрескавшейся, года два пролежала в песке, не меньше, и к исчезнувшему охотнику никакого отношения не имела. Вернулись к вертолету.

— Ну что, шерлоки холмсы? В обратную дорогу?

— А как же с собаками, товарищ майор?—жалобно спросил штурман.—Может, вот ту, пятнистую, заберем?—Гупало подошел к сеттеру.—А кирпичный—этот пусть остается... Как?

— Если захочет—пусть...

Гупало забрался в трюм «МИ-4», поманил пальцами собаку. Сеттер с места прыгнул и, остро скребнув когтями по металлическим пластинам пола, приземлился в трюме.

— Хозяина сейчас искать полетим,—сказал ему штурман,—может, он уже давно в городе и в ус не дует, не подозревает, что такая умная красивая собака слезы льет по нему, дожидается.

— Жалко второго пса оставлять,—сказал Меньшов.

— Второй не пойдет. Характер у него сложный.

— Сейчас как мотор запустим, так живо твой сложный характер в вертолет заскочнет. А иначе он сдохнет с голоду.—Пермяков, забираясь в трюм, от натуги налился помидорным цветом.

Тяжело качнулась лопасть, проехала над самой землей, но кирпичный сеттер не отскочил в сторону, как ожидали летчики, а преспокойно притиснулся к ракушечнику, вдавив морду в распластанные лапы.

— Закупоривай каюту, Меньшов!—скомандовал Пермяков.

Вертолет тяжело взревел, приподнял над землей туловище и косо, напористо набрал высоту. В последний миг Стругов увидел, что вскокивший со своего места сеттер тревожно задрал голову, из-под вывернутых обслонявленных губ обнажились короткие резцы, и осенней тоской, сухой печалью повеяло на него от этого собачьего одиночества.

Вскоре в сизой размытой дымке показался далекий городок: в самой сердцевине его, в толкотне домов, зеленел пятак стадиона, превращенного после налета майстры в нечто похожее на аэродром. У самых трибун, почти вплиты к рядам низких облупленных скамеек, стояли вертолеты. У ворот, с мокрыми, тяжело провисшими сетками, техники из БАО установили палатки, чтобы летчикам в дождяную хмарь было где спрятаться.

Стругов посадил вертолет вплитку к машине своего заместителя майора Холева—винт к винту, с метровым зазором, заглушил двигатель, грузно осел на сиденье, привалился к бустеру, глядя, как слева садится еще один вертолет, мокрый, словно только что из дождя, с цифрой «16», выведенной белой краской на покотом боку. Вертолет приземлился неуклюже, вписавшись широко расставленными колесами в непрочную твердь поля.

— За такие посадки в летище курсантов гусей в книжку ставят. Школярская посадка, позорная.—Стругов крякнул с досады, вытащил из заднего кармана брюк носовой платок и, крепко вдавливая ткань в кожу, вытер лицо, шею. Потом спустился по узким ступенькам на поле. Внизу в вольной позе стоял Пермяков и, держа Гупало за локоток куртки, бормотал ни к селу ни к городу:

— Что Гупало, что пропало. Что Гупало, то пропало...

Следом за Струговым из трюма выпрыгнул сеттер и крупными, стелющимися прыжками понесся к кольцевой ограде стадиона, вдоль которой стояли люди: ожидали вестей с дальних рыбацких станок, с охотничьих заимок, переживали—ведь там были родня, друзья.

У ограды не остановился—его испугало обилие народа, повел носом из стороны в сторону, нестораживаясь. Стругов увидел, как выгнулась, напряглась, его худая нечесаная спина. Потом, низко опустив голову, пошел вдоль ограды, оглядываясь, прижимаясь к земле. Пес обнюхивал сапоги-кирзачи, рыбацкие ботфорты, галоши, туфли, боты, бурки, ботинки... Задерживался на мгновение у чьих-нибудь ног, потом, все так же, не поднимая головы, брел дальше.

— И тут хозяина ищет,—тихо произнес подошедший Гупало.

— Ищет,—отозвался Стругов, скосил глаза на штурмана.—Ты, Алексей, далеко не уходи. Через пять минут полетим на заправку.

— Есть не уходить!—Гупало неторопливо приложил пальцы к шлему.

Сеттер тем временем обошел всех стоящих у ограды, беспомощно вильнул хвостом.

— Что-то старым я почувствовал себя сегодня,—сказал неожиданно Стругов.—Да... Вот так остро, вот так... неотвязно. И собака эта...

— Дизель сказал однажды, что чем старше человек становится, тем меньше у него разочарований. Это потому, что приходится отвыкать от надежд, от иллюзий, от прочего...—Гупало замолчал, подыскивая продолжение для «прочего», но не нашел, лишь вяло покрутил рукою в воздухе.

— Ладно. Пора лететь. Собаку техникам оставим.

Но едва запустили мотор, как Стругов увидел, что по полю от технарской палатки к ним мчится сеттер, шараясь от машин, от людей, делая отчаянные скачки. Трюм был еще не задрен, и пес с разбега прыгнул в вертолет. Стругов услышал, как радостно ойкнул Меньшов да коротко, всем нутром ахнул сеттер, ударившись туловищем о стенку.

— Надо его назад, на Охотничий Став отвезти... Там ведь он видел хозяина в последний раз,—сказал Гупало, пристегиваясь ремнем к сиденью.

— Не знаю, не знаю.—Стругов дал газ, вздохнул, со странным равнодушием ощутив дрожь тяжелой машины; вот начала трясуном ходить обшивка, а нос «МИ-4»—заваливаться вперед, но Стругов и тут остался равнодушным, хотя именно эти мгновения взлета он любил больше всего...

Что-то слишком переменчиво у него сегодня настроение... Слово его жизнь втянулось в некий переходный период, когда человек перестает управлять собственным организмом. А в общем, несмотря на короткое облегчение, похожие на передышки, ему, Стругову, что-то особенно тяжело и плохо ныне. Очень плохо.

Три дня летал майор со своим экипажем на Охотничий Став. Кирпичный сеттер уже охотно подходил к людям, брал из рук хлеб, колбасу, но эвакуировать его с острова так и не удалось—убегал в густую кугу, а потом носился кругами по острову, пятная грязными лапами ракушечник—все искал хозяина. Искал, но не находил...

На четвертые сутки в далеком проливе, за полторы сотни километров от Охотничьего Става, была обнаружена рыбацкая байда. Шестеро людей спали на дне лодки, тесно прижавшись друг к другу и накрывшись брезентовой плащ-палаткой, а седьмой сидел у руля на кормовой скамейке, свесив на грудь голову и крепко вцепившись посинелыми руками в черенок весла-правыла. Это были охотники...

Когда летчики возвращали кирпичного сеттера, этого невероятного однолюба, хозяину, немолодому измученному охотнику—как оказалось, доценту педагогического института из Краснодара,—и пес вьюном носился вокруг него, тонко взылавая, подпрыгивая, все норовя дотянуться до хозяйского лица, Стругов позавидовал хорошей, здоровой завистью этому чужому для него человеку, позавидовал, что тот имеет доброго, преданного друга.

Добрый, преданный друг... Он усмехнулся этим затертым, много раз писанным-переписанным, но верным словам, вертевшимся в мозгу. В голове у него шумело, на языке, на самом кончике, появилась горечь, словно он раздавил несъедобную ягоду, горечь быстро обматала небо, сделалась нестерпимо едкой, и он ощутил, что в глазах его вот-вот вспухнут слезы.

Стругов молча пожал охотнику руку, круто, на одном каблуке, повернулся и, не оглядываясь, пошел к вертолету, с болью чувствуя, что под ним сегодня слишком неустойчивая земля, колышется, старая, из стороны в сторону, подпрыгивает, уходит из-под ног...

ЛЕСТНИЦА В МИР ШРЕКРАСНОГО

Уроки жизни

Беседуют
Стасис КРАСАУСКАС,
заслуженный деятель искусств
Литовской ССР,
и Валерионас БАЛТРУНАС,
первый секретарь ЦК ЛКСМ
Литвы.

С. КРАСАУСКАС. Итак, молодежь и искусство. Тема, кажется мне, беспредельная и практически неисчерпаемая.

В. БАЛТРУНАС. Пожалуй. Может быть, выделим два аспекта? Поговорим о проблемах творческой молодежи. А

начнем с восприятия искусства молодыми людьми.

С. КРАСАУСКАС. Основная черта, сближающая молодежь разных поколений,—я еще не успел забыть, что это относилось и к моим сверстникам,—заключается в неустанном поиске новизны. В поиске новизны, которая, как таинственное зарево, всегда магнетизирует души молодых. Впрочем, есть и другая категория молодежи. Говорю о тех—и это особенно проявилось в последнее время,—кто ищет и ценит в искусстве прежде всего старое. Устоявшееся. Традиционное. Это, если хотите, своеобразная оппозиция тем порядком уже надоевшим псевдонаторским опусам, которые встречаются не только в изобразительном искусстве.

Уровень эстетической культуры да и культуры вообще в последние два десятилетия неизмеримо вырос.

Недавно мне пришлось прочитать статью, где были приведены ответы выпускниц средних школ. Девушки высказывались о моей графике. Я прочитал не только трогательные и лестные для меня оценки. Я обнаружил в непосредственном анализе школьниц глубокое понимание искусства.

В. БАЛТРУНАС. Интерес молодежи к серьезному искусству очевиден. Помню, лет десять назад много говорилось о том, что у нас пустуют залы филармонии, театров, что публика не ходит на концерты, единственное исключение—вечера эстрады. Теперь все иначе. Молодежь сейчас хорошо понимает музыку, интересуется драмой, живописью, поэзией. Дворец выставок в Вильнюсе привлекает тысячи юношей и девушек, они составляют основную часть посетителя.

Можно вспомнить хотя бы полторы тысячи студентов Каунасского политехнического института, которые постоянно занимаются в коллективах художественной самодеятельности «Нямунас» и «Яунисте», в мужском хоре и театральной студии, в коллективе бальных танцев и в студии «КПИ-фильм».

Мне кажется, что в первую очередь молодежь ищет в искусстве те проблемы, что волнуют ее сегодня. Ищет ответы на самые главные вопросы. Иногда ждет подсказку. Умный совет.

Впрочем, пищу для размышлений, эмоциональный заряд дают не только ответы, но и вопросы, на которые наводят те или иные работы художников, прозаиков, музыкантов.

С. КРАСАУСКАС. Все это так. Литовская молодежь глубоко и страстно интересуется искусством. Одна деталь: конкурс абитуриентов в Государственном художественном институте самый высокий в республике.

Лет этак двадцать назад были организованы первые выставки зарубежного искусства, где многие полотна казались в ту пору неожиданными и непривычными. Шли бесконечные споры, которые переходили подчас в сферу столкновения поколений. Не сходились взгляды людей разного возраста. Спорили молодые и старшие. Среди них были разные люди—и среди старших и среди младших. Но можно тем не менее утверждать, что младшие были более склонны защищать новое: они легче его воспринимали. Встречались, однако, среди молодых и такие зрители, которые утверждали, что подобное искусство не нужно. Аргумент был несложен—если неясно, то, стало быть, и не нужно. Скептики эти, склонные к быстрому и решительному осуждению едва ли не любого поиска, рассуждали примерно так: «Это мне непонятно. Но ведь я простой человек, а искусство принадлежит народу, значит, это народу не нужно...»

Не надо подменять собою народ. Так можно слишком далеко зайти. Ведь и Блок, и Маяковский, и Шостакович не всем сразу доступны. Неужели и эти художники не нужны?!

Сейчас таких разговоров на выставках не слышно, и это свидетельствует о росте и эстетической культуры и культуры вообще. Понять и признать, что ты чего-то не знаешь, что тебе следует поработать, поучиться,—согласитесь, это говорит и о мужестве человека, и о его зрелости, и о самокритичном отношении к себе, и, наконец, о стремлении подняться на следующую ступень.

Если бы давным-давно человечество не стремилось про-

никнуть в тайны мироздания, в глубины всего сущего, если бы миллионы лет назад человек смирился с тем неясным, что сам он возвел на пьедестал, немногого стоили бы мы сейчас.

В. БАЛТРУНАС. Согласен с вами. Я тоже не раз размышлял об этом. На пленуме ЦК комсомола Литвы, минувшей весной, говорилось, что редакции молодежных газет и журналов нередко получают письма, в которых читатели жалуются, что не понимают, например, поэзию Эдуардаса Межелайтиса, лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда, художника интересного, ищущего, признанного. Писали, что и другие поэты кажутся им трудными. Поговорив с таким человеком, выясняешь, что он, как и многие другие «критики», всю свою сознательную жизнь руководствуется школьным масштабом оценки литературы, то есть только вкусами своего учителя. Магическим словом «не понимаю» часто прикрываются, как неким щитом, за всем этим—нежелание хотя бы попытаться понять замысел художника, оценить глубину его постижения жизни. Знаю, что есть читатели, для которых чтение—только легкая забава. Они не желают понимать, что это занятие трудное, напряженное, требующее определенной эрудиции и подготовки.

С. КРАСАУСКАС. Я всегда спорил с теми молодыми (или не очень молодыми) людьми, которые с порога отметаивают что-то неясное им, отказываются такому явлению искусства в праве на жизнь. Признаюсь, что и для меня в музыке, архитектуре, поэзии да и в живописи есть непонятные вещи. Но я в таких случаях не тороплюсь с выводами, с окончательными оценками. Стремлюсь понять, что к чему, проникнуть в замысел художника, уловить его идеи. И только потом, после анализа, после второго, третьего знакомства с этим произведением искусства я могу от него отказаться, если оно неприемлемо для меня.

Человек тем и отличался, что старался проникнуть в тайну, понять суть, природу явлений, стремился снять с пьедестала загадку.

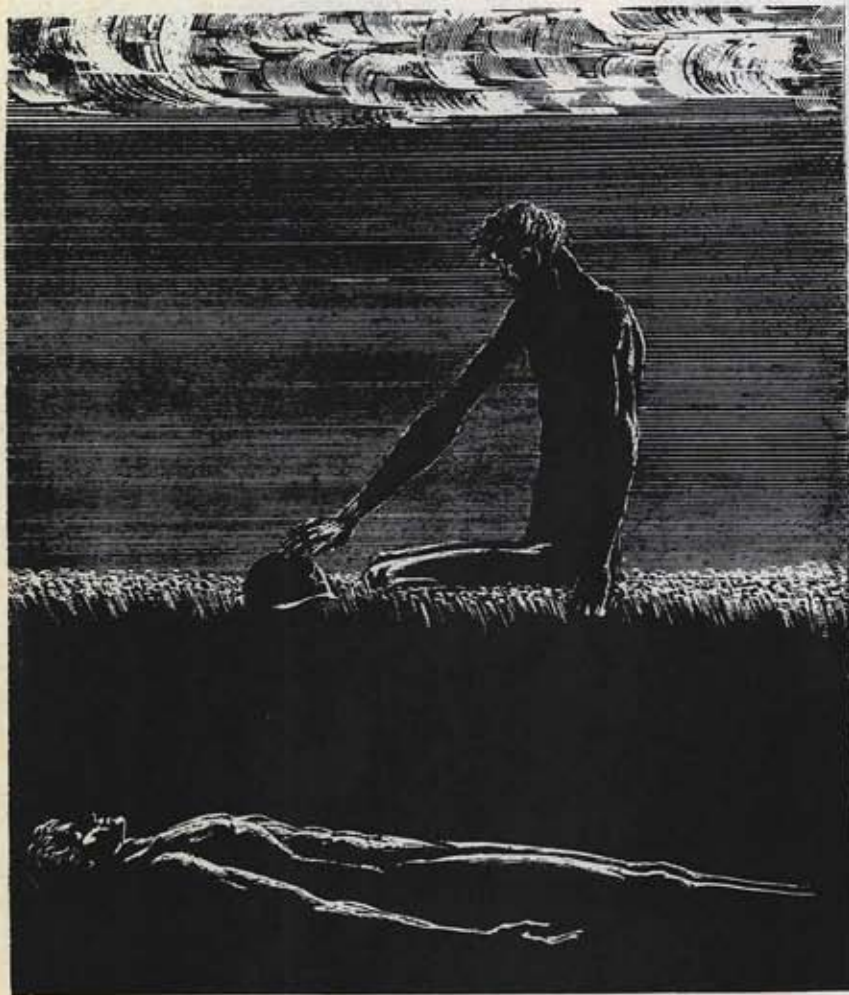
То же самое из века в век происходит и в искусстве. Были художники, которых не понимали и не принимали при жизни. Они не старались озадачить, ошарашить зрителя или слуша-

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС, лауреат Ленинской премии,
Герой Социалистического Труда.

ЖИЗНЬЮ СМЕРТЬ ПОШРАВ...

СТАСИС КРАСАУСКАС. ГРАВЮРЫ ИЗ ЦИКЛА «ВЕЧНО ЖИВЫЕ».

Вечно живые». Так называется крупный цикл гравюр Стасиса Красаускаса. На художественной выставке, посвященной тридцатилетию Победы, цикл занял центральное место, образовал как бы основной акцент экспозиции.

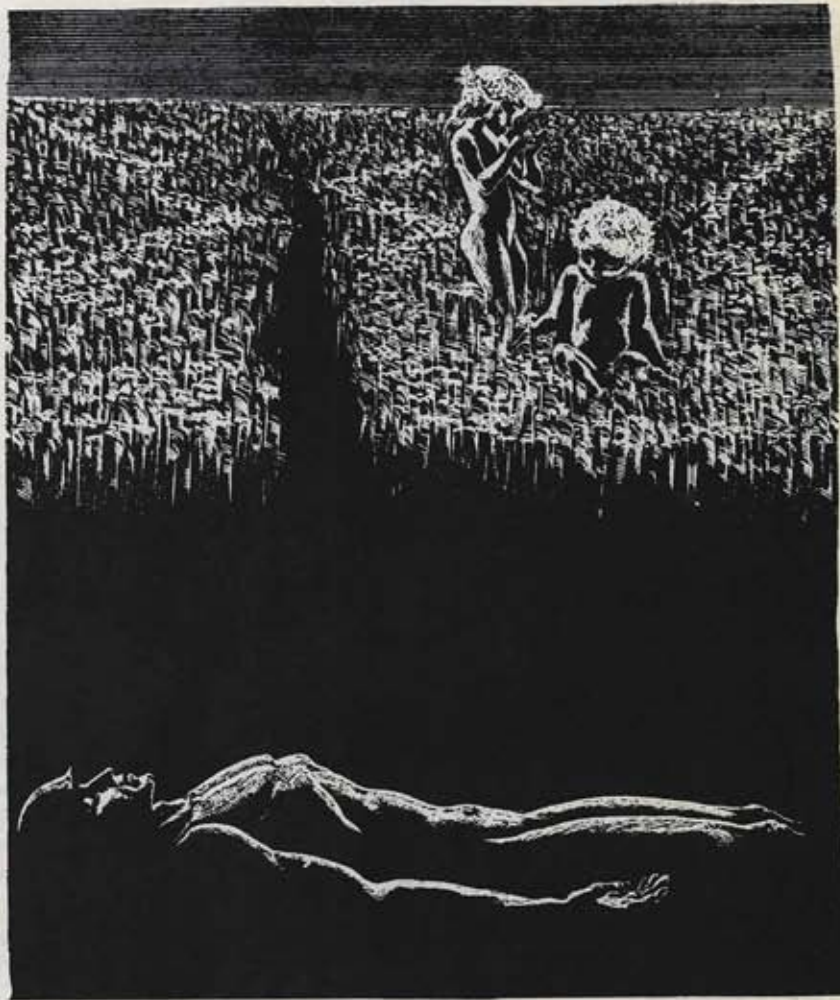
Нам, людям постарше, в грозные годы войны врезалась в память — уже до гробовой доски — героическая «Ленинградская» симфония Дмитрия Шостаковича. Увидев «Вечно живых», я словно вновь впервые услышал «Ленинградскую». Цикл оставляет необычайное впечатление крупного и глубокого музыкального произведения.

Стасис Красаускас своим необычайным резцом, тончайшей линией, подобной голосу поэта, спел извечную песнь о жизни и смерти, о войне и мире, о старости и юности планеты. При этом основной акцент — на

жизни, на мире, на юности. Оптимистическая позиция нашего художника вытекает из его мировоззрения, из его эстетических взглядов, и бы сказал, из его характерного литовского мироощущения. Небольшой литовский народ веками сражался за свое существование. Но его безмянные вятили не оставили героического эпоса. Зато сохранилось множество чудесных военных лирических баллад, образовавших своеобразный лирический эпос. В одной из этих баллад поется:

Кровь куда брызнула —
мята запаха.
Тело где рухнуло — цветут
там розы.

То есть акцентируется не столько трагический финал, сколько сама жизнь. Для того и брызнула кровь, чтобы снова запахла

теля, они постигали мир в тех красках, звуках, образах, которые казались им единственно верными. Единственно точными. Сегодня импрессионисты — желанные гости в знаменитых галереях, вчера их не понимали. Но и будущая живопись невозможна вне учета тех открытий, что совершили эти замечательные мастера на рубеже двух веков.

К сожалению, и произведение искусства, самое реалистическое, самое приближенное к действительности, может быть доступно не всем. И не по причине трудности истолкования замысла графика или поэта, скульптора или композитора.

Существует и иная причина. Степень интеллектуального, художественного, просто, наконец, общего развития человека. Степень его эстетической подготовленности.

В постижении искусства есть ступенчатость. Своеобразная лестница. Я могу сравнить ее с той, по которой вы поднимались сюда, в мою мастерскую. Если у вас неразвитые мышцы, а одной из ступеней нет, то вы не одолеете подъем. Не сможете перепрыгнуть. Так и в искусстве, в творчестве. И в восприятии искусства.

Развитие эстетического вкуса — процесс по сути своей эволюционный, хотя и могут быть в силу разных благоприятных причин резкие скачки.

Как, например, складывается наше знакомство с музыкой? Мы не начинаем с Баха. Первые песни — те колыбельные, что напевает мама. Потом идут самые популярные, а стало быть, и самые доступные, наиболее простые песни. Затем, например, могут прийти вальсы Штрауса, мелодичные, легко запоминающиеся. Симфонические концерты приходят позже, это одна из последних ступеней лестницы. Не сразу получает человек удовольствие от музыки Бетховена или Гайдна.

Эстрадные мелодии популярны не только оттого, что они якобы более отвечают ритмам нашего делового и беспокойного века. Это, кстати, спорная, на мой взгляд, истина. Они

проще, доступнее, чем серьезная симфоническая музыка, и, может быть, как раз потому и тянутся к ним подростки: юноши просто не успели — в силу возраста, в силу небогатого опыта постижения искусства — подняться к тому достаточно высокому уровню, когда начинаешь глубоко воспринимать идеи, образы, мысли великих музыкантов.

В. БАЛТРУНАС. Слушая вас, я вспоминаю наш телевизионный конкурс «Песенка-песня» для дошкольников и ребят младших классов. Он пользуется, как вы знаете, несомненной популярностью и привлекает внимание и старших и младших: это начало системы музыкального воспитания.

С. КРАСАУСКАС. Да, начало, и хорошее начало. Ведь очень обидно, когда человек обкрадывает себя, добровольно отрезает добрый кусок мира, не ведая о тех богатствах, которые там таятся, лишает себя общения с гениями — Бахом и Моцартом.

Не хватает звеньев лестницы. Иногда целых маршей. Наверстать упущенное можно, однако это вовсе не просто. Не хотел бы утешать тех, кто вдруг почувствует, что он что-то упустил. Но знаю, что пройдет время, и человек, который настойчиво стремился наверстать упущенное, придет к желаемой цели, ему будут доступны Прокофьев и Шостакович, прекрасная музыка становится потребностью, фактом бытия, частью его образа жизни.

В. БАЛТРУНАС. Стало быть, нас беспокоит одно и то же. И деятелей искусства. И комсомольских работников. Молодежь тянется к искусству, и мы призваны помочь молодым людям правильно понимать и оценивать произведения литературы и музыки, скульптуры, кинематографа, живописи, театра. Молодежная республиканская печать много и довольно интересно рассказывает об искусстве, по-моему, более активными стали сейчас критики, в том числе и молодые, хотя искусствоведов все-таки маловато и, к сожалению, критические выступления получают далеко не всегда живыми и

интересными. Признаться, у меня иногда мелькает «крамольная» мысль: а не стремятся ли порой критики не столько проанализировать художественные достоинства (или недостатки) повести начинающего прозаика или полотна молодого художника, сколько показать блеск своего пера, свою эрудицию? Мне всегда казалось, что критические выступления должны решать одновременно две задачи: с одной стороны, помогать автору верно оценивать результаты своего труда, а с другой — и привлекать читателей, слушателей, зрителей к той или иной работе и помогать им разобраться в ней.

С. КРАСАУСКАС. Рядом с процессом самого творчества идет процесс анализа. И особенно важно помнить об этом тем, кто не только воспринимает искусство, но и сам творит его.

Если человек, не искушенный в искусстве, восхищается каким-то значительным произведением, но не может объяснить, почему оно производит такое впечатление, не может поверить гармонии алгебры, то это, может быть, и обидно, но не страшно. Не могут да и не должны все уметь рассуждать так, как удаётся это лучшим искусствоведам. Но если ты начинающий художник, прозаик, композитор, если ты стремишься к настоящим, а не мнимым вершинам творчества, то ты обязан уметь размышлять, анализировать.

Порой художники толкуют о том, что и не нужно все разъяснять, что искусство — таинство, они выводят на первое место подсознание. Подсознание действительно важнейший соучастник творчества. Это глубочайшая тайна: как вдруг рождаются мысль, идея, образ. Я, например, никогда не улавливаю, как появляется то или иное решение. Только констатирую — с опозданием, понятно, — что оно родилось. Подсознание в творчестве существует, но оно не первопланово.

И не надо ссылаться на подсознание для объяснения

мита, а тело пало на землю, чтобы вновь благоухали розы.

Верный родной традиции, наш художник создал свой лирический цикл из 36 графюр-баллад.

«Вечно живые» как бы распадаются на несколько частей. Первая — преимущественно героически-трагическая, во второй — путем реминисценций и ассоциаций возникает тема младенчества, материнства, семьи, а в третьей — тема обретенного в битвах мира и долгожданной Победы. В каждой графюре два плана. Внизу на черной земле лежит павший воин. Белая линия обвода создает впечатление, будто лунный и звездный свет насквозь пронизал Землю. Мысль автора ясна: вечно живет в памяти Земли и людей тот, кто отстоял Землю и Человека. А на верхней половине — трагические и героические картины войны, эпизоды из детства, сцены у домашнего очага. Вот

сцена атаки и гибели воина: окаменевшие в необычайном напряжении лица солдат, волновой рельеф их мускулов. Вот перед нами трагические фигуры за колючей проволокой концлагерей, судороги женщины среди пылающих городов и сел, извечная тема материнства, решаемая в необычной обстановке войны. В героически-трагических сценах черна не только земля, но и ночное небо, осеннее и пасмурное, и его детство, и его семейный круг, и всю его жизнь. Этим подчеркивается настроение, которое во время войны грозной тучей окутывало все наше бытие. И белая контурная линия как бы высвечивает человеческие фигуры, деревья, птиц, тучи — словно блуждают по земле тени замученных, обездоленных, бездомных.

Но трагическая мелодия резко сразу же начинает преобразовываться, как только художник переходит к теме Мира, пробужда-

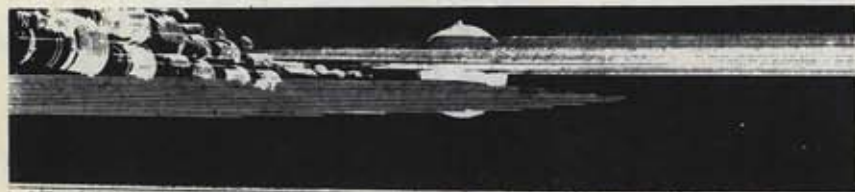
ющей жизни. Меняется освещение, озарение фигур и всего рисунка. Ночь подходит к концу, угасают луна и звезды, и теперь уже выступает иной свет — серебристо-розовой зари мира, первого золотистого солнечного луча. Обрисованные полоской зари и восхода, фигуры младенца, матери, всех сохранивших жизнь искрится счастьем, радостью, песней. Минор уступает место мажору возрождения.

Касаясь военной тематики, художник еще раз должен был вернуться к своей постоянной теме материнства. Не мог он обойти молчанием трагического реализма войны — матери, лишившейся сына, подруги воина, ждущей появления новой крохотной жизни. Но возвращается он к этой теме в еще более глубоких и драматичных аспектах. Неизбежен мотив материнства и в теме завоеванного мирного бытия. Ведь материнство — это возвращение жизни и радости,

животворное воскрешение. И здесь художник порадовал нас двумя работами особенной яркости. Одна символизирует поцелуй — сердечный трепет, радостное предвещание будущей жизни. И не случайно избранное решение — поднимающаяся кверху вертикаль. Другая работа сведена к треугольнику матери, отца и младенца. В новой поэтической трактовке тема эта звучит патетической мелодией.

В заключительной части цикла по небу летит фигура, символизирующая мир или даже всю жизнь в целом.

Таким акцентом и завершается глубоко гуманистический цикл «Вечно живые», напоминающий, какую нелегкую борьбу приходится вести на Земле Добру, Правде, Красоте. Но борьба эта все равно завершается победой человечности. Литовский советский художник создал чудесный гимн в честь Торжества Человека.

произведения неясного, зашифрованного, похожего на ребус. Подсознание здесь ни при чем.

Вспомою слова Сомерсета Мозма. В книге «Подводя итоги» он размышляет о природе неясностей в творчестве писателя, в искусстве вообще. Есть, считает Мозм, две группы художников, которые творят неясно. Первые потому, что думают неясно. Вторые же считают свою душу таинственным садом, в который войти могут только избранные. Эти специально подпускают туман, набрасывают вуаль. Тем самым прикрывают пустоту, ничтожность размышлений.

Искусство хранит ясность как одно из самых больших своих достоинств. Это извечная его черта, хотя работали на протяжении столетий мастера с разным творческим почерком. С разной степенью условности.

В последней моей работе, «Вечно живые», этой своеобразной графической поэме, гражданские мотивы, кажется мне, очевидны. Наверное, нет у нас семьи, которая не хранила бы вечно в памяти своей отца или сына, деда или брата, мать, сестру, ушедших из жизни в годы борьбы с фашизмом. Осуществление подобного замысла невозможно без определенного, сфокусированного, ясного, до предела ясного и лаконичного решения. Тут важнее всего выражение темы.

В. БАЛТРУНАС. Гражданские мотивы... Наверное, это сердце настоящего искусства. «Поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан» — мысль эта сегодня куда как не нова, но ценности, истинности своей она по-прежнему не утратила. Мы понимаем, как велика роль творческой интеллигенции в коммунистическом воспитании людей, знаем, что мастера искусств внесли заметный вклад в успешное претворение в жизнь планов девятой пятилетки, и именно потому Центральный Комитет комсомола республики постоянно занимается проблемами творческой молодежи.

Прежде всего мы хотим, чтобы молодые художники, литераторы, артисты почувствовали, что комсомол — их на-

дежный друг, который может их всегда поддержать. Например, мы можем помочь нашим молодым печататься. У нас хорошая база: газета, два журнала для молодежи, один для школьников, есть издания для малышей, для детей постарше. Здесь могут проявить себя писатели разных жанров.

Одна из основных форм сотрудничества творческой молодежи и комсомола, которую, напомним, мы используем вот уже тринадцатый год, — летние семинары молодых деятелей искусства.

Во время такого семинара творческая молодежь встречается, как вы, конечно же, хорошо знаете, с ведущими композиторами, писателями, архитекторами, актерами, с руководителями творческих союзов. Молодые художники имеют возможность подискутировать по актуальным проблемам, связанным с творческим процессом.

Я недавно вернулся с семинара, который на этот раз проходил в Утенском районе. Проводя такие совещания в разных районах республики, мы преследуем еще одну цель — хотим, чтобы молодые художники могли встретиться с работающей молодежью, и оттого наши семинары проходили и в небольших городах и в колхозах, где, кстати, с особым интересом встречаются выставки работ молодых художников. На этот раз выставку устроили в фойе кинотеатра.

Многие актеры, живописцы, графики, поэты приехали впервые, другие же — ветераны подобных совещаний. Участники первых семинаров сегодня стали маститыми писателями, композиторами, режиссерами. И вот они снова на встрече со своими молодыми коллегами. Именно ветераны задают тон в многочасовых дискуссиях у костра, где молодежь пытается найти истину, отстоять свои взгляды.

Руководители творческих союзов приехали на встречу не с пустыми руками. Кинематографисты привезли последние работы, архитекторы развернули интересную выставку, показывающую достижения современного градостроительства.

С. КРАСАУСКАС. Мы можем действительно гордиться нашими архитекторами. Едва ли есть еще в стране город, жилые районы которого получили бы и Государственную и Ленинскую премии. И Жирмунай и Ладзнай украшают древний Вильнюс.

В. БАЛТРУНАС. Творческий семинар был сейчас расширен. Мы пригласили и представителей научного мира — из Академии наук, из академических институтов. Спорили перед этим отчаянно, но все-таки согласились, что взаимное общение «физиков» и «лириков» будет и полезно и интересно.

Зимой вместе с творческими союзами мы проведем теоретическую конференцию, посвященную проблемам творчества молодых. Конференция будет иметь и практическое значение, поскольку молодые художники услышат оценку своего труда, данную ведущими, признанными мастерами искусства.

С. КРАСАУСКАС. Такие семинары — прекрасная школа и гражданского и творческого становления молодых художников. Эта школа важна вдвойне, ибо крайне важно направить деятельность, поиск молодых, помочь им обрести уверенность в своих силах, показать, где наиболее плодотворные направления этого творческого поиска.

Некоторое время назад в нашем молодом искусстве появилось, хотя и ненадолго — сейчас эта болезнь как будто проходит, — стремление к каким-то шарадам, неясностям.

Признаем, что среди творческой молодежи (да и не только среди молодежи!) есть и снобы. Нежелание проникнуть в суть искусства, сдобриваемое поддакиванием сложившихся художников, профессионалов, восхищение перед всяким (без анализа, оценки!) поиском молодых, согласие с их стремлением чуть-чуть затеменить — так и появляется искусство для снобов, готовых восхититься всем неясным и туманным.

Понятно желание комсомола быть ближе к творческой молодежи, сотрудничество это, надеюсь, покажется полезным и плодотворным обим участникам содружества.

В. БАЛТРУНАС. Нас вдохновляет к этим усилиям и письмо, присланное недавно Эдуардасом Межелайтисом в Центральный Комитет комсомола республики. Наш выдающийся поэт пишет: «Если я достиг чего-то в жизни, то только потому, что в один ненастный вечер 1935 года в домике на окраине Каунаса старшими друзьями по борьбе я был принят в революционное подполье, в нелегальную тогда нашу комсомольскую организацию. Это одна из самых важных дат в моей жизни, которую я всегда ношу в сердце. С этого дня всю свою жизнь я посвятил революции, народу, литературе. И если мои скромные старания, если какие-то мои произведения хотя бы в небольшой мере помогли и помогают воспитывать молодого человека, расширять его общественный кругозор, формировать моральные принципы, повышать его эстетический вкус, я счастлив. Если здоровье позволит работать, то обещаю работать и дальше с тем же старанием. Не останусь в долгу перед нашей молодежью».

Но продолжим разговор о формах сближения комсомола с творческой молодежью.

Несколько лет подряд мы награждаем республиканской премией Ленинского комсомола молодых мастеров искусства. Репутация этих наград высока: подмечено, что наши лауреаты спустя какое-то время удостоиваются республиканских Государственных премий. С другой стороны, наша награда — это и весомая рекомендация в творческий союз. Напомню, что среди лауреатов премии Ленинского комсомола республики литераторы Миколас Слущис, Юстас Марцинкявичус, Антанас Дрилингас, Виолетта Пальчинскайте.

Комсомол регулярно проводит творческие конкурсы. Они увлекают молодых, стимулируют их творчество, поиск. Сейчас, в частности, мы проводим конкурсы на лучший портрет передовика пятилетки, на лучший рассказ на пионерскую тему и сказку для детей. Будут отмечены премиями самые удачные очерки под девизом «Дружба», получают награды создатели лучшего балетного танца. Соревнуются и танцоры — и студенты, и школьники, и работающая молодежь.

Конкурсы для молодых художников устраивает не только Центральный Комитет комсомола. Расейнское профтехучилище ежегодно проводит конкурс на лучшее произведение на тему профтехобразования, а итоги подводятся к 2 октября, дню рождения системы ПТО.

Все большую популярность приобретает сейчас движение «Творческая молодежь — будущему рабочему». Молодежные секции творческих союзов помогают профтехучилищам в эстетическом воспитании учащихся, в оформлении классов, зданий. По-моему, не ошибусь, если скажу, что мы едва ли не первыми в стране получили учебник по эстетическому воспитанию, написанный специально для учащихся профтехучилищ. Тем самым вводится система в художественное воспитание молодой поросли рабочего класса и трудового крестьянства.

Ну вот, видите, мы опять вернулись на круги своя — к эстетическому воспитанию, к восприятию искусства молодыми людьми.

С. КРАСАУСКАС. Сегодня мы никуда не уйдем от этой темы.

Молодой человек может долго странствовать по разным «странам» — спорту, мотогонкам, радиоделу, но в конце концов он почувствует духовный голод. Потянется к книгам, спектаклям, музыке. Постарается насытить себя и такой пищей.

Как воспринимать искусство? Как научиться понимать его? Любая дидактика скучна, она отталкивает молодых людей. Университеты культуры? Самодельные клубы любителей искусства? Я плохо знаком с такого рода учреждениями и обществами. Но, бывая там, я не однажды, к несчастью, убеждался, что в этих клубах нередко подаются «невкусные блюда», искусство невысокого художественного достоинства. Мы слишком часто отдаем пропаганду искусства на откуп тем, кто в лучшем случае плохой популяризатор.

Выход?
Постоянно вспоминаю телелекции Дмитрия Кабалевского. Они чрезвычайно интересны не только для юных слушателей, но и для взрослых. Сужу по собственным впечатлениям. Полагаю, что маститого композитора с интересом слушают и его коллеги, профессиональные музыканты. И знаете почему? Да потому, что самому Кабалевскому интересны эти его публичные выступления. Он творит, а не просто излагает интересные факты. Экспромты, непринужденность отлично дополняют эрудицию. Начиная рассказ, он и сам еще не знает, какие сравнения, какие ассоциации родятся у него сегодня. Каждая лекция Кабалевского — это творчество. Миллионы людей приобщаются с помощью Дмитрия Борисовича к искусству.

Полагаю, что телелекции Кабалевского с успехом заменяют сотни клубов.

Прекрасно понимаю, что одна форма эстетического воспитания призвана дополняться другой, но если у меня сегодня в гостях Кабалевский...

Клуб может остаться пустым.
Не сомневаюсь, что таким же блестящим талантом популяризатора своего вида искусства обладают и другие выдающиеся наши современники, посвятившие себя театру, кинематографу, литературе, живописи.

Частицы добра, культуры, щедро раздаваемые Кабалевским, скапливаются в тех «шкатулках», которые — иногда более, иногда менее наполненные — есть у каждого человека.

В. БАЛТРУНАС. Это те первые семена, что падают в души молодого человека, помогают ему понять себя, найти свое призвание.

**Молодые рабочие —
лауреаты премии Ленинского комсомола**

РОЖДЕНИЕ ОГНЯ

Владимир ГРУДСКИЙ

Молодые рабочие Оренбургского газоперерабатывающего завода — детища девятой пятилетки — досрочно освоили проектную мощность предприятия, встали на трудовую вахту в честь XXV съезда КПСС.

Дорога, говорят, рождает письма. Но и письма, бывает, рожают дорогу, — письмо это Валера взял с собой. Кургузов письмо в две машинописные строчки: «В порядке перевода вам предлагается должность старшего оператора установки получения серы. Главный инженер Оренбургского газоперерабатывающего з-да». Завода, который еще только нужно было пустить. В степи. В тридцати километрах от города Оренбурга...

Перевода Валера не дали. Заявление его вообще осталось без резолюции. Он спокойно взял чистый лист бумаги и написал новое. Заменяя «переводом» на «собственное желание». Тут уж директор вышел крупно, отчетливо, каким-то не своим почерком: «Возражаю». Но возразить инженеру Лашкову было нелегко. Здесь уже завод. А там люди нужны, как воздух, как кислород. Остальное — дело личное, наверно?

...Не поезд, казалось, пришел в Оренбург, — город подплыл, подкатился к поезду, далекий, неизвестный Валерию степной город, взявшийся за Большую химию. «Ну-ну...» — отметил Валера. — Даже не Пермь». Но Валерий Лашков ехал не в Оренбург, не в город — на завод.

— Да через пять лет... — горячился парень, — через пять лет здесь Дивноград будет! А что твой Оренбург? Куда ему расти? Он до нас потянется, сюда. Понял? Степь, простор... Рой да строй!

— Ну да, — скалился его приятель. — Только пока мы до Оренбурга тянемся. За хлебом, за куревом.

— За девушками, — весело подхватил смуглый порывистый парень. — А что, нет, да? Куда годится? Не согласен на такое. Давай Дивноград!..

Хохот стоял, как в цирке.

...Валера молчал. С интересом поглядывал на этих парней, сдержанно улыбался их спору, невольный его свидетель и мысленный участник. «Денежки, — степенно говорил один из спорщиков, не первой молодости человек, с сединами, должно быть, прораб. — Отпущена копейка, есть фонды — и хоть пять Оренбургов вокруг Оренбурга дам тебе. А денежки нет, повис на «нуле» объект — сиди и дыши. Дивноград!.. Вагонбург, скажи, — вагончики да на прикольчике. Вон, землячок — серноокислого...»

Валера смутился. Смотрели на него, это он был с «серноокислого», то есть с газоперерабатывающего,

догадаться нетрудно. Столовка в Холодных Ключах одна, поселок маленький, «Вагонбург», поставили его строители, ребят с будущего ГПЗ тут узнавали сразу. «...Ну что, вот они, — продолжал «прораб». — Приехали, кто откуда, работать, жить. Ну и что? Ни забора, ни проходной. Одни фундаменты. И жилье — вагончики на прикольчике... Может, и будет лет через несколько, все возможно. А пока, сейчас, сегодня, терпи, казак, атаманом будешь... А не пацаны ведь, у кого и семьи...»

«Прораб» продолжал, но Валера уже не слышал, не слушал, сосредоточенный на своем, растревоженный этими не новыми в общем-то для него словами. Вот только сейчас, в час обеда, естественную и единственную паузу в круговороте рабочего дня, почувствовал он, что все изменилось, одно кончилось, и началось — сегодняшним днем — другое. Другое дело, другое время, другая жизнь. Он почувствовал всю новизну, изначальность этого дня, свободную и радостную, как приезд. Просто приезд — куда-нибудь, неважно куда... Единственное, что придерживало радость, — это то, что приезд его был только его приездом. Зина, Андрюшка остались там, дома... В Перми. Их приезд впереди, когда хоть немного он устроится здесь, обживется, пока «все в нуле», как сказал этот прораб. Пока... письма. Почаще, чтоб не отрываться, хоть вот так, условно быть с ними. Сегодня же он напишет, как и договаривались с Зиной, — первое, подробное, все как есть. Приезд, разговор в кадрах, устройство в вагончике, будущим их на какое-то время доме. Знакомство с заводом. С площадкой... Степь да степь кругом. Белый снег. Какие-то ямы — под фундаменты, наверно, котельная-временка. Только-только начали монтировать аппараты. До труб, до обвязки еще далеко. Всего-то нас здесь, не строителей, заводских, во втором цеху, восемнадцать. Одного автобуса хватает забросить нас утром из города... То есть нет, Зин, девятнадцать — всего нас девятнадцать, вместе со старшим. И знаешь, кто старшой, единственный здесь пока итээронец? Лавренко! Я фамилию услышал, уже насторожился: «Я на практике у вас был... В Перми, в шестьдесят восьмом. Лашков, Валерий». «Не помню. Там бочки вон пришли. Надо принять». Лавренко!.. Вот так и начал я тут. Бочки с реагентами, вагоны с оборудованием... Разгружаем, кантуем на склад, выдаем монтажникам. И так, наверно, и завтра и послезавтра, пока строители не отдадут нам ключи. В общем, работы тут еще — конца нет. Не знаю, когда напишу

вам: приезжайте. Тут все так, всем трудно. Да где легко, Зин? На том свете, может. А мы на этом, и надо жить, как есть,—жить и не ныть.

Так и было: бочки с реагентами, оборудование, разгрузка, складирование,—вчера, сегодня, завтра. Налетала пурга... Заносило снегом грузовую ветку, валило ветром щиты—трехкилометровую снегозащитную ленту, без рук, без ног возвращаешься с этих «стихийных» работ. О выходных, разумеется, никто не помышлял. Рано утром начиналась смена, часок на обед—и снова площадка, вагоны, склады. Только вечером, когда возвращались они в город, в свой дом на колесах, круговорот дня размыкала свой круг. Узкая полоска вечера на брезентовом полотнище дня... Тут они сходились, собирались в компанию, курили, остряли. Знакомились. Кто откуда, кто насколько, что кого сюда занесло. Это было важно, им предстояло вместе работать, жить,—нужно же знать, кто есть кто. «А ты откуда? Не из Салавата, с «нефтяшки»?»

— Нет,—сказал Валера.—Не из Салавата.

Ну, как им сказать, откуда он? Сейчас—из Перми, с Пермского нефтеперерабатывающего. В Перми и учился, в политехническом институте. Проходил практику на установке, у Лавренко, между прочим... Но и в Пермь он приехал, как сюда. До этого был Соликамск, ЦБК. Целлюлозно-бумажный комбинат. Поступил туда после Свердловска, после Уральского политехнического—попытал там счастья, «попробовал» конкурса... Ну, а перед Свердловском была школа, детство—Чердынь.

Он сразу же увидел мысленно чердынские улицы, реку, гору Троицкую—просто холм, который во времена Ермака казался, наверное, горой, когда ставил Ермак тут уральскую свою крепость Чердынь. Впрочем, и сам он, Валерка, думал, что Троицкая—гора. Давным-давно, когда и деревья были большими и Колва была река... Он не помнил отца, они жили одни с мамой в Березниках, и мама работала учительницей. Ему было четыре года, когда они переехали в деревню, к деду и бабушке. Там, в деревне, мама вышла замуж за хорошего человека, который и стал Валерке отцом. Все складывалось, они жили дружно, весело. Жить бы и жить так— всю жизнь. Но мама тяжело заболела и летом—в самое лето, 18 июня— умерла...

В деревне была одна начальная школа, в которой и работала мама, и Валера был еще и ее ученик. Называл на «вы» и Клавдией Ивановной... В 5-й Валера пошел в Чердынь. Там и жил на квартире, навещая теперь своих только по воскресеньям, махнув в деревню на лыжах зимой или отшагав 12 километров, если время было весеннее, «пешее».

Мальчишкой из всех деревенских интересностей самым интересным он считал пасеку. Луг, некрашенные ульи, суетливые пчелы, тяжелые, теплые шмели. Часами мог он наблюдать за ними, подкрашившись, притаившись... В старших классах в деревню он приезжал работать. Косил, «топтал зарод»—трамбовал сено в стога. Работал просто на подхвате, если требовалось.

Вот так жил он в те годы, школьные, чердынские. Ну, а потом надо было выбирать что-нибудь, начинать взрослую, рабочую жизнь, и он уехал—в Свердловск, в Соликамск, в Пермь, в Оренбург, в степь, где сегодня растет, поднимается их завод.

— Ну, вот и все,—сказал он.—А что еще сказать о себе? Зину жду, Андрюшку, надоело одному в этой сараюшке...

Он не сказал ребятам, что уже написал Зине: приезжайте. А чего ждать? С жильем как-нибудь решится. А в степи уже стоял завод. В небо упирались печи, машины дымовых труб.

Своя правда была, наверное, в том, что он и все те, которые были первыми, приехали сюда в январе—степь, снег, строительная площадка, белая, как начало. Черные провалы ям, груды кирпича, железобетон, остовы аппаратов. С этих черно-белых кадров и начинается в его памяти Оренбургский газоперерабатывающий... Но скоро все вошло в норму, оформилось. Были скомплектованы бригады (смены), каждую из них возглавил старший оператор, одним из этих «старших» был Валерий Лашков. Бригады «развели» по установкам.

Пришло лето. Погоды стояли сухие, теплые. Не зря, видимо, за Оренбургом слава рекордсмена по числу солнечных дней в году. Слава эта пришлась кстати, надо сказать. Ненастыя не прервало бы работы, но сроки могли бы и «полететь». ГПЗ—конечно, завод. Но завод без крыши, без стен—цеха под открытым небом, производственные процессы

спрятаны. В трубопроводы, в глухие емкости аппаратов. Наружу—одни глаза. Шкалы приборов, лампочки сигналов...

Начальником установки, на которую определили Лашкова, был Лавренко. Восторга по этому поводу Валера не испытывал, был, можно сказать, просто доволен. Лавренко—«срец», любой вопрос с ним можно решить быстро и ясно. Не всегда, правда, за словом следит—отсечет так, что кто почувствительнее, лишний раз не подойдет... Но это частности. Главное, что с Лавренко можно работать, а работать сейчас нужно было на все сто.

Оборудование, которое они принимали в те начальные дни, было импортным, и дело не в том, что это «золото», как любили подчеркивать на ГПЗ,—это было сложное оборудование, и освоить его должны были все. Технологические процессы тоже не на блюдечке поданы: нужно вникнуть, понять, усвоить... Началась учеба. Не за партой—учеба рабочего человека, сменившего инструменты.

Так прошло лето. Незаметно, как обычно здесь, в степи, перешло в осень. Был закончен монтаж. На заводе и соответственно на установке Лавренко готовились к большому событию: приемке газа.

С пуском завода, первой очереди его, газ—голубое сокровище—будет разниматься, разделяться здесь на компоненты. На конденсат, сероводород, и «бойлерный», «ТЭЦовский», «доменный»—топливный газ. Конденсат Оренбургский завод будет передавать из рук в руки Большой химии—Салаватскому нефтеперерабатывающему комбинату. Топливный—в газопроводы, в Оренбуржье, в соседние области, в соседние страны,—голубые магистрали уже тянут на запад, это одна из энергетических программ СЭВ...

Ну, а сера... Здесь же, на заводе, из сероводорода будет «добываться» сера. Сжигание сероводорода в кислороде дает в итоге двухступенчатой реакции чистую серу, элементарную серу, если строго по производственной терминологии. Сначала жидкую. В земляной ванне или в бункере она застывает, нежно-желтая, окаменевшая при нормальной температуре и давлении. Чего не скажешь о температурах и давлениях, при которых рождается сера, когда идет так называемая «реакция Клауса». Ради этой реакции неведомого, но, должно быть, толкового Клауса и сконструирована установка, которой командовал Лавренко, а в старших операторах у него был Лашков.

...Газ, который на заводе готовились принять, был «предварительный», не тот, что пойдет на расщепление. Прежде чем пустить установки, дать старт реакциям, нужно было просушить аппараты, печи, 180-метровую дымовую трубу, просушить, как обыкновенную русскую печь,—все это первым делом нужно было хорошенько протопить.

И вот тут-то и наступил для Валерия Лашкова экзамен. По всем, так сказать, предметам. Приемка газа и без того дело ответственное. Но, на беду, заболел Лавренко. Да так, что пришлось лечь в больницу. Командование установкой перешло к Лашкову. В такие-то дни, когда дело—к финишу, просушить аппараты, печи, и—пуск.

...Газ пришел 6 ноября. Операторы одну за другой снимали заглушки. Валерий педантично проверял по схеме, все ли правильно. «Я должен быть уверен,—говорил он операторам,—что газ пойдет куда надо». Потом он взял в руку факел. Проволоку с ветошью, смоченной в солярке. Кто-то чиркнул спичкой. Валера приблизил горящую ветошь к самой форсунке.

...Лавренко выписался в декабре, и сразу все стало как-то проще. Александр Иванович полистал вахтовый журнал и, как всегда, глядя прямо в глаза, точно перечислил, что сегодня должен сделать старший оператор Лашков вместе со всей сменой. Не спросив даже, как им тут пришлось без него. Но обстоятельства оправдывали такую строгость. До пуска оставалось три месяца...

Эти три месяца и вовсе проскочили, как один день. Можно сказать, что их вообще не было. За счет пуско-наладочного периода, прошедшего без сучка, без задоринки, установка получения серы во втором цеху была «включена» на три с половиной месяца раньше планового срока. Это позволило заводу получить дополнительно к плану 12 500 тонн серы.

...Из первой серы были отлиты медали. Ну золото и золото! Но ребятам и, конечно, Валере они были дороже золотых. Это была золотая «точка» после всех хлопот и тревог, не отпускаящих ни днем, ни ночью с того белого января 1973 года, когда здесь все начиналось...

О Валерии Лашкове, о его роли в пуске первой очереди Оренбургского ГПЗ говорили, не стесняясь

«громких» слов. И не только на заводе. В характеристике, написанной по одному торжественному поводу было сказано следующее: «В короткий срок т. Лашков сумел изучить сложное импортное оборудование и весь технологический процесс. До пуска завода принимал активное участие в приемке и комплектации оборудования, осуществлял кураторский надзор за ходом монтажа. Под его непосредственным руководством проводились пусконаладочные работы на установке получения серы... Коллектив смены т. Лашкова вывел установку на заданный технологический режим за 14 дней вместо 60, установленных по нормативам». Ну, а повод был действительно торжественным. Валерию Петровичу Лашкову «за активное участие в работе по досрочному пуску и освоение проектной мощности установки получения серы» была присуждена премия Ленинского комсомола.

«Пуск»... Это слово с быстротой молнии облетает завод, это событие видно далеко в окрестности, особенно вечером: над степью вспыхивает факел.

В Перми, на нефтеперерабатывающем, тоже зажигали факелы. Стреляли из ракетницы вверх, целясь в «пятючок» над срезом факельной трубы. Хлопок выстрела—и через мгновение в небе висел, бился на ветру рыжий сноп пламени; отбрасывающий на синие облака мерцающие блики!

— А знаешь, Валер,—сказала она.—Это еще вопрос, что красивее: закаты наши оренбургские или этот лисий хвост! Сколько все-таки вокруг... красоты...

— Зина, а помнишь выпуск? На Троицкой. Рассвет...

— Валерка!—удивилась она.—Конечно, помню! Всегда, все время помню. Ну ты же знаешь!

Они учились в Чердыни, в одной школе, в одном классе... И после того, как в последний раз вошли они в этот класс, присесть за парту уже невозможно чужими ей, сказать этим стенам, что настала пора прощаться, они отправились на гору Троицкую. Там, по традиции, чердынские выпускники встречали рассвет. «Валер, а куда ты решил, кем быть, а?»—спросила она. «Не знаю,—сказал он, как обычно, ровным голосом, и застенчиво улыбувшись, добавил:—Человеком». Потом у него пошла Свердловск, Соликамск, Пермь... Она приехала в Пермь на год раньше, поступила в университет. В этом городе на Каме они встретились снова, чтобы не расставаться уже никогда. Теперь у них сын, и это великое дело, когда ты знаешь, что тебе подрастает смена.

После института Валерий Лашков распределился на нефтеперерабатывающий. На строящуюся установку. Как специалиста молодого, Лашкова взяли на установку просто оператором. В принципе для этой должности достаточно и техникумовского диплома. Но Лашков не роптал. Спокойствие это было абсолютно искренним—молодой человек уважал себя. Скоро его назначили технологом, а затем—начальником той же установки. Назначение это Лашков встретил столь же спокойно, как и должность оператора установки.

Как решились они на перемену мест, на переезд в Оренбург? Что легло в основу этого решения? Валерий Лашков ответил на этот вопрос директору Пермского нефтеперерабатывающего, начертавшему на заявлении инженера решительное «Возражаю». Здесь уже завод, уже работа, а там еще только нужно построить, там нужны люди—как воздух, как кислород.

...И вот они здесь, в степи, «оренбургские пермяки», непосредственные чердынцы. Здесь их дом, их завод. Второй цех, установка получения серы. Установка... Хаос труб, клубок труб. Ни начала, ни конца. Солнечное сплетение современного химического производства. Сегодня это одно из самых автоматизированных производств. Но работают здесь не автоматы. Люди. Люди, быть может, особенные. Как правило, образованные. Такова жизнь: Большая химия сложна!.. В большинстве своем молодые: Большая химия молода. Ну, и многим из них выпадает особая честь—быть первыми, пройти весь путь, от площадки под будущий завод до факела. И тем, кто прошел этот путь, уже не знать покоя...

Оренбургский ГПЗ жил новым событием: намечался рост. Ввод второй очереди. Валерию Лашкову предложили принять—и прежде всего подготовить к пуску, пустить и освоить—установку очистки и стабилизации конденсата. Валера не колебался. «Уходишь, значит?»—сказал ему укоризненно Лавренко. Легко ли расстаться, пройдя вместе все «круги»? «Ухожу»,—ответил он грустно. Подумал: «Да, Александр Иванович, опять все сначала...»

Геннадий ЯНАЕВ,
председатель КМО СССР.

ВОЗМУЖЖАНИЕ

Октябрь 1945 года. Первая послевоенная осень.

В Лондоне на I Всемирную конференцию молодежи собираются молодые люди, представляющие разные страны и разные континенты. Юноши и девушки, прошедшие через все ужасы только-только закончившейся войны, решают объединить свои усилия в борьбе за устранение угрозы новой войны, за расширение демократических свобод, за право молодежи на мирную, счастливую жизнь. Боевое интернациональное единство демократического юношества планеты, достигнутое в совместной борьбе против фашизма, было организационно закреплено созданием Всемирной федерации демократической молодежи.

Так родилась ВФДМ—боевой авангард демократической молодежи мира. Программный лозунг ВФДМ—«Молодежь, объединяйся! Вперед за прочный мир!»—выражает насущные интересы и настроения подавляющего большинства демократического юношества.

«Мы клянемся,—торжественно заявили делегаты Всемирной конференции,—что будем хранить единство, достигнутое в ноябре 1945 года, хранить не только сегодня, не только на этой неделе, не только в этом году, но всегда. До тех пор, пока не построим мир, о котором мечтали и за который боролись...

Уничтожить на Земле все остатки фашизма. Установить между народами всего мира искреннюю дружбу. Бороться за справедливый и длительный мир. Покончить с нищетой и безработицей...»

На протяжении всех послевоенных лет ВФДМ выступала за разрядку напряженности на европейском континенте. В 1969 году ВФДМ объявила о начале кампании за безопасность и сотрудничество в Европе. Молодежь европейского континента всегда была активной силой в ряду общественных организаций и движений, выступающих за укрепление безопасности и развитие сотрудничества на нашем континенте. Представительные форумы европейской молодежи в Хельсинки, Мюнхене, Флоренции, Варшаве и Балатонамади (ВНР) стали существенным импульсом в консолидации усилий молодежи континента по укреплению европейской безопасности. Представители членских организаций ВФДМ, широкий круг демократических молодежных организаций принимали деятельное участие в работе ассамблей общественных сил за безопасность и сотрудничество в Европе.

Важным этапом в развитии борьбы прогрессивной и демократической молодежи за мир, международную безопасность и сотрудничество стало участие представителей широкого круга национальных и международных молодежных организаций, и в том числе ВФДМ, во Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве.

С удовлетворением восприняла демократическая молодежь всего мира сообщение об успешном окончании третьего, заключительного этапа Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе на высшем уровне, о подписании главами 35 государств Заключительного акта. Это эпохальное событие—крупнейшая веха в истории современности.

«Общеввропейское совещание—это итог всего позитивного, что до сих пор было сделано на нашем континенте в деле перехода от «холодной войны» к разрядке, к осуществлению принципов мирного сосуществования на деле,—говорится в документе Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «Об итогах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе».—Вместе с тем это и отправной пункт для последующего всестороннего продвижения Европы по пути прочного мира и исключения войны из жизни народов».

Широкое представительство молодежных организаций различных регионов земного шара (свыше 200 организаций более чем из 100 стран мира) определяет диапазон деятельности Федерации.

ВФДМ постоянно поддерживала и поддерживает справедливую борьбу народов и молодежи стран Азии, Африки и Латинской Америки за национальное освобождение, против империалистического господства, за прекращение агрессивных войн, развязанных империализмом, за возвращение природных богатств, против многонациональных монополий.

Более 20 лет паролем солидарности демократической молодежи мира было слово «Вьетнам». ВФДМ стала инициатором целого ряда важных акций в поддержку справедливой борьбы народов Индокитая против империалистической агрессии. Крупнейшие из них—строительство детского госпиталя имени Нгуен Ван Чоа в Ханое и школьного комплекса в Южном Вьетнаме, представительные международные форумы молодежи в знак солидарности с Вьетнамом. После победы героического народа Вьетнама по инициативе ВФДМ проходит кампания солидарности, провозглашенная на X Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине.

Важным фронтом действий Всемирной федерации остается солидарность с народами Ближнего Востока, требования вывода израильских войск со всех оккупированных территорий, удовлетворение законных требований арабского народа Палестины. Одним из главных направлений деятельности Федерации вот уже 2 года является кампания солидарности с народом Чили, ведущим героическую борьбу против военно-фашистской хунты, под девизом «Молодежь мира—с тобой, Чили!». ВФДМ многократно выступала с требованием немедленного освобождения товарища Луиса Корвалана и всех политических заключенных. Помимо политической и моральной поддержки, Федерация оказывает значительную помощь молодым политэмигрантам, выделяет стипендии для чилийских студентов, лишенных возможности из-за своих убеждений продолжать обучение на родине.

С неослабным вниманием Всемирная федерация следит за развитием событий в Португалии, где активизировались силы реакции и фашизма, оказывает помощь прогрессивным молодежным организациям Португалии—членам Федерации.

Принимая участие в решении региональных проблем, ВФДМ проводит и немало международных акций, ставших традиционными и получивших поддержку многих молодежных организаций, не являющихся членами Федерации. Это—всемирные фе-

стивали молодежи и студентов, следующий из которых состоится на Кубе в 1978 году; это всемирные кампании солидарности молодежи. Одна из них—«Юность обличает империализм»—привлекла к себе внимание всей демократической молодежной общественности, гневным валом прокатилась по всем континентам. Девятая Ассамблея ВФДМ выступила с инициативой проведения новой кампании: «Молодежь—за антиимпериалистическую солидарность, мир и прогресс».

Стремясь к решению молодежных проблем, ВФДМ выступает за предоставление юношам и девушкам права голоса с 18 лет, за прекращение дискриминации юношеских организаций и самой молодежи в политической жизни, за демократизацию образования, за расширение возможностей для занятий молодежи физической культурой, спортом.

Одна из наиболее жгучих проблем—положение и права трудящейся молодежи в капиталистических странах.

Задачи борьбы за улучшение положения молодых тружеников обсуждались на организуемых ВФДМ международных конференциях и семинарах рабочей и сельской молодежи, на состоявшейся в ноябре 1972 года в Москве встрече трудящейся молодежи. Они были в центре внимания и только что закончившейся Всемирной встречи девушек.

Абсолютное увеличение прослойки молодежи в общем составе трудящихся неуклонно ведет к повышению роли молодых людей в производственном процессе и в индустрии обслуживания. Научно-техническая революция, еще более обостряя в условиях капитализма непримиримые противоречия между трудом и капиталом, пагубно отражается на положении подрастающего поколения. Освобождающаяся в результате все более широкого внедрения автоматических устройств и приспособлений рабочая сила не находит сбыта на капиталистическом рынке труда, и потому дети рабочих и разорившихся фермеров зачастую начинают свою трудовую биографию... с пополнения армии безработных. Добавьте к этому, что молодежь подвергается дополнительной дискриминации и в оплате труда, ибо молодые люди, как правило, остаются вне профсоюзов.

Очевидно, что совершенствование технологических процессов, модернизация производства, усложнение орудий труда требуют повышения образовательного уровня рабочего, однако значительная часть (30—50 процентов) тех, кто впервые устраивается на работу, не имеет законченного общего или профессионального образования.

Вот почему включение подрастающей смены пролетариата в производство, профессионально-техническая подготовка молодежи стали острейшими социальными проблемами основных капиталистических стран. В среднем половина занятых в промышленности пролетариев от 14 до 20 лет относится к самой бесправной и эксплуатируемой категории производственников.

В еще более тяжелом положении находятся молодые работницы. На Всемирной встрече девушек говорилось, в частности, что процент безработицы среди женщин в США в полтора-два раза выше, чем среди мужчин, причем в самом трудном положе-

нии оказались девушки: в 1973 году уровень безработицы среди девушек до 20 лет составлял 16,2 процента, в то время как среди женщин старше 20 лет—4,7. Добавлю, что девушки особенно страдают и от неравной оплаты одинакового по количеству и качеству женского и мужского труда. Есть немало и других форм дискриминации молодых работниц. Например, в Великобритании в 1970 году только семь процентов девушек, поступивших на работу (по сравнению с 42 процентами юношей), имели возможность получить профессиональную подготовку, чтобы впоследствии выполнять квалифицированную работу.

Основная масса учеников и молодых рабочих сосредоточена в мелкой, средней и кустарной промышленности, которая в условиях конкурентной борьбы выживает в значительной мере именно за счет сверхэксплуатации молодежи и подростков. Часто молодой пролетарий ставится в такие условия, которые подавляют его волю к сопротивлению. Многие ученики, стремящиеся получить квалификацию и соответствующую работу на крупном предприятии, годами терпеливо переносят нещадный гнет и произвол предпринимателей. Возможности профсоюзов на мелких предприятиях очень ограничены, зачастую они не в состоянии отстоять те права, которые уже завоеваны в ходе классовых битв пролетариата на крупных предприятиях.

В капиталистическом обществе все более углубляется противоречие между содержанием профессионального обучения и теми требованиями, что предъявляет к специалисту современный уровень производства. Исходя из своекорыстных интересов, монополии и их государственные институты придают профессиональному обучению узкоспециализированное направление—в ущерб общетехнической, общеобразовательной подготовке.

Неравноправие, дискриминация молодого рабочего в капиталистическом обществе толкают его на борьбу против системы, порождающей такое положение вещей. Вот почему апологеты капитализма не жаждут усилий для того, чтобы сконструировать «правдоподобную» модель социальных преобразований и систем, не затрагивающих сущность капитализма и преследующих одну-единственную цель—обмануть молодежь, усыпить ее классовое самосознание, увести с магистрального направления борьбы за лучшее будущее. К их услугам—обширный арсенал наукообразных теорий, псевдомарксистских изысков, весь набор средств так называемой «массовой культуры».

Телевидение, радио, кино и пресса постарались выработать у значительной части западного юношества (в том числе и у рабочей молодежи) определенный «имидж»—образ «молодежи как таковой», которая якобы является носителем «цивилизации в цивилизации». Молодым внушают, что у них должен быть вкус к «своеобразной» моде, «своеобразному» искусству, «своеобразному» жаргону, «своеобразным» интеллектуальным стереотипам и «своеобразной» реакцией на политические события.

«Культурная» политика монополистической буржуазии в отношении молодежи позволяет, с одной стороны, эксплуатиро-

вать духовную энергию молодого поколения, выколачивая из него дополнительные прибыли, а с другой — отвлекать молодых людей от реальных социально-политических проблем и неразрешимых противоречий буржуазного общества.

Молодежь атакуют и провокационными разглаживаниями о ее авангардной роли, о необходимости утверждения своего «я» как формы выражения протеста и отрицания всей человеческой культуры. При этом особая ставка делается на антикоммунизм, возведенный в империалистических странах, как указывалось на XXIV съезде КПСС, в ранг государственной политики. Антикоммунизм подвергается специально разработанными приемами и методами массовой пропаганды, рассчитанными на особенности психологии рабочих-подростков. Здесь и легенда о депролетаризации современного рабочего класса капиталистических стран, якобы встраивающегося в систему капиталистического предпринимательства через фантастический «механизм нивелировки совладения собственностью» (по выражению англо-американского антикоммуниста Г.-П. Мюллера). Здесь и умело извращенные переказы положений теории научного коммунизма. Здесь и откровенная клевета на реально существующий социализм, на ведущую роль рабочего класса в странах победившего социализма. Антикоммунизм при этом охотно использует антисоветские домыслы правого и левого оппортунизма. Буржуазная идеологическая машина пытается подмять ростки пробуждающегося классового сознания трудящейся молодежи дезинформацией, внедрением психологии эгоизма и неверия в будущее.

Свою лепту в разобщение трудящейся молодежи вносят также буржуазные и социал-реформистские партии, стремящиеся сеять в молодых умах и душах иллюзии «классовой гармонии» и прогрессивной социальной эволюции «развитого» капиталистического общества.

И тем не менее (и это явственно прозвучало в выступлениях делегатов последней, IX Ассамблеи ВФДМ и нашло свое выражение в программных документах Федерации), несмотря на все ухищрения буржуазной пропаганды, вопреки ее попыткам ограничить социальную перспективу рамками подновленного, подкрашенного капиталистического общества, молодые рабочие Запада все отчетливее представляют себе свое подлинное место в рядах борцов против капитализма, за социализм. Животворный пример социалистических стран, их возросший авторитет на международной арене, последовательная миролюбивая политика Советского Союза, его солидарность с народами, борющимися за национальную независимость, могучий рост экономики социализма — все это на фоне растущего кризиса мирового капиталистического хозяйства и империалистической политики угнетения и агрессии, усиления классовой борьбы помогает широким массам трудящейся молодежи основных капиталистических стран правильно оценить историческую перспективу и влиться в ряды рабочего движения.

Молодые рабочие принимают активное участие в выступлениях трудящихся против капиталистического гнета. Только в странах «Общего рынка» число молодых стачечников в возрасте до тридцати лет за последние годы возросло в 3 раза. Показательно при этом, что молодые рабочие все чаще выдвигают наряду с экономическими и политические требования.

Важное значение для расширения политических выступлений трудящейся молодежи и роста ее классового сознания имело международное Сопровождение коммунистических и рабочих партий 1969 года. Сопровождение вскрыло сильные и слабые стороны революционного брожения среди западного юношества, указало подлинно революционную перспективу молодежи и студенческим массам развитых капиталистических стран. Идеи Сопровождения глубоко проникли в международное демократическое молодежное движение, стали основой консолидации всех антиимпериалистических сил современного юношества.

Коммунисты придают принципиальное значение идеологическому воспитанию трудящейся молодежи, привнесению в

юношеское сознание классово однозначной, научной, социалистической идеологии. Братские партии так организуют идейно-воспитательный процесс, чтобы молодежь овладевала марксистско-ленинской идеологией не абстрактно-книжным способом, а как живым учением, органически связанным с конкретной практикой классовой борьбы, с повседневной жизнью и насущными заботами самой молодежи, с актуальными задачами революционного процесса. В статье «Новые задачи и новые силы» В. И. Ленин, подчеркивая значимость соединения теоретического социализма с практикой революционной борьбы, писал: «Смелее же беритесь за новые приемы обучения, товарищи! Смелее составляйте новые и новые дружины... вербуйте больше молодежи, расширяйте обычные рамки всех партийных организаций, начиная от комитетов и кончая фабричными группами, цеховыми союзами, студенческими кружками!»

Руководствуясь непреходящими указаниями великого вождя пролетариата, коммунистические и рабочие партии развертывают среди широких юношеских слоев планомерную идейно-просветительную и революционно-воспитательную работу. На страницах коммунистической печати, в лекциях и беседах, в кружках и свободных дискуссиях коммунисты активно пропагандируют цели коммунистического движения, с марксистско-ленинских позиций освещают политическую ситуацию в национальном и международном масштабах, разоблачают происки буржуазных пропагандистов и ревизионистов, разъясняют революционный смысл программных установок и инициатив коммунистических партий.

Коммунисты исходят из того, что только марксизм-ленинизм, только практический социализм в состоянии удовлетворить общественные потребности абсолютного большинства молодого поколения. Молодежь нужна социалистической революции в такой же степени, в какой социалистическая революция объективно нужна молодежи. Именно поэтому очевидно, что игнорирование молодежи и ее проблем, равно как и преувеличение ее роли в общественной жизни, чуждо революционным партиям. Коммунистические партии привлекают молодое поколение к своей революционной деятельности в интересах социалистического преобразования общества.

Вместе с тем преждевременно полагать, что вся трудящаяся молодежь Запада вышла на магистральный путь классовой борьбы. Как уже отмечалось, немало молодых людей остаются вне политики, являясь жертвой «массовой культуры», «контркультуры», анархистских настроений. Ловушки буржуазной пропаганды отчасти срабатывают. Но основная масса молодых рабочих поднимается до пролетарского самосознания, верно осмысливает свои классовые цели, по праву берет на себя авангардную роль в демократическом движении молодежи и студентов.

Последовательный выразитель интересов трудящейся и всей демократической молодежи капиталистических стран, школа революционного марксистско-ленинского воспитания юношества — коммунистические и рабочие молодежные организации, составляющие боевой авангард ВФДМ.

В эти дни демократическая молодежь мира отмечает 30-летие Всемирной Федерации демократической молодежи. Этот юбилей — и время подведения итогов и определение перспективы на будущее. Оглядываясь на пройденный Федерацией путь, можно сказать, что минувшие годы были славными страницами борьбы молодого поколения планеты за мир, демократию, социальный прогресс, права молодежи. Многие сделано, но пока на Земле международную атмосферу еще отравляют такие уродливые порождения империализма, как колониализм, расизм и апартеид, пока молодежь во многих странах подвергается дискриминации и эксплуатации, девизом молодых людей доброй воли останутся слова: «Молодежь, объединяйся! Вперед за прочный мир!» — ибо утверждение права на мир — это утверждение права на самое дорогое, что есть у человека, — права на жизнь.

Владислав ХОРХОРДИН

ЛОЖЬ «СТАРОЙ ЛЕДИ»

Под колесами
экономического
спада и инфляции.

Богатые становятся
богаче,
бедные еще беднее.

Американцы
о своей стране.

«Мне было бы
не по себе,
если бы мои соседи
собрались
повеселиться, когда
горит мой дом...»

В будущем году ей исполнится девяносто лет... Время, конечно, не прошло бесследно даже для нее, и потому, готовясь к юбилейным торжествам, ее очищают от грязи, от ржавчины, кое-где подкрашивают, где-то заделывают трещины...

А она все так же смотрит слепыми громадными глазами на приплывающих в Америку; все так же высоко вздымает металлический факел к небесам, где пролетают тысячи самолетов, привозящих и увозящих тысячи, сотни тысяч, миллионы людей...

И на ее пьедестале выбиты красивые, как сказка, слова:

«Приведи ко мне свои усталые, свои бедные, свои томлящиеся массы людей, жаждущие вздохнуть свободно, несчастные обломки твоего кишачного людского берега; пришли этих бездомных, истерзанных бурей ко мне, я поднимая свой факел перед золотыми воротами!»

Это статуя Свободы — та, без чьего изображения не обходится почти ни одно пропагандистское американское издание; та, которую зачастую сами американцы называют по-семейному запросто — «Старая Леди»; та, которая вот уже столько лет стоит у «золотых ворот» самой мощной империи капитализма нашего времени — Соединенных Штатов Америки.

«Старой Леди» будет в 1976 году девяносто лет.

Соединенным Штатам в этом же году исполнится девятьдесят...

Два юбилея.

К ним готовятся.

Готовятся по-разному.

Одни призывают отпраздновать эти события на самую широкую ногу, не жалея средств, чтобы весь мир вспомнил, какой путь прошла Америка от непрочного поначалу союза тринадцати британских колониальных владений до современной великой державы... Вновь пробуют напаять на общество разползшиеся по швам, скрюченные когда-то вкривь и вкось маскарадные костюмы «общества равных возможно-

Статья вторая

стей» «свободного предпринимательства», «всеобщего благоденствия», «полной занятости», «гармонического капитализма» и т. д. и т. п.

А другие... другие против этого маскарада.

«Я не возражаю против праздничных сборищ, но предлагаю задуматься: нет ли проявлений самого дурного порядка в раздувании трескотни вокруг предстоящего двухсотлетия — на фоне растущей безработицы и вызванного ею чувства подавленности множества наших сограждан. Будь я безработным строителем в Детройте или безработным архитектором в Мэриленде... Словом, мне было бы не по себе, если бы мои соседи собрались повеселиться, когда горит мой дом...»

Это письмо одного из своих читателей влиятельная газета «Вашингтон пост» не случайно опубликовала на видном месте...

Ощущение того, что «горит наш дом», испытывают сейчас многие американцы...

...Аккуратный продолговатый конверт с казенным штампом и эмблемой Вашингтонской электрической компании «Пепко» («Потомак электрик Пауэр компани»). Само послание составлено в эдаком развязном, даже фамильярном духе, оно украшено карикатурами, отпечатано на хорошей бумаге, в хорошей типографии, в два цвета... Просто заглядевшись, а не послание. Но, получив его, замученные хозяйки, бьющиеся из последних сил, чтобы накормить семью на пособие безработного мужа, вытирают слезы, мужчины стискивают зубы и проклинают все на свете... Потому что компания (в игривом тоне) сообщает, что (вы уж не сердитесь, пожалуйста) стоимость пользования электроэнергией (ничего не подделав) снова возросла.

Такие же письма шлют и газовые компании, а в магазинах не успевают зачеркивать старые цены, чтобы написать новые, еще более высокие... И вот агенты компаний — то изысканно вежливые, то безразличные, то грубые — увозят из гаража купленный в рассрочку автомобиль, выносят холодильник и, наконец, под плач детей — самое ценное их сокровище — проигрыватель, радиолу...

Семей, попавших под колеса экономического спада и инфляции, в сегодняшней Америке сотни тысяч.

«Когда бремя дороговизны стало невыносимым для г-жи Эли Дефрейтес, она умерла. Она очень долго существовала на свое жалкое пособие, виртуозно растягивая его и приспосабливая к растущим ценам, отказывая себе во всем необходимом и обходясь с каждым днем все меньшим и меньшим, пока, наконец, однажды утром не рухнула замертво на пол своей темной комнатки в ветхой гостинице Сент-Питерсберга. Она весила всего 31 килограмм. Врачи, которые произвели вскрытие, не обнаружили в ее сжавшемся желудке никаких следов пищи.

— Она сдалась, — вздохнул старый друг покойницы. — Она просто потеряла всякую веру, что завтра может стать лучше».

Эта история страшна тем, что она не кадр из «фильма ужасов», не отрывок из мелодраматического романа... Это рассказ журналиста Джеймса Вутена, помещенный в уважаемой газете «Нью-Йорк-таймс». Он потрясает не только тем, что это подлинная история смерти одной из жительниц провинциального городка в штате Флорида — цветущем штате на юге США. Он потрясает тем, что отражает не столь уж редкое явление в нынешней Америке, кичливо называющей себя «лидером человечества», «чемпионом XX века».

«Когда я ложусь спать, я с ужасом думаю, что завтра настанет утро. Утро с его неотвратимыми вопросами: «Что я себе смогу позволить съесть? Хватит ли сил дотянуть до врача? А если хватит, то чем я расплачусь с ним?» — это исполненное безысходного отчаяния письмо одного из жителей Нью-Йорка поместила в апреле газета «Нью-Йорк дейли ньюс».

Когда я читал эти строки, на столе моем лежал журнал «Америка»... Именно на его обложке изображена та сама «Старая Леди», гордо возносящая в синеву неба своей белый факел. Именно здесь воспроизведены литеры с ее пьедестала насчет «усталых», «бедных», «жаждущих вдохнуть свободно», которым она как раз и обещала утешение...

Злыми и кощунственными показались написанные с профессиональным блеском репортажи из «страны благоденствия», когда я сопоставлял их с той жуткой правдой, которая заставляет больно жаться сердце, правдой о голодной смерти безработных, престарелых... Послушайте только, как в одной из статей живописуется Нью-Йорк (редакция так прямо и представляет статью Джима Хоффмана, который «идет по городу»: «Хотите знать, что такое Нью-Йорк? Прочтите это»):

«Нью-Йорк недаром называют Багдадом-Гудзоном. Здесь можно достать и купить все — суп из аллигатора, почечную змею, иглы ехидны, жареные лопухи, порошки, приносящие счастье игрокам, любовные капли, валенки для собак, тушеную баракуду и т. д.

...Чтобы обойти все городские рестораны в пяти районах Нью-Йорка — Манхэттене, Бруклине, Бронксе, Куинсе и Статен-Айленде — не хватит и двадцати лет... Можно двигаться только по одному кварталу 49-й улицы, между 6-й и 7-й авеню, сначала по одной стороне, а обратно — по другой, останавливаясь в ресторанах по пути следования. Для того, чтобы «просить» этот один квартал, надо по меньшей мере десять дней».

Видите, как все просто и доступно? Неужели этого не знают те 1,4 миллиона ньюйоркцев, которые старше 60 лет и которые алачат жалкое существование в постоянном недоедании, в страхе перед реальностью смерти от голода?

Все написанное на глянцево-бумаге «Америки» — правда. Так же, как правда и то, что в витринах ювелирных магазинов на 5-й авеню Нью-Йорка нередки объявления такого рода:

«Ценный совет! Подарите ей к празднику бриллиантовую брошку. 128 каратов — всего 512000 долларов. Гарантируем, что это будет сюрпризом».

И не так уж мало тех, кто может себе позволить воспользоваться этим действительно «ценным» — и в прямом и переносном смысле слова — советом...

Но это далеко не вся правда. Как заявил представитель органов власти штата Делавэр М. Айзек, в ходе проверки было установлено, что многие жители штата регулярно потребляют в пищу консервы для кошек и собак.

«Нам очень неприятно, что это происходит, но, поскольку факт установлен, мы хотим добиться, чтобы эти консервы были в равной степени безвредны как для кошек, собак, так и для людей».

Любопытно, что эта история с кошачьими и собачьими консервами получила довольно-таки неожиданное продолжение, на этот раз в столице страны — Вашингтоне. Дж. Андерсон поведал на всю Америку о таком эксперименте:

«Мой сотрудник Лес Уиттен попробовал отведать продукты для домашних животных... Уиттен обнаружил, что собачьи и кошачьи консервы, по виду съедобные, имеют тухлый привкус, вызвавший у Уиттена рвоту. Сухие продукты аналогичного назначения нелегко разжевать и трудно проглотить. Уиттен пришел к выводу, что сухую пищу для собак легче проглотить, если добавить в нее арахисовое масло или сырный соус...»

Удивительный совет! И, кстати, очень напоминающий рекомендацию Джима Хоффмана в «Америке»: зачем умирать с голоду, если можно пройтись только по нескольким ресторанам и сытость обеспечена на всю неделю вперед! Впрочем, Андерсон решает на догадку: «...бедняки редко могут позволить себе купить эти аппетитные приправы». И даже более того: «Уцененную пищу для собак и кошек беднякам приходится есть из-за непрерывного роста цен»...

Слово найдено! Бедность — вот причина того, что в богатейшей Америке голодают миллионы американцев.

Признание это дается официальной пропаганде США с большим трудом. Ведь все тот же журнал «Америка» утверждал не так давно:

«Есть опасность, что невиданная производительность труда и земля, а также небывалые урожаи могут создать проблему излишков. Уже сейчас прекратилась сезонность продуктов питания: клубника, апельсины, салат — все это продается круглый год. Покупателю предоставляется огромный выбор продуктов различных фирм»...

Ведь он торжественно клялся в ноябре 1970 года, что «...текущее десятилетие обеспечит малоимущим и обездоленным новую и лучшую жизнь, оно включит их в общий поток американской экономики и тем самым не только поднимет экономический уровень нашего общества, но также и увеличит человеческое достоинство всех его членов».

Так рекламировалась «программа повышения качества жизни».

Сейчас ее провал очевиден. Это осознается многими американцами как симптом страшной, кроющейся внутри общества и не поддающейся лечению болезни. Не случайно сенатор Дж. Макговерн возмущенно писал в молодежном журнале «Роллинг Стоунз» в статье, озаглавленной «О положении страны»:

«Систематические данные столь же прощальны, сколь и позорны: за последние 20 лет,

несмотря на широковещательные социальные программы, войны с бедностью и т. д., распределение национальных богатств в Америке осталось в основном прежним».

Заметьте — это говорят они сами!

Они сами пишут о «людях, стоящих на улице с протянутой рукой, число которых, кажется, растет с удручающей быстротой»; о том, что «беднейшие семьи должны либо распродавать свое имущество, либо мучительно устанавливать какую-то очередность в своих расходах. Им приходится решать, платить ли за продовольственные талоны или за отопление и электричество, которые могут быть отключены». И вновь и вновь газеты сообщают, что опять подорожали хлеб, молоко, яйца, сыр, сахар, соль, мясо... Сотни людей собираются к магазинам в день распродажи черствого хлеба — это позволяет сэкономить несколько центов...

В одном из номеров газета «Нью-Йорк таймс» поместила подборку из нескольких фотографий, которые, по мнению газеты, отражали «главные события 1974 года». И даже рубрика над фотодокументами была соответствующая: «Страна в 1974 году — году смуты».

На первом из снимков громадная очередь безработных, с безнадежными и отчаянными выражениями лиц, ожидающих рано утром, когда откроется биржа труда...

На второй фотографии — демонстрация американцев, протестующих против катастрофического роста стоимости жизни, против инфляции. «Некоторые не могут себе позволить даже хлеба!» — крупным планом подавалась надпись на одном из плакатов в руках демонстрантов.

Еще снимок: длинный «хвост» машин у закрытой бензозаправочной колонки («энергетический кризис»). Еще один: негритянский школьник в последнем напряжении сил ухватился за решетку ограды школы в Бостоне. Его отдирают расисты — с искаженными злобой лицами, готовые изрубить на куски этого «небелого подонка», вздумавшего сесть за одну школьную парту с «расой господ»...

Прошел почти год. Многие ли изменилось в Америке? Не так уж много, разве что бедные еще более обеднели, а богатые еще туже набили мешку...

Это Америка.

Вот еще отрывок из упоминавшейся уже статьи сенатора Дж. Макговерна в журнале «Роллинг Стоунз»:

«В пищевой промышленности шесть крупнейших торговцев зерном контролируют продажу 90% пшеницы; одна компания, производящая супы — «Кэмпбелл», — контролирует 90% этой продукции; четыре мощные перерабатывающие компании контролируют 90% производства всех продуктов для завтрака; в каждом из более чем 200 крупнейших городских центров четыре компании, владеющие сетью продовольственных магазинов, контролируют свыше 50% розничной торговли.

Какое же влияние это оказывает на цены и прибыли?»

Мы можем измерить их влияние в долларах на всем пути от поля до стола. В августе прошлого года, когда фермеры получали за свой скот на 27% меньше, чем год назад, розничные цены на мясо были почти на 12% выше. В то время как доходы фермеров от продажи пшеницы снизились на 5%, цены на хлеб подскочили на 35%.

Затем сенатор недоумоно констатирует: деньги потребителя где-то исчезают, и решительно требует: «Мы должны выяснить, что происходит и куда они идут».

Многие могли бы ответить на этот вопрос. Например, те отчаявшиеся, усталые, запальные фермеры-скотоводы из штатов Южная Дакота, Северная Дакота и Монтана, которые, ошеломляя даже выдающихся политиков, прогнали три десятка измученных коров за 2000 миль от родных мест до самого подъезда министерства сельского хозяйства США. Здесь они устроили импровизированный загон и потребовали, чтобы им разъяснили, кто виноват в катастрофе, постигшей тех, кто в своих мелких хозяйствах выращивает скот, а потом не может подкупиться к сочным кускам мяса в целлофане — цены «кусаются». «Фермерам не на что кормить нас, покупателям не на что покупать нас» — эта надпись на ограде загона задавала загадку, разгадка которой была не таким уж большим чудом. Во всяком случае, представитель фермеров — в клетчатой рабочей рубашке, с изрезанным морщинами, загорелым лицом — так и заявил явившемуся с дежурной улыбкой представителю министерства: тысячи фермерских хозяйств находятся на грани разорения... «Мы нищем», — твердо сказал он, — а компании по продаже мясных продуктов получают сказочные барыши».

Представитель министерства горячо посочувствовал фермерам, сказал, что он

всей душой на их стороне, но что в ближайшее время ничего лучшего ждать не приходится...

Фермеры плюнули, сложили нехитрые пожитки и двинулись в обратный путь... Падающих от бескормицы и усталости коров они оставили в центре столицы и напоследок посоветовали чиновникам министерства самим попробовать прокормить их...

Судьба коров теряется в безвестности. А вот судьбой «мясных» монополий после этого скандала заинтересовались некоторые журналисты. И без особых приемов из арсенала криминологии обнаружили, что:

прибыли мощной компании по переработке и продаже мяса «Миссури Биф Пеккер» выросли в тяжелые для фермеров и рядовых покупателей времена на 60%; «Фэйрмонт Фудс» — на 40%.

Туго приходится не только скотоводам. Тревогу бьют тысячи фермеров штата Айдахо — крупнейшего «картофельного» штата страны, миллионный отряд сельскохозяйственных рабочих, которые выставляли в десятках городов пикеты у овощных магазинов, потому что владельцы крупных компаний-скупщиков нагло и безнаказанно грабили их...

Монополии превратились в подлинных хозяев сегодняшней Америки. Это не пустые слова.

Нефтяные компании спровоцировали так называемый «энергетический кризис» и только в прошлом году получили 13 900 миллионов долларов прибыли. Они заработали около 4 долларов на каждом барреле нефти против 50 центов до «нефтяного кризиса».

А что это значило для трудящихся? Закрывались фабрики и заводы, поднимались цены на горючее, на электричество, вновь грозно прыгала вверх кривая стоимости жизни...

Годовой доход каждого из крупнейших многонациональных концернов — «Дженерал Моторс», «Экссон», «Форд», «Ройял Датч», «Дженерал электрик», «Крайслер», «ИБМ», «Мобил ойл» и т. д. — превышает национальный доход многих стран.

Борьба против этих чудовищно разросшихся спрутов невозможно, поскольку они являются результатом развития капиталистического общества.

Бывший заместитель государственного секретаря США Джордж Болл в полном отчаянии признавался:

«Как может правительство с какой-то уверенностью осуществлять планирование, если заседание совета директоров за 5 тысяч миль от столицы может так изменить характер производства и закупок, что окажет влияние на всю экономическую жизнь нации?»

Особенно высоки доходы у монополий, разрабатывающих и производящих новые средства вооружения.

Мне уже не раз приходилось цитировать сенатора Джорджа Макговерна. Он знает проблемы страны и точно определяет — именно изнутри — симптомы болезни нынешнего американского общества:

«...На долю США приходится более трети всех военных расходов мира. Мы были первой страной создавшей и единственной страной применившей ядерное оружие. На каждой стадии гонки вооружений мы первыми проводили испытания и затем вызывали других на то, чтобы догнать нас. Мы проповедуем этику милитаризма, которая не имеет ничего общего с проблемами, стоящими перед миром, или с решениями, необходимыми человечеству».

Когда 100 лет назад, в апреле 1875 года, праздновалось начало битвы американских повстанцев против английских колониальных войск и тогдашний президент возшел на специально сооруженную трибуну в городе Кокорде, — она рухнула. Президент отряхнулся и, демонстрируя истинно американский дух, вновь решительно поднялся на быстро отремонтированный помост... И снова рухнул — вместе с досками — на землю.

Сейчас, конечно, невозможно повторить столь неприятного казуса. Не те времена, не тот уровень строительной техники, тем более в стране прекрасных инженеров и трудолюбивых рабочих...

Будет, конечно, заново подчищена и покрашена «Старая Леди», вновь будут литы шампанское и речи, вновь будет раскручен маховик пропагандистской машины... Юбилейные торжества пройдут, наверное, как задумано... Но никакие фразы, никакие подтасованные цифры не могут скрыть главного: у общества, кичащегося своей ведущей ролью в «свободном мире», мире чистогана и эксплуатации, подгнили подпорки... Трещит и раскачивается вся система за «златыми вратами», которые врт уже девяносто лет охраняет немая, слепая и глухая «Старая Леди».

Чем дальше мы уходим от войны...

1

Чем дальше мы уходим от войны
И нас с тобою тишина объемлет,
Тем все сильнее и явственней слышны
Ее раскаты, вздыбившие землю.

Чем дальше мы уходим от войны
И чем спокойней синие закаты,
Тем резче нам в закатной мгле видны
Огнем войны обугленные хаты.

Чем дальше мы уходим от войны,
Сполна всю горечь этих лет познавши
Не понаслышке, не со стороны,
Тем ближе нам воспоминанья наши.

Чем дальше мы уходим от войны
И четче обнажаются вершины,
Чем полновзвучней голос тишины,
Тем все понятней, что мы совершили...

2

Огонь и смерть на нас обрушив,
Война на совесть постаралась.
Она вошла не только в души,
Не только в памяти осталась.

Сквозную даль преобразая,
Неуловимая для взора,
Она—во всем, что окружает,
Она—в дыхании простора.

Холмы продрогшие на страже
Стоят под небом низким-низким.
И от российского пейзажа
Неотделимы обелиски.

Трава струится полевая.
Гудят пути и перекрестки.
И, чередуясь, проплывают
То обелиски, то березки...

3

Былые годы в памяти не стертые,
Встают из тьмы воскресшие года,
И разделенье на живых и мертвых
Должно исчезнуть раз и навсегда.

Прозрачной дымкой тишина объята,
Из глубины неповторимых дней
Глядят на вас российские ребята,
Что смерть попрали смертью своей.

Сердце

Сосуд пульсирующий алый.
Но только знаете ли вы:
Не так уж мал сосуд тот малый.
Там есть и змеи, есть и львы.

С налета мерить бесполезно
Всю глущь разверзшихся небес.
И что такое сердце?
Бездна.
И даже больше:
Бездна бездн.

И как начертано в преданье,
Как древняя гласит нам весть:
Там—беспредельность мирозданья.
Там небо есть.
Там звезды есть.

Там солнце, зримое воочью,
Но неподвластное уму,
Встает,
Рассеивая в клочья
Внутри сгустившуюся тьму.

*

Вторгаются забытые приметы
В твои дела, в вечерний твой уют;
И, если разобраться, все предметы
С тобой беседу тихую ведут.

И, как давно из опыта известно,
Ведут ее—уж ты не обессуди—
На языке немом и бессловесном...
Но ведь ведут беседу! Вот в чем суть.

*

Зачем в смятении твой дух
И боль растет внутри тупая?
Ничто в тебе, ничто вокруг
Грань тишины не преступает.

Струится в окна синева.
В забвенье кануло бездомье.
Ну, а слова... молчат слова...
Ведь ты их сам учил безмолвью.

*

Еще порой сильно мое смятенье.
Непрощенные мысли мельтешат,
Но прошлые навязчивые тени,
Как некогда, меня уж не страшат.

А тишина чиста и сокровенна.
А мир пронизан голубым огнем.
Я примирился с прошлым совершенно,
Поскольку я не думаю о нем.

*

Неодолимо и необратимо
Твоя волна объемлет бытие.
О, как теперь всегда необходимо
Во всех делах присутствие твое.

Душа твою радостью богата.
К тебе, к тебе, с тобой неразделим,
Как говорилось в старину когда-то,
Я прилепился помыслом своим.

*

Внимай себе и бодрствуй над собой,
Ложась в постель и покидая ложе;
Ведь ты идешь неведомой тропой,
Ведь ты скользишь над пропастью, быть может.

Во мгле оцепенелой и слепой,
Объявшей хладом небо голубое,
Внимай себе и бодрствуй над собой,
Готовь себя к невидимому бою.

Тебе сужден незримый этот бой
И суждены успех и откровенье.
Но каждый час и каждое мгновенье
Внимай себе и бодрствуй над собой.

*

А между мной и суматохой
Тревог, сомнений и забот
Предвестьем огненного тока
Твой облик огненный встает.

Для чуждых духом недоступно
Твое незримое кольцо,
И неотступно, неотступно
Твое лицо, твоё лицо.

В часы великого безмолвия,
Когда мерцает волшебство,
Встаешь ты вновь у изголовья,
Как страж порога моего.

*

«Куда умирают люди?»
Наивный, конечно, вопрос,
Возможный лишь в детстве. Но дети
Его задают всерьез.

О, как напряженны их лица!
О, как их глаза хороши!
Со смертью не может смириться
Гармония детской души.

Куда умирают люди,
В какую уходят страну,
Пытают с пристрастием дети,
Когда их готовят ко сну.

Какие растут там деревья?
Какая сияет звезда?
«Куда умирают люди?»
И в самом деле:
Куда?

*

Но, удалясь от твоего порога,
Вспоминаньем о тебе томим,
В нахлынувших заботах и тревогах
Вооружаюсь образом твоим.

В чужом краю, в неведомом просторе,
В многоголосом гаме и толпе
Какое величайшее подспорье—
Мгновение подумать о тебе.

Рисунок Валерия КАПАСЕВА

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

Братья ВАЙНЕРЫ

РОМАН

Копытин осветил фарами реку, поставив автобус носом на тротуар в том месте, где грузовик сшиб ограду. Здесь было мелко, и «студер» ушел в воду только до кабины. — Неужели обоих?.. — растерянно спросил Жеглов.

Около нас стали тормозить машины, примчался милицейский мотоцикл, с сиреной подкатила оперативная машина с Петровки, появились какие-то поздние прохожие. Жеглов приказал одному из милиционеров очистить место происшествия от посторонних. — Давай, Пасюк, надо в воду лезть, — сказал он, и Пасюк молча стал стягивать сапоги. — Я тоже полезу, — сказал я. — Сиди уж, — отрезал Жеглов и крикнул орудовцу: — Вызовите «Скорую помощь» и перевяжите нашего сотрудника...

Продолжение. Начало в №№ 15—20.

В этот момент в полузаотопленном «студере» дрогнула дверь, и на подножку медленно вылез Фокс — у него было разбито лицо, кровь текла по рукам, он был черный, мокрый, страшный, и только лучился на свету орден Отечественной войны. Он ухмылялся разорванным ртом, но улыбка была жалкая, неестественная, чужая — как у сумасшедшего.

— Ваша... взяла... граждане... повезло... вам... — сказал он раздельно.

Жеглов перегнулся к нему через барьер:

— Кому поведется, у того и петух несется. И такая поганая птица, как ты, тоже у меня нестишься будет! Лезь наверх, пока я ноги не замочил...

Фокс обернулся назад, словно прикидывал, сколько до другого берега будет, но был тот берег далеко, а Жеглов — прямо над головой.

— Ты еще не утомился? — спросил Жеглов. — Я ведь тебе уже показал, как стреляю. Вылезай, тебе говорят! Фокс спрыгнул с подножки в воду, и холода он наверняка сейчас не чувствовал. Он медленно подошел к парапету, поднял руки, и хоть он протягивал их, чтобы его наверх вытянули, вид у него был такой, будто он сдается.

Жеглов распорядился в это время:

— Установите пост, вытащите тело второго, дактилоскопируйте его, и в морг, срочно вызовите кран — достать грузовик, экспертов из ГАИ известите...

Потом подошел к Фоксу, только и сказал:

— Влезай в автобус...

— Подожди! — крикнул я, и оба они обернулись.

Я рванул у Фокса на груди китель и содрал с него орден Отечественной войны.

— Я за этот орден свою кровь проливал, а ты под него — чужую, бандюга проклятый...

И поехали на Петровку, в МУР.

Собрались в кабинете и теперь просто сидели, во все глаза рассматривали Фокса. А он непринужденно устроился на стуле около двери, нога за ногу, и тоже смотрел на нас с интересом, с легкой ухмылкой, без всякой злости. И все молчали. Фокс достал из кармана красивый носовой платок, приложил его к здоровенной царапине на правой щеке, укоризненно покачал головой. Потом посмотрел на свои руки, окровавленные, изрезанные

стеклами, на свои пальцы, измазанные после дактилоскопии типографской краской, и сказал легко и спокойно, ни к кому в отдельности не обращаясь:

— Одетончику не найдется, граждане—товарищи—сычки? Я не привык с грязными руками. Или бензина на худой конец, а?

Пасюк молча вынул из стола пузырек со скипидаром, протянул Фоксу. Тот вытер пальцы, с поклоном вернул пузырек и, безошибочно выбрав среди нас Желова, сказал:

— И долго еще будет продолжаться это представление? Я хочу и имею право знать, в чем дело.

Желов долго, внимательно смотрел на Фокса, в прищуренном его взгляде не было ничего особенного, разве что на миг промелькнуло лукавство, словно он на базаре к понравившейся вещи приценивался, да показать продавцу не хотел, вытаскивая пачку «Норда». Фокс приподнялся со стула, вежливо, без угодуливости протянул Глебу коробку «Казбека», мокрую, совсем измятую. Желов, вцепившись в лицо Фокса коричневыми ястребиными своими глазами, небрежным движением, не глядя, отвел руку Фокса, процедил:

— Представление, говоришь? Ну-ну...—Он раскрыл лежащие на столе документы Фокса, постучал по ним пальцем: — Твои?

— Мои...—вежливо ответил Фокс и, не повышая голоса, посулил: — Вам еще придется, гражданин, доставить мне их по месту жительства... в зубах... с поджатыми ладками...—и широко улыбнулся, показав опслепленные крупные зубы с заметным промежутком между передними резцами.

— Ух ты!—фыркнул Желов, тоже расплываясь в милой, добродушной улыбке.—В зубах? Эко ты, брат, загнул... да-а...

Он повернулся ко мне, кивнул на Фокса:

— Нахал парень, а, Шараров? Тебе, небось, таких еще видеть не приходилось?

Я помотал головой, а Желов заговорил тихо, совсем тихо, но в голосе его было такое ужасное обещание, что даже мне не по себе стало, а уж Фоксу, надо полагать, и подавно.

— Значитца так, Шараров,—сказал Глеб Желов.—Этого отдаю тебе. Делай с ним, что хочешь. Потому что он душегуб, ни совести в нем, ни сердца, ни жалости... Пошли, орлы!

И он поднялся, за ним пошли наши ребята, но в дверях около Фокса Глеб остановился и сказал ему:

— Одна у тебя на этом свете надежда осталась: что Шараров за тебя заступится. Но для этого надо очень сильно постараться. Понял, бандит?—и, не дожидаясь ответа, вышел.

Фокс посмотрел ему вслед, покачал головой и спросил:

— Он что, псих?

— Нет,—ответил я коротко, глядя на его руки, сильные, красивые, смиро лежащие на коленях, с длинными холмистыми ногтями на мизинцах, и думая о том, что же он успел ими натворить в своей жизни. А Фокс, будто догадавшись, сказал доверительно:

— На руки мои смотрите? Руки артиста!.. К сожалению, жизнь моя пошла по другому пути...

— Вы работаете?—спросил я хмуро.

— Конечно,—живо отозвался он.—Как говорится, кто не работает, тот не пьет... Я снабженец на сатураторной базе...

— А в свободное от снабжения время?

— Буду с вами совершенно откровенен—я играю. На бильярде, в карты, в «железу»—все равно, лишь бы играть! Лишь бы не связываться с Уголовным кодексом, ибо я честный человек, даже не по воспитанию, а по рождению! И теперь это неожиданное задержание, помилуйте, что же это такое делается?!

Я как можно спокойнее спросил:

— А зачем же вы стекло в «Савое» выбили? От нас зачем убежали?

Он поморщился, как от горькой пилюли:

— Избыток впечатлительности, черт знает что! Мне показалось, что ваш приятель или начальник—бог его ведает,—ну, в общем, он внешне очень похож на одного головореза, которому я, к несчастью, проиграл в карты. Он предупредил, что если я не отдам долга, он меня зарежет—подумать только!—Фокс закурил, пустил в потолок замысловатую струю дыма, закончил: —Когда я вашу компанию увидел—до ужаса, до беспомощности перепугался и стал спасаться любой ценой... Я, конечно, готов уплатить за витрину ресторана и принести свои извинения Марианне, но... ваш начальник что-то такое, простите, нес, что в голове не укладывается—это насчет того, что я душегуб и так далее... Я хотел бы знать, что он имел в виду...

Завонил телефон. Эксперт научно-технического отдела Сапожников быстро сверил свежую дактилограмму Фокса с контрольными материалами и теперь спешил выложить мне ворох новостей: отпечаток на бутылке «Кюрдамира» соответствовал безмянному пальцу левой руки Фокса; отпечатки на лонике, который мы нашли в ограбленном магазине, оставил он же, только правой рукой. Фокс что-то говорил мне, но я его почти не слушал, только прикидывал, что еще надо для формы проверить—по сути, картина была мне уже ясна.

Пришел эксперт Родионов. Он принес в фаянсовой баночке какое-то вязкое вещество розового цвета, стеклянными палочками ловко извлек катушек, вроде небольшой картошины, и вопросительно посмотрел на меня.

— Что надо делать?—спросил я.

С опаской поглядывая на Фокса, Родионов сказал:

— Пусть он откусит половину массы...

Фокс гордо воздел плечи:

— Это еще что такое?

Эксперт заверил:

— Да вы не беспокойтесь, это безвредно...

— Кому безвредно, а мне, может быть, вредно,—сказал Фокс со значением.

— Да бросьте выламываться, Фокс,—сказал я

ему.—Если вы честный человек, как утверждаете, вы охотно подвергнетесь проверке, так ведь?

Фокс, видимо, не совсем понимал значение опыта, который мы производили, но и роль портить не хотел, поэтому небрежно взял «картошину» и с гримасой отвращения перекусил ее, вытолкнув изо рта остаток массы на стол. Родионов поколдовал немного над ней, спустя две-три минуты подозвал меня; на столе рядом с контрольным образцом лежал гипсовый оттиск откуса от шоколада из квартиры Ларисы Груздевой.

— Он самый, вот поглядите...—сказал Родионов, но я уже и без него видел, что следы зубов одинаковые: щель между передними резцами, поворот их по сравнению с остальными зубами, размер.

Я похлопал эксперта по плечу, мы поулыбались друг другу, и он ушел, а я стал рассматривать сберегательную книжку Фокса. Двести шестьдесят семь тысяч рублей на ней было! И я сказал:

— Четверть миллиона с гаком... М-да-а... Это все с базы сатураторной... или из бильярдной, а?

Фокс открыто по своему обычно улыбнулся и сказал:

— У вас, товарищ Шараров, лицо доброго и милого человека. Оно располагает к откровенности...

Знаю я прекрасно, какое у меня лицо и к какой откровенности оно располагает... Ну-ну, пой, пташенка, пой...

— ...потому я буду с вами совершенно откровенен. В моем возрасте мальчишество—штука стыдная, конечно... Но я холост, люблю встречаться с женщинами, а женщины, что бы там ни говорили идеалисты, любят людей богатых... А я—нищий. Да-да, не удивляйтесь, я нищий служащий, только удача на зеленом сукне позволяет мне изредка сводить свою даму в ресторан...

— А четверть миллиона?—напомнил я.

— Момент—все объясню. Женщина предпочитает, как это ни печально, жадного богача щедрым нищему. Да-да-да! Поэтому любая раскрывает объятия человеку, у которого на книжке больше четверти миллиона. Неважно, что он «прижимист», как я, она рассчитывает своими прелестями заставить его раскошелиться...

Я почувствовал, как волна холодной, просто-таки леденящей злобы подкатилась у меня к горлу, я вспомнил Шурку Баранову, катающуюся по полу на кухне, а потом, сразу же—Варю, огромные ее нежные глаза... Этот мерзавец своими словами пачкал их, оскорблял, даже не подозревая об их существовании. И нечаянно для самого себя я крикнул:

— Ну-ну, ты потише тут насчет женщин распространяйся! Привык с продажными...

Фокс перебил меня:

— Да что вы, товарищ Шараров, я далекий от обобщений! Разумеется, я говорю о своих знакомых...

— Давай-ка лучше к делу. Что там с твоими миллионами?

— А ничего,—спокойно сказал Фокс.—Нет никаких миллионов. Фикция. К предыдущему вкладу в сто рублей я приписал следующую строчку. Поверьте, что, к великому моему сожалению, в сберкассе числятся только сто рублей...—И он широко развел руками: извиняюсь, дескать, за свое легкомыслие.

А я ему поверил. Сразу поверил, даже проверять не стал, потому что все мне стало ясно, все его действия паскудные. И сам он сделался мне неинтересным и противным, как будто ненароком мышью раздавил. Но арестованного не бросишь, как надоевшего попутчика в купе, и я ему сказал, чуть ли не зевая—мне в самом деле вдруг очень сильно захотелось спать:

— Ты не только снабженец и картжник, Фокс. Ты бандит и убийца. Ты убил Ларису Груздеву, сторожа в магазине на Трифонойской, и еще за тобой достаточно всякого водится. За все за это ты ответишь. Дай только срок—приедет следователь прокуратуры товарищ Панков, он это дело вевет, и будешь ты мертвец всех своих покойников, понял? Он все оформит, будь спок...

В лице немножко изменился Фокс, но так, самую малость, уставился в окно, сказал без всякого волнения:

— Во-он чего! Клепальщики вы известные, зайцу волчий хвост пришьете, не то что человеку дело...

Я опять разозлился:

— Ты на моих товарищей суп не лей, они из-за таких, как ты, сволочей под пули идут... И на око глеть нечего, оно не на улице, а во двор выходит, прямо в собачий питомник. Рисковать?

Он помотал головой, сказал с укоризной:

— Не думал я, что в МУРе так с людьми обращаются... Ведь это все, что вы наговорили, доказать надо...

— Докажем, не бойся, все докажем. И про Ларису и про «черную кошку» вашу прословутую...

— Да не знаю я никакой Ларисы, что вы на самом деле?—с подковыркой сказал Фокс, и я сообразил, что ему ужасно интересно хоть что-нибудь выведать. Ну ладно, сволочуга, ну, пожалуйста, я тебе сейчас подброшу. И я сказал:

— На самом деле мы вот что. Ну, например... Познакомился ты с Ларисой Груздевой, охотулся ей—это ты умел. Ввел в заблуждение: любовь на всю жизнь и все такое прочее. Уговорил в Крым переезжать, дом купить и так далее, тем более что двести шестьдесят тысяч на книжке уже есть, на все хватит—и на обзаведение и на собственный лимузин марки «хорьх». Плюс друг в драмтеатре. С работы ее снял, чемоданы велел уложить, деньги, горбом накопленные, с книжки снять...

Завонил телефон. Пасюк привел Галину Желтовскую, новую жену Груздева. Я ему сказал:

— Пусть она там посидит, а для нас подбери двух «подставных» и понятых, будем опознанием заниматься...—и продолжил:—...А потом устроил прощальный ужин с «Кюрдамиром» да с шоколадом...

Фокс опять перебил меня:

— Минуточку. Я хочу сделать небольшое признание. Я действительно имел связь с Груздевой. Но, во-первых, не следует мужчине без нужды афишировать это, а во-вторых, знаете, влезать в историю с убийством как-то не хотелось...

— Ну и что?—спросил я.

— Никакого «прощального ужина» я не устраивал—вы это все придумали.

— На бутылке остался отпечаток вашего пальца—это уже установлено.

Он подумал немного, потом, пожав плечами, сказал: — Это еще ничего не доказывает. Мы действительно пили с Ларисой вино... припоминаю, в самом деле—«Кюрдамир», но это было за неделю до несчастья! Тогда и палец мог остаться...

Я подошел к сейфу, отпер его и достал бутылку из-под «Кюрдамира», ту самую, аккуратно взял ее, уперев горло и донышко между ладонями, подозвал Фокса:

— Смотрите на свет. Вот отпечаток безмянного пальца вашей левой руки. Тут и другие пальцы есть, но нечеткие...

— Угу, вижу,—охотно подтвердил Фокс.

— Значит, вы утверждаете, что оставили эти следы за неделю до убийства?

— Точно, числа 11—12 сентября...

— Тогда внимательно посмотрите на обратную сторону этикетки...

Я включил настольную лампу, поднес к ней бутылку. На просвет, сквозь зеленое стекло отчетливо просматривался штамп: «18 сент. 1945». Не дожидаясь его новых выдумок, я сказал:

— Вы, конечно, можете сейчас «вспомнить», что пили «Кюрдамир» не за неделю, а за день до убийства, но пора уже сообразить, что все эти враки ни к чему...

— А я и вспомнил...—начал с наглой улыбкой Фокс, но отворилась дверь, и вошел Пасюк, ведя за собой двух рослых молодых людей.

— От, ци хлопцы будут «подставные»,—объяснил он.—Понятые в коридоре.

— Так пригласи их сюда...

Вошли понятые—две седенькие старушки, исключительно похожие друг на друга и, как выяснилось, родные сестры. Старушки дождались в коридоре допроса, как потерпевшие по какому-то делу, там их и нашел Пасюк. Я разъяснил собравшимся цель и порядок опознания, потом предложил Фоксу занять место среди «подставных».

Открылась дверь, и вошла Желтовская—испуганное милое лицо, мягкие ямочки на щеках. Она, видимо, не понимала, что происходит, и от этого волновалась еще больше, лицо было бледно, губы тряслись, глаза поминутно заволакивались слезами.

— Гражданка Желтовская, не волнуйтесь. Успокойтесь,—сказал я с досадой.—Сейчас вы осмотрите троих молодых людей. Не спешите, будьте внимательны. Если вы кого-нибудь из них узнаете—скажите нам. Предупреждаю вас об ответственности за дачу ложных показаний. Вот эти люди. Посмотрите на них...

Опознаваемые сидели вдоль стены. Галина Желтовская остановилась посреди кабинета, молча смотрела на них, и я даже забеспокоился: неужели не опознает? А потом понял, что она их просто не видит—глаза в слезах, взгляд отсутствующий.

— Желтовская, прошу вас успокоиться,—сказал я как можно мягче.—Посмотрите на этих людей.

Она неожиданно, как-то по-детски всхлипнула, кусая губы, удерживая рыдания. Потом вытерла платочком слезы и сказала:

— Вот этот...—и указала на Фокса.

— Как его имя, давно ли вы его знаете, при каких обстоятельствах познакомились?

— Имя я не знаю,—почти шепотом сказала Желтовская.—Мы не знакомы. Этот парень—слесарь из жилконторы в Лосинке.

— Вы его часто видите?

— Да нет, я вообще его видела один раз—в тот злосчастный день, когда Ильи...—И она снова расплакалась.

— А что произошло в тот день?—настойно выяснял я.

— Он пришел к нам проверить отопление...

— И вы вот так, сразу его запомнили?—спросил я вроде с недоверием.

Она развела руками, ответила просто:

— Да.

— Что вы делали, пока он занимался отоплением?

— Я была на веранде, заканчивала автореферат...

Потом он вышел из кухни, сказал, что все в порядке, и ушел... Вот и все, собственно...

Пасюк увел всех из кабинета, со мной остался один Фокс, но что-то не было у меня ни малейшего желания разговаривать с ним. Да и он не проявлял инициативы—ждал, что скажу или сделаю я. А я подумал немного и предложил:

— Рассказали бы вы, Фокс, все чистосердечно, как есть. Ведь за вас ни в чем не повинный человек в камере маялся. Совесть-то надо иметь, хоть немножко?

На что Фокс сказал дерзко:

— Он не из-за меня маялся. Вы же его посадили—не я...

Не мог я с ним спорить, ну, будто оторвалось что-то во мне. Но и на полслове не остановился:

— Спорить не будем. Нам все про вас известно—вы активный участник банды. За вами убийство Груздевой...

В кабинет вошли Желов и Панков, и я очень обрадовался, что мне можно прекратить допрос. Я поздоровался с Панковым и сказал ему:

— Сергей Ипатьевич, вот этот самый Фокс. Вы с ним прямо сейчас займетесь?

Панков кивнул.

Не глядя на Фокса, не спеша снял он в углу свои красно-черные резиновые бронебосы, подвинул зонтик на гвозде, размеренными движениями протирал старомодные очки без оправы, с желтыми шнурком, трубно сморкался в клетчатый платок, и ничего в его ступолай, тщедушной фигуре и сером морщинистом лице не выдавало волнения или интереса.

И Желов, не обращая внимания на Фокса, сказал мне:

— Хорошего шоферюгу подобрал он себе...

— А что?—поинтересовался я.

— Его уже дактилоскопировали. Помнишь «зачочку», которой накололи Васю Векшина?

— Да...

Отпечатки пальцев на ней те же, что и у шофера,

которого я застрелил,—сказал Жеглов и повернулся к Фоксу:—Ты шофера Есина, что тебя на «студере» возил, тоже не знаешь, конечно?

— Впервые увидел около ресторана,—прижал руки к сердцу Фокс.

— Ну и черт с тобой,—кивнул Жеглов.—Пошли, Шараров...

Я сказал Фоксу:—Это следователь прокуратуры товарищ Панков. Я вам уже говорил—он будет заканчивать дело. Он его и в суд оформит.

Фокс вежливо кивнул головой. А я, уступив Панкову место за столом, вместе с Глебом вышел в коридор. Настала наконец пора заниматься Груздевым.

Мимо съездившейся на скамейке Желтовской мы прошли в соседний кабинет. Дюпонтские деревянные часы с римскими цифрами, висевшие на стене, вдруг заперхали, закашлялись и пробили четыре раза. Жеглов устало потянулся, сказал мечтательно:

— Эх, тарелочку бы супу сейчас... Так хочется горяченького. Как, Шараров, не отказался бы от рассольника, а? С потрошками гусиными?

— Я бы лучше щей поел. И баранью отбивную, на косточке. Но поскольку «Савоя» далеко, а столовая открывается только утром, придется отложить этот вопрос. Давай с Груздевым решим.

— А что с ним решать?—легко сказал Жеглов.—Завтра с утрачка вызовешь его да отпустишь. Напишешь постановление об освобождении от моего имени, я подпишу, и все дела. Меня сейчас больше Фокс занимает...

— А меня—Груздев,—покачал головой я.—Хоть Фокс и крепкий орешек, да куда он от нас денется? Выспимся—и возьмемся за него всерьез. Все улики понастоящему против него. Неужели уж ты его на таком материале не «расколешь»?

И тут Жеглов очень удивил меня. — У тебя опыту нет, Шараров,—уныло сказал он.—Иначе ты бы знал: такие, как Фокс, не колются. У них воровской закон сам по себе ничего не стоит—они из материалов дела исходят: и чем больше улик, тем труднее их заставить сознаться.

— А какая здесь логика?

— А такая, что они понимают: суд в их бумажное расписание не поверит. Вот они и оставляют себе шанс свалить обвинение на кого-нибудь из лагерных, кто согласится взять на себя—бывает и такое... Так что нам его самим изобличать придется—до фактика, до словечка, до минутки.

— Ну, что ж... Не знаю, как ты, а я готов для него постараться! Я ведь таких негодяев не только сроду не видел, даже в книжках не читал...

— Ну, и добро...—кивнул Жеглов.—Давай домой собираться, что ли? Двадцать часов на ногах...

— А Груздев?

— Так я же сказал тебе—ночь на дворе, что мы его будем с постели поднимать...

— Я думаю, с той «постели» и среди ночи помчишься. И жена его здесь...

— Теленок ты, Володька. Им и домой-то добираться не на чем!

— Ничего, я думаю, они в крайнем случае пешком пойдут. Ну, давай закончим с этим, Глеб, и тогда уж домой.

— Да ты не понимаешь—это ведь на час бодяга... Мне надоело с ним препариться, и я сам снял трубку, вызвал КПЗ, велел дежурному направить к нам Груздева. Жеглов лениво бросил:

— Ты, салага, хоть сказал бы дежурному, что с вещами. А то возвращаться придется...

— Да, это я не подумал. Я перезвонил дежурному—он и в самом деле меня не понял, решив, что мы вызываем Груздева на допрос.

— А коли так, то требуется постановление,—сказал дежурный.

Я заверил его, что сейчас же принесу сам, и Жеглов милостиво согласился продиктовать мне коротенький текст. Постановление заканчивалось словами «...изменить меру пресечения—содержание под стражей—на подписку о невыезде из города Москвы». Тут мы опять заспорили—мне казалось правильным написать «освободить в связи с невиновностью», но Жеглов сказал:

— Ну, что ты, ей-богу, нудишь! Если мы так напишем, начнутся всякие вопросы да расспросы. Без конца от дела отрываться будут, а у нас его, дела-то, полны руки! Если же изменение меры пресечения—это никого не касается. Следствие само решает—под стражей обвиняемого держать или под подпиской, понял? Закончим с Фоксом, тогда и для Груздева подписку отменим...

Я действительно в тонкостях этих еще слабо разбирался, не представлял себе, каково человеку жить под подпиской—это ведь значит находиться под следствием. Но поскольку у меня было одно желание—как можно скорее выпустить Груздева на свободу, я мирно согласился, дождался, пока Жеглов поставил на бумаге свою знаменитую, в пятнадцать колена, подпись, и сбегал в КПЗ. Жеглов тем временем наведалься к Панкову, который успел добиться от Фокса твердого уверения в том, что он никогда никаких преступлений не совершал, что все наши доказательства—это единственная «липа номер шесть» и следствие никоим образом не должно рассчитывать на какую-нибудь иную позицию в этом, как выразился Фокс, «жизненно важном для меня вопросе».

— Значитца, так, Шараров,—сказал мне Жеглов.—Ты тут вырливай с Груздевым, а я пойду еще с Панковым поспиху, для приличия...

— А с Груздевым попрощаться не думаешь?—спросил я.

— Чего мне с ним прощаться?—холодно сказал Жеглов.—Он мне не сват, не брат...

— Я думаю, перед ним извиниться надо,—нерешительно сказал я.

Глеб захохотал: — Ну и даешь ты, Шараров! Да он и так от счастья тебе руки целовать будет!

Мне это не показалось таким смешным—не за что было, по-моему, Груздеву нам руки целовать.

— Мы же невиновного человека засадили, Глеб,—сказал я.—Мы его без вины так наказали...

— Нет, это ты не понимаешь,—сказал Глеб уверенно.—Наказания без вины не бывает. Надо было его думать, с кем дело имеет. И с бабами своими поосмотрительнее разворачиваться. И пистолет не разбрасывать, где попало...—И повторил еще раз, веско, безоговорочно:—Наказания без вины не бывает!

Не понравилось мне это рассуждение, такое чувство у меня было, что все-то он ухитряется низзянку вывернуть, поставить с ног на голову.

— Не знаю, подходит это к случаю или, может, не очень...—пробормотал я.—Читал я в госпитале журнал один... Вот там разговор происходит... еще в дореволюционное время... Поп один, Филарет по имени, заспорил с добрым человеком, он служил тюремным доктором, вот только фамилию его забыл, не русская...

— Ну-ну...—нетерпеливо подогнал меня Жеглов.

— О том же самом спор вышел. Поп говорит: ежели кто наказан, то и виноват. А доктор ему отвечает: вы, гражданин поп, про своего господ Иисуса Христа, говорит, забыли. А был он наказан сверх всякой меры...

— И что же поп?—заинтересовался Жеглов.

— Дошло до него, не такой, видать, упрямый, как ты. Поп застыдился, да, говорит, это ты, доктор, прав. Видно, говорит, когда я такие речи вел, меня самого господь забил.

И я с торжеством посмотрел на Глеба—приложил его, лучше не надо. А он походил по кабинету, потом сощурился на меня:

— Мусору у тебя в башке, Шараров, ужас! Ты что сам-то соображаешь, чего несешь? Комсомолец называется! До религиозной пропаганды докатился! Удивляюсь я тебе...—Он покачал головой, пожал от удивления плечами.—Гнилой либерализм и буржуазные предрассудки—вот что это такое. Извинения всякие и тому подобное. Может, еще прикажешь Груздеву с его новоявленной мадамой автомобиль подать?!

Я прямо-таки оторопел от такого поворота, но все же сказал упрямо:

— Ты мне своими заголовками мозги не пудри! Я просто по-человечески разбираюсь. Заставили человека страдать? Заставили. Не виноват? Извиниться—не по своей вине прихоти сажали, так уж, мол, обстоятельства сложились. Будьте здоровы и не поминайте лихом. Это, по-моему, будет по-людски. Что тут такого либерального? Или там гнилого?

Жеглов снова засмеялся: — Да пойми ты, чудак, не в словах суть, а в делах. Вот ты его сейчас отпустишь—это и есть для него главная суть. А слова—что? Сами по себе—ерунда! Важно, как мы их произносим. Помнишь, я как-то начал тебе свои правила перечислять?

— Ну?

— Нас перебило тогда что-то. Но сейчас я закончу: вот тебе еще два правила Глеба Жеглова, запомни их—никогда не будешь сам себе дураком казаться!.. Первое: даже «здравствуй» можно сказать так, что смертельно оскорбит человека. И второе: даже «сволочь» можно сказать так, что человек растает от удовольствия. Понял? Действуй.—Он весело хлопнул меня по плечу и направился к двери.

Опять он верх взял, опять я в дураках остался, и такая меня, сам не знаю почему, злость взяла, что крикнул я ему вслед:

— Я еще одно правило слышал: можно делать любые подлости, подставляя человеку стул. Но мягкий... К остальным присоедини, подойдет, ты слышишь, Жеглов?!

Но он даже не обернулся, до меня донесся лишь скрип его сапог и песня: «...первым делом, первым делом самолеты...»

Я посидел немного без всякого дела—просто чтобы немного успокоиться. Часы показывали пять. Хоть в голове плавал какой-то туман, спать уже не хотелось, да к тому же садили порезы от витрины «Савоя», особенно на лбу. Вдруг я вспомнил, что сейчас должны привести Груздева, а Желтовская сидит в коридоре. Я торопливо выгнул из двери и позвал ее к себе в кабинет, мне вовсе не хотелось, чтобы она видела, как конвой поведет—руки назад—ее мужа.

Она вошла, отупевшая от переживаний, от бессонной ночи, по-прежнему не зная, что ее ждет—ведь Фокс до сих пор оставался в ее глазах поселковым водопроводчиком, и она наверняка не могла взять в толк, какое он имеет отношение ко всем этим делам. Я усадил ее, предложил воды из графина, она покорно отпила несколько глотков, потом подняла на меня покрасневшие глаза, ожидая вопроса. Но я молчал, и тогда, набравшись храбрости, спросила она:

— Скажите, ради бога, скажите, что же это происходит? Ведь Илья Сергеевич, в чем не виноват...

— Я знаю...—начал я и услышал шаги в коридоре, мерный солдатский топот конвоя и не в такт шаркающую, неровную поступь арестованного.

Я замолчал, посмотрел на дверь, и в этот момент шаги приблизились, затихли. В дверь постучали: «Разрешите?»—и конвой заглянул в кабинет. Я кивнул, и он ввел Груздева, всклокоченного, в измятой одежде, в которой он спал на нарах—постели тогда не полагалось. Даже сквозь недельную щетину было видно, что лицо его отечно, бледно, веки припухли, почти закрывали красные, измученные глаза. Груздев глянул на меня, и тут же его взгляд метнулся к женщине—в ней был главный интерес арестованного: кого привели к нему на допрос, что ждет его от свидетеля?!

И в тот же миг он узнал Желтовскую и бросился к ней. Она поднялась Груздеву навстречу, но он остановился на полпути, с мольбой посмотрел на меня—уже сказала привычка жить не по своей воли. Я кивнул ему, а конвою знаком показал—свободен!—и он ушел. Груздев обнял Желтовскую, на какое-то мгновение они

замерли, потом послышались всхлипывания и голос Груздева: «Не надо, Галочка, нельзя... не надо». Я не смотрел в их сторону, только чувствовал, как жарко полыхало у меня лицо от невыразимого стыда за то, что принес этим людям столько горя. Я сидел, отвернувшись к окну, и, может, впервые в жизни думал о том, что власть над людьми—очень сильная и острая штука...

Груздев кашлянул, и я повернулся к ним. Они стояли уже поврозь и смотрели на меня с бесконечным ожиданием и надеждой. Кивнув на тощий узелок, брошенный у двери, Груздев медленно спросил:

— Меня... что... в Бутырку... или...—Голос его предательски дрогнул, он заикался, замолчал, только глаза впились в меня с мучительным вопросом.

Мне захотелось встать, торжественно объявить ему постановление об освобождении, но тут же я устыдился этого желания—я ведь не награждал его свободой, она была его правом, его собственностью, которую мы похотели, силою обстоятельств, силою своей власти отобрать, и гордиться тут было вовсе нечем. По-прежнему сидя, я просто сказал ему:

— Илья Сергеевич, дорогой, я очень рад за вас—мы поймали Фокса, настоящего убийцу... Вы свободны...

Груздев секунду стоял неподвижно, будто не веря своим ушам, он даже закачался с закрытыми глазами, и я испугался, как бы он не упал, но он издал вдруг какой-то совершенно невинный торжествующий крик, бросился ко мне и стал обнимать, прижимать к себе, и, может быть, потому, что был я совсем неопытный сыщик, я тоже от души обнимал его, пока мы оба не застыли этого порыва, и он чуть отодвинулся от меня и проговорил:

— Это вы все, Шараров, голубчик вы мой, милый вы мой... Я в вас сразу поверил... Я вам все время верил... Спасибо вам сердечное, всю жизнь вас помнить буду...—и еще что-то в этом роде несвязно, со слезами бормотал Груздев, и я уже почти не слушал его, я думал о том, что Жеглов как будто снова оказался прав, когда говорил, что Груздев будет нам руки целовать за свое освобождение, но меня не радовало это прекрасное жегловское знание человеческой сути, самого ее нутра, потому что человек подчас не волен в своих чувствах и поступках—и в неожиданной радости и в горе, все равно. А сейчас речь шла не только о Груздеве, но и о человеке по имени Жеглов, и о человеке по имени Шараров, и о всех тех, кто имеет право сажать людей в тюрьму, и тех, других, кому выпадает горькая беда попасть в наше заведение, и о том, какие отношения, какие чувства это все между теми и другими вызывает. Но ничего этого я Груздеву, конечно, говорить не стал, у меня был свой долг, и я был обязан его отдать.

— Илья Сергеевич, все сложилось так...—сказал я, глядя ему в глаза,—ну, что сомнений в вашей виновности не было... и потому вас арестовали...

— Да я все понимаю!—горячо перебил меня Груздев.—О чем тут говорить... Тут есть о чем говорить,—сказал я твердо.—Я должен извиниться перед вами и за себя... и за своих товарищей. Мы были неправы, поздравляю вас. Извините и... вы свободны. Я вас провожу на выход...

Желтовская крепко обхватила Груздева, словно боясь, что я передумаю, а он, погладив ее по голове, протянул мне руку:

— Прощай, Шараров. Ты хороший человек. Хорошо начинаешь. Побольше бы таких, как ты... Будь счастливым... Уже на выходе, помявшись немного, он сказал:

— В нашей жизни очень важно правильно оценивать людей. Особенно если они твои друзья...

Я с удивлением посмотрел на него—к чему это он? А Груздев, будто решившись, закончил:

— У меня характер прямой. Ты меня извини, но я тебе скажу так: плохой человек твой Жеглов. Ты не подумай, я не потому, что с ним сцепился... Просто для него другие люди—мусор... И он через кого хочешь переступит. Доведется—и через тебя тоже...

Забрезжил серый, сырой рассвет. На улице выходили дворники с метлами. По всему телу расплывалась уже ничем не сдерживаемая усталость, а я все стоял на тротуаре около первого поста и лениво размышлял о том, как подчас мы торопимся обвинить, осудить человека. Вот и Груздев сейчас сказал о Желтове злые слова и ушел с горечью и ненавистью в сердце, даже не подозревая, что во имя того, чтобы мог он сейчас в преддверии осеннем сумраке идти со своей любимой женщиной домой, Желтов всего несколько часов назад и без всяких колебаний бросился в схватку с Фоксом и бог весть чем эта схватка могла кончиться...

Дыма табачного набралось в кабинете больше, чем когда бы то ни было: Свицкий курил трубку, выпуская из черного обкуреного жерла каждые три секунды целое облако—мы четверымя «нордданами» за ним поспеть не могли. Собрались сегодня попозже, успев выплывать после вчерашнего, и вот уже добрых полтора часа обсуждали, как изловить банду. Заново зарядив свое «орудие» и шарахнув очередным залпом пахучего дыма, Свицкий подытожил:

— Конечно, прекрасно, что вы взяли Фокса. Судя по всему, это один из активнейших участников банды...

— Если не главарь...—поддал голос Жеглов.

— Да. Но в то же время у нас до безобразия мало каких-либо выходов на остальных. Предположение, что они базируются на район Сретенки—Марьиной Роши, следы ног, отрывочные сведения о внешности еще одного бандита... Все это—даже не корыто, и будет ли к нему свиньи—очень пока неясно. Конечно, можно подождать, не скажет ли Фокс...

— Не скажет,—утешил Жеглов.—На его разговорчивость рассчитывать не приходится.

— Изворачивается до последнего,—поддержал я.—Даже очевидных фактов не признает, все наотрез. Добром от него ничего не добьешься.

— Надо его пидмануть, сукиного сына,—неожиданно предложил Пасюк.

— Да? А как?—с надеждой посмотрел на него Свицкий.

— То я из розумию, Лев Алексеевич,— растопырил огромные ладони Пасюк.— То у нас Глеб Егорович мастак...

Немножко посмеялись, но я про себя подумал, что какая-то истина в словах Пасюка есть—на фронте довольно часто получалось, что доставали хитростью то, чего нельзя было добыть с бою. А Жеглов сказал:

— У нас остается пока что единственный канал, где мы знаем хотя бы, кого персонально искать. Это подружка Фокса—Аня.

— Да, я уже думал об этом,— сказал Свирский.— У вас кто ею занимается?

— Шарапов,— сказал Жеглов.— Он и по вокзалам, и по кличкам, и по оперучету ее проверяет.

— Ладно,— кивнул Свирский.— Тогда хватит заседать, все усилия направьте сейчас в эту сторону. Для проверки на вокзалах я вам еще шесть человек немедленно выделю, как раз в третьем отделе вчера группа Кононогова освободилась. Вечером доложите о результатах...

Время бежало быстро, а никаких сколько-нибудь приличных следов Ани не обнаруживалось. И все время скребла мыслишка: а на кой, собственно говоря, ляд мы приберегаем телефон бабки Задехиной? И незадолго до обеда я сказал Жеглову:

— Слушай, Глеб, что нам мешает попытаться вытащить Аню по телефону бабки?

— Спугнем их,— сказал Глеб механически, потом оторвался от своих бумаг и внимательно посмотрел на меня, словно додумывая мысль, которую я не высказал. Потом улыбнулся:— Смешно, Володька. Иногда принимаешь какую-нибудь вещь как аксиому. Дерево—твердое, молоко—жидкое. А масло? Масло ведь бывает не только твердое, но и жидкое, так? Вот и телефон Задехиной—«конспиративный». И точка. А какой он сейчас, когда мы Фокса взяли, конспиративный? Что, мы банду спугнем? Так их уже спугивать некуда. Тем более, что жулики они отчаянные, и нам нечего надеяться, что они угмонятся.

— Вот и я так полагаю,— сказал я.— Давай только подумаем, как хитрее ее вытащить.

— Не об этом надо думать,— покачал головой Жеглов.— Вытащить как-нибудь. Думать надо о другом: что мы с ней будем делать? А если она не знает или не захочет нам показать банду?

— А что мы теряем?— спросил я.— Допросим, а там видно будет...

— Не-о, это ты не прав, Шарапов,— протянул Глеб.— Нам надо иметь четкий план. Ты ведь, небось, разведкой так не занимался: пойдй туда, не знаю куда, привези то, не знаю что. Надо себе точно представить, что именно нам от нее, от Ани, значитца, нужно и каким способом это добыть. Вот когда придумаем, тогда поговорим...

Долго я сидел и размышлял обо всем этом, и все время мне мешала мысль о том, что прежде, чем допрашивать Аню, ее надо как-то вытащить, зря Жеглов отмахивается от этой задачи—будто можно взять ее и вынуть из кармана. Пасюк прав, конечно: надо ее как-то «подмануть»—в лоб, нахрапом с подружкой Фокса не справиться. Так и этот выстраивал я разные комбинации, даже на бумаге рисовал, и каждый раз оказывалось, что от того, как мы ее заманим на встречу с нами, будет зависеть все остальное. И еще я понял: иначе, как изнутри, мы сейчас банду взорвать не сможем...

Значит, еще раз, сначала. Вытаскиваем Аню. Как? С помощью Волокушиной? Не годится, Фокс ей даже звонить-то по этому телефону запретил, и на свидание с ней Аня скорее всего не пойдёт... И выстрел окажется холостым... С кем же Аня захочет встретиться? Пожалуй... пожалуй... только с человеком, у которого есть известие от Фокса... Так-так, вроде нацупывается... У кого может быть такое известие? Тоже ясно—только у человека, с которым Фокс сидел в одной камере. Так... И этот человек вышел на волю... Почему? Почему вышел на волю?.. Ну, ладно, это мы придумаем... Есть, допустим, у сокамерника письмо для Ани... или поручение на словах... Письмо она может потребовать послать по почте... Хотя нет—надо же адрес дать! Так... так... Встретились, допустим... Но ведь тащить ее к нам нелепо... Ее самое и сажать-то не за что... пока не доказано соучастие в банде...

Есть идея! Есть! И я помчался в управленческую библиотеку...

Конвоир прицелкнул сапогами, расцепил наручники, и Фокс с облегчением потряс затекшими кистями, приветливо мне улыбнулся:

— Здравствуйте, Владимир Иванович...

Каким-то непостижимым образом он уже знал каждого из нас по имени-отчеству и на допросах преимущественно дурчался, сводя все ответы к шуткам, выступал таким жизнерадостным придурком, которого несчастная страсть к игре и женщинам свертывает каждый раз в неприязни. Я протянул ему записку Груздева и сказал:

— Мы нашли ваше письмо с угрозами в адрес Ларисы Груздевой. Это будет очень веским доказательством по делу.

Он, небрежно улыбаясь, взял записку, прочитал ее, поцокал языком:

— Опять ошибка, Владимир Иванович. Это не мое письмо.

— Как не ваше, а чье же?

— Не знаю.—Фокс развел руками.— Это не я писал.

На этот раз уже хитро заулыбался я:

— Мы предвидели, что вы будете отказываться. Еще бы, такая улика! Но графическая экспертиза все докажет...

— Пожалуйста,— ухмыльнулся Фокс.— Доказывайте...

Я взял со своего стола листок тонкой оберточной бумаги, карандаш, передал Фоксу:

— Пишите образец свободного почерка гражданина Фокса Евгения...

Фокс, не споря, написал, поднял голову в ожидании дальнейшего. Я объяснил ему:

— Для экспертизы потребуется три документа: образец свободного почерка, образец диктовки и, наконец, образец вашего письма, не связанный с этим уголовным делом.

Фокс снова ухмыльнулся:

— Тогда вам придется разыскать мои школьные сочинения. Правда, боюсь, что в войну они пошли на растопку за отсутствием художественной ценности...

— Ничего, нас устроят ваши снабженческие заявки на сатураторы.

Фокс пожал плечами, спросил:

— Ну, что дальше?

— Дальше пишите свободно, что хочется. На ваше усмотрение.

Фокс взял карандаш, послушал его—на глянцевиной поверхности оберточной бумаги химический карандаш оставал слишком бледный след—и начал писать преувеличенно старательно, хитро поглядывая на меня.

Вывел несколько строк, покрыв бумагу кривыми, кляузами буквами, показал мне:

— Хватит, что ли?

На бумажке было написано: «Добрый, хороший мальчик Фокс мучается здесь в тюрьме ни за что, нет правды на свете, нет счастья в жизни. Мучители не корят, зажали мою служащую карточку, и в очко сыграть не с кем».

— Все шутите, Фокс,— сурово пробурчал я, в глубине души очень довольный, что он принял мою игру. Беспорочно только, не сорвался бы он с кривича в последний момент.— Теперь текст под диктовку. Вот еще бумага, надпишите ее: Фокс Евгений Петрович.

Он взял бумагу, надписал. А я сказал, показывая ему книжку, взятую под честное слово на два часа:

— Вот из этого учебника я вам буду диктовать разные предложения. А вы записывайте по возможности без ошибок.

— Ну, это еще надо посмотреть, кто из нас с ошибками пишет,— нахально сказал Фокс и приготовился писать.

— Лев Кассиль. С новой строки. «Что это значит—нет биографии? Это все старомодная интеллигентщина, дорогой мой. Не биография делает человека, а человек биографию. С биографией рождаются только наследные принцы»,—продиктовал я.— Готово? Давай дальше, с новой строки... А. С. Пушкин. С новой строки. «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но переменить его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут»...

Фокс старательно скрипел карандашом, время от времени слюня его, и я подумал, что пока он с интересом относится к развлечению, которое я ему предложил, надо печь свои пироги.

— Готово?— спросил я.— Так, прекрасно. Еще одно. С новой строки.— Свирский. Так. С новой строки. «Восточка моя с синего моря-окияна. Здесь сильно штормит, боимся, как бы не потонуть. Боцман наш по болезни уволился, шлю тебе с ним, Анюта, живой привет, будь с ним ласкова, за добрые слова его одень, обуй и накорми. Вечно твой друг». Так, число теперь поставь, распиши.— Я взял обе бумажки, вернулся за свой стол, а Фокс принимал своим немислимо красивым платочком с вензелями по углам вытирать руки. Покончив с этим, он поднял глаза, и, наверное, слишком уж самодовольное у меня было лицо, потому что он вдруг спросил с подозрением:

— Свирский—это что за писатель такой? Я вроде и не слышал...

На что я ему сказал важно:

— Есть, есть такой писатель, очень даже прекрасные романы пишет.

— Современный, что ли?— продолжал сомневаться Фокс.

— Уж куда современной!— засмеялся я и до сих пор не знаю, что за бес меня дернул, или, может быть, от такой нечисти, как Фокс, таиться не хотелось, только разгадал я вторую бумажку, аккуратно сложил ее в том месте, где слова Пушкина кончались и фамилия Свирского значилась, ногтем проутюжил и на глазах у Фокса весь низ оторвал. И лежало теперь передо мной письмо «с синего моря-окияна», адресованное Анюте и лично подписанное Фоксом, даже с числом сегодняшним!

Умный, конечно, мерзавец был Фокс, ничего не скажешь. Все, все сообразил он за одну секундочку, и моргнуть я не успел, как он уже птицей перелетел через кабинет, целясь на мою глотку, а заодно и на письмо злополучное. Да уж это он после драки кулаками надумал махать—принял я его, субчика, прямым встречным в челюсть. Тоже мне—кипяток какой горячий! Лег он поскучать на пол и приподняться не успел, как прибежал на шум конвоир и в два счета наручники, как по инструкции полагаются, на него нацепил. Тогда снова вернулась к Фоксу улыбочка эта его паскуденская, и он мне тихо сказал:

— Не для протокола, Шарапов, а для души мои слова тебе. Хитры вы, конечно, с подходами вашими. Но заточек у нас хватит для вас всех—всегда пожалуйста, наглотаешься досыта. Как давеча, на Цветном бульваре... Будь, Шарапов! И не кашляй!—и уже из коридора, не таясь, крикнул:— Песнику вашему, Сенечке Тузику, персональный привет!

Затихли шаги в коридоре. Я снова прочитал письмо Фокса и от удовольствия его рукой разглядил. Молодец, Шарапов! Вот теперь было о чем Ане звонить! Было о чем с ней разговаривать! Пришедшему Жеглову я показал письмо и предложил:

— Звоним ей через бабку Задехину и назначаем свидание—мол, речь о жизни и смерти Фокса идет! Не может она на такую вещь не клюнуть.

— Не скажи,— покачал головой Жеглов.— Может, у них для такого случая другая предусмотрена связь?

— Да брось ты, Глеб, что они в самом деле—шпионы, что ли?! Нормальные бандиты, уголовники... Странно, что они этот-то телефон обеспечили. По случаю, наверное...

— Ну-ну,— недоверчиво покачал головой Жеглов.— Не отвлекайся.

— Ну, представляюсь я ей уголовником, почему-либо освобожденным из камеры, где подружился с Фоксом. В доказательство даю письмо и поясню, что главное он велел передать банде на словах, ну, чтоб с письмом не засыпаться. Так?

— Так.

— Она приводит меня в банду—благо личность мою из уголовников никто еще не знает, не знает,—и я «по указанию Фокса» назначаю операцию. Подробности мы с тобой потом обсудим, важно по существу решить.

Жеглов расхаживал по кабинету, жевал молча губами, что-то хмыкал—это у него всегда признак глубокой задумчивости. Неожиданно остановившись посередине кабинета, спросил:

— А что с Васей Векшиным было, помнишь?—И по лицу его посережму, по губам, плотно сжатым, я видел, что он не для проформы спрашивает, что он в самом деле за меня переживает.—Я сам бы пошел,—сказал он чуть не со стоном,—да ведь меня они в момент расколот, каждая собака меня в лицо знает...

— О тебе нет речи,—сказал я серьезно.— Не в игрушки играем. Давай решай, Глеб, время дорого! Сейчас момент потеряем—больше не повторится такая возможность...

— Мне что решать,—сказал Жеглов глухо.—Я понимаю: надо идти. Но я не могу, просто не имею права взять это на себя. Ты ведь не знаешь, что творилось после Васи Векшина!—Он подумал еще немного, посмотрел на часы, махнул рукой:—Я к Льву Алексеевичу, жди, Шарапов!

И ушел. А я сидел один в кабинете, представляя себе встречу с Аней, наши разговоры, бандитов и то, как мы их повяжем. Все это сливалось в довольно сумбурную картину, но мне сейчас ясности полной и не требовалось, ведь когда в разведку идешь, тоже не знаешь, как там в деталях сложится. Главное—представлять свою задачу, а решать ее надо по обстановке, на то тебе и голова дана, не только ведь каску носить!

Жеглов вернулся довольно скоро, и по его побранному виду я догадался, что «добро» начальства соображено.

— Разрешил Свирский,—сказал Жеглов.—Он, конечно, поговорит с тобой, даст руководящие указания, но главное сделано. А я тут еще одну деталь надумал: скомандуем в КПЗ, чтобы отобрали у Фокса платочек его знаменитый—он тебе вместо пароля будет, а?—И широко улыбнулся.

— Все, тогда хватит травить,—сказал я деловито.—Время уходит, давай соображать...

— Ну, что? Ждать, пожалуй, больше нечего,—сказал Свирский.—Звони, Шарапов. Послушаем, что нам скажут...

Свирский сидел верхом на стуле прямо перед столом, в углах кабинета маялись Тараскин, Пасюк и Гриша, а Жеглов стоял, подпирая спиной дверь, будто хотел нам показать, что не выйдем мы отсюда, пока дело не сделаем. Я еще раз посмотрел на них, и под ложечкой что-то екнуло и сжалось. Снял я телефонную трубку, и показала она мне ужасно тяжелой, словно это была не эбонитовая пустяковина, а ложе «пэтэрэвки», и горло перехватывало спазмом, как переде командой «Ро-от!»... когда поднимаешь людей из траншеи для первого броска разведки боем.

— Ну-ну, ничего, все будет нормально,—сказал Свирский и улыбнулся. Я почувствовал себя немного увереннее, и диск струснулся с места.

Долго бродили в проводах далекие гудки и шорохи, потом что-то щелкнуло, и старушечий шамкающий голос ответил:

— Але! Су-ушаю!

— Здравствуй, бабка!—быстро, задушливо сказал я.— Ты мне Аню к трубочке подзови...

— А иде я тебе ее возьму? Нету Анюты, нету ее сейчас. Коли надо чего, ты мене скажи, я ей все сообщу, как появятся, конечно...

— Слушай, бабка, меня внимательно. Ты ее где хошь сыщи, скажи ей, что человек от Фокса восточку притаранил. Звонить тебе я более не хочу, ты так и скажи ей—сегодня в четыре часа я буду около памятника Тимирязеву, в конце Тверского бульвара. Росту я среднего, пальто на мне черное будет и кепка серая, ну, газетку еще в руки возьму. В общем, коли захочет, узнает. Письмо у меня для ней имеется. Так и скажи: не придет, искать ее боле не стану, время нет, я приезжий. Ты все поняла, чего сказал?

Бабка судорожно передохнула, медленно ответила:

— Понять—поняла, а делов ваших не разумею. Коли появятся, все скажу.

— Молодец, бабка. Покедова...

Положил трубку и почувствовал, что вся спина у меня мокрая, будто кули мучные на себе таскал. Свирский встал, хлопнул меня по плечу:

— Хорошо говорил, спокойно. Давай в том же духе.—Дошел до двери и, обернувшись, спросил:— Не боишься?

— Как вам сказать... я ведь через линию фронта ходил. Вот там боялся. А эту мразь мне бояться как-то советно...

— Это ты прав,— покачал Свирский головой.— Бандит, правда, опаснее фашиста, потому что носит чужую личину—вон на красавца вашего, на Фокса, взгляни... Так что бояться, наверное, их не надо, а опаску против них иметь—обязательно. Это для дела полезнее...

Жеглов ушел вместе со Свирским, а ребята принесли мне новые регистрационные карточки на всех интересующих нас женщин по имени Аня. Я специально читал не спеша, некоторые карточки перетягивал дважды, внимательно, подолгу разглядывал фотографии, старался запомнить особые приметы.

Анна Шмукова, 23 года, воровка... Анна Махова, самогонщица, 37 лет, отрезана мочка левого уха... Анна Логинова, 31 год, очень высокая, косоглазая, жена бандита Игумнова, расстрелянного за нападение на машину секретаря МГК ВКП(б) тов. Попова...

Продолжение следует.

ШОКОЛАДКА ДЛЯ НАТАШИ

Человек среди людей

Юрий ФЕОФАНОВ

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Среди многочисленных откликов на очерк «Дело о разводе» («Смена» № 6, 1975 г.) меня привлекло своей искренностью небольшое письмо Ирины В. (она назвала свою полную фамилию и адрес, но, думаю, не стоит их разглашать).

Ирина пишет:

«Я люблю женатого человека. У него дочь. Мы знали друг друга еще до его женитьбы. Расстались. Но через некоторое время началась переписка. Наверное, это аморально: писать о своих чувствах женатому (впрочем, как говорят, «неудачно») человеку, так или иначе подогревая его чувства, подводя его к разводу. Правда, он пишет, что рано или поздно разойдется с женой (не будь даже меня), но его пугает возможность еще одной ошибки...»

Да, быт засасывает, это известно. Даже любящие друг друга люди не удерживаются от ссор. Ну, а там, где нелюбовь?! Где каждая мелочь, каждое движение раздражает?! Или вы за смирение?..»

Далее Ирина пишет о себе, о своей работе. И к «жгучей проблеме» больше не возвращается. Так что мы не знаем, как решила она ее для себя. Последний вопрос: «Или вы за смирение?» — на мой взгляд, выдает, сколь не проста для Ирины сложившаяся ситуация. Все ведь правильно рассу-

дила, подвела к тому, что аморально строить свое счастье на обломках чужой семьи, и все-таки... Стоит ли мириться с таким положением, когда нельзя любить? Ведь как сказала одна выдающаяся актриса прошлого века, «где любовь — там нет преступления». Сказала так и... не решилась разбить семью своего друга, великого русского драматурга.

Однако я вовсе не к тому это пишу, чтобы уговаривать Ирину поступать «морально». Жизнь слишком сложная штука, неповторимая для каждой пары людей. И еще неизвестно, что «моральнее» — отступить от любимого, связанного узами семейного очага, или эти узы порвать. В данном случае «моральность» и «аморальность» ни на какой шкале не подсчитаешь. Тут может быть один контролер, по выражению А. И. Герцена, — «собственный инквизитор», собственная совесть.

И тут я могу сказать одно: Ирина В., коль скоро она такое смелое письмо написала, человек, безусловно, порядочный и в своих интимных чувствах в высшей степени щепетильный и ответственный.

Не перед людьми только, не перед общественным мнением ответственный. Перед собой...

Да, не учитывать общественное мнение — «что скажут люди» — нельзя. Через эту черту переступить бывает

очень страшно. Но ведь еще раньше в человеке могут «заговорить» собственные запретные барьеры. И если он их переступает—беда; беда для окружающих, беда для себя. Вот об этом внутреннем барьере и хотелось бы поговорить.

Как-то, когда я выполнял обязанности народного заседателя, милиционер привел в кабинет судьи молодую симпатичную женщину. Звали ее Нина. Судья, тоже женщина, была гораздо старше Нины.

— Я очень вас умоляю... У меня тогда будет все...— сказала вошедшая, и глаза ее наполнились слезами мольбы. Судья оторвалась от папки с протоколами, но Нина не дала ей и слова сказать:

— Я очень вас умоляю... У меня тогда будет все... Фразы были несколько необычно построены, потому и их запомнил именно так, как они звучали.

— О чем вы умоляете?— Судья взглянула в папку и назвала фамилию женщины.

— Мне надо вернуться домой... Вы женщина, наверное, жена... Умоляю... Тогда будет все...

— Что—«все»?

— Муж... Муж сегодня придет... Он в командировке... Как я ему объясню?... Умоляю вас...

— Раньше надо было...—сказала привычные слова судья. И осеклась, глянув в умоляющие глаза женщины.

Она не стала читать ей нотацию. И 10 или 15 суток, которые полагалось бы дать молодой особе, тоже не дала.

— Идите,—брегливо сказала судья,—встречайте мужа. Если сможете встретить, как жена...

Эту молодую женщину, которая так боялась теперь не быть дома к приезду мужа, совершенно пьяную извелили вместе с подругой из ресторана «Интурист». У подруги, как она выразилась, завелись «лишние» деньги, и они решили посидеть в кафе. Но в «Молодежном» было скучно, и подруга предложила:

— Махнем, Нинок, в ресторан.

— Неудобно как-то. Один в ресторан придем, как мужики.

— А чем мы хуже?

Короче, долго уговаривать Нину не пришлось. Муж был в командировке, так почему в самом деле не гулянуть немножко? В «Пенкине» выпили водки. Захмелели.

— Эх, Нинок, давай уж гулять так гулять,—наклонилась к ней на улице подруга и прощептала на ухо такое, от чего Нина вся вспыхнула. Но... пошла в «Интурист». У подружки сразу нашли кавалеров, которые согласились угостить их коктейлем в баре. Опышев окончательно, Нина стала ходить около стойки и за бокал коктейли предлагала «что угодно».

Теперь, когда судья читала протокол, скрупулы, казенными словами передававший ее похождения, Нина горела от стыда, на ее щеках можно было личицу зажать. А прощептанные слова женщины-судьи: «Идите, встречайте мужа... если сможете встретить, как жена»—лишили ее дара речи. Придя в себя, Нина кинулась благодарить судью, но та брезгливо отстранилась: она «закрывала» дело о мелком хулиганстве.

Я было хотел после этого поговорить с Ниной, но не решился: если до нее дошел весь ужас ее поступка, то зачем слова? Если же она утешилась формулой своей подруги «А чем мы хуже?»—слова не помогут. Но сама эта формула «Чем мы хуже?»—заставила еще и еще раз вспомнить письма-отклики читателей на «Дело о разводе».

В некоторых письмах, да и в устных разговорах, мне высказывали такие возражения:

— В принципе вы, конечно, все правильно написали. Но не заявили ли вы некоторым образом консервативную позицию? Не кажется ли вам, что вы проповедовали... как бы это сказать...

— Домострой?—подсказывал я.

— В какой-то мере,—деликатично собеседники.

Ну что ж, вопрос достаточно интересный. Думаю, проповедовать «домострой» в том виде, как его чаще всего понимают, в наше время вряд ли кто решится. Палка и розга как метод воспитания детей, а равно как и средство выражения супружеской любви, пожалуй, безнадежно устарели. Положение мужчины как безоговорочного повелителя в семье тоже ушло в безвозвратное прошлое. Если же в отдельных семьях кое-кто из представителей сильного пола и пытается гальванизировать такого рода домостроевский труд, то из этого ничего хорошего не выходит.

Но знаменитый памятник прошедших веков можно понимать и не в таком заскорузлом смысле. Вдумаемся: «домострой», «устройство дома». То есть устройство семьи. Правила житейские. Опыт жизни. Это-то, как говорится, вневременное. «Домострой», как таковой, скомпрометирован плеткой. Но вообще-то без устройства семьи жить нельзя. Плохо или хорошо, а все семейные дома устриваются или... разваливаются.

«Да,—возражали мне,—но вы, хотели того или нет, утверждали: каждый сверчок знай свой шесток. Говорили, что мужчина—это мужчина, а женщина—это женщина...»

Буквально так сказала мне одна оппонентка. Я пожал плечами и подтвердил, что действительно так говорил. И что думаю так до сих пор, чем расписался, по-моему, в ее глазах в своем абсолютном консерватизме.

И вот сейчас, возвращаясь к истории с Ниной, и споря с моими оппонентами, хочу задать им один вопрос. Да, равноправие. Да, в ресторан теперь женщина может пойти одна, без мужчин. Да, эмансипация. Да, долой «домострой». Но скажите: есть разница, когда, шатаясь, дыша перегаром, из ресторана вываливается мужчина и когда в таком же точно виде появляется миллионная молодая современница?

Понимаю, что женщинам отпозд не нужны комплименты типа «прекрасный пол», «лучшая половина», коль скоро этим комплиментом кое-где еще сошествует униженное человеческого достоинства, домашнее рабство и т. д. Но если отбросить негативные стороны, то ведь останется глубокое уважение к женщине, истинное преклонение перед ее красотой и ее миссией в жизни. И, конечно, всегда останется требовательность. Требовательность к тому началу, которое дает саму жизнь.

В качестве народного заседателя я участвовал в рассмотрении дела о лишении родительских прав Аллы Г. Ее сын

Игорь, четырех лет, воспитывается у бабушки, Аллиной свекрови. С мужем она разошлась, и тот уехал неизвестно куда, даже мать его адреса не знает. Пока жила Алла со своей матерью, все вроде было хорошо. Но мать умерла, и Алла пустилась, как говорит, во все тяжкие.

Лишить родительских прав мать—сами понимаете, что это значит. Это противно самой природе, жестоко до крайности. Убежден я, однако, и в другом: не судьи лишали Аллу Г. родительских прав. Она сама, мать, отторгла от себя ребенка, сложила с себя звание матери. Судьи лишь вынуждены были констатировать этот трагический факт, равно как были вынуждены позаботиться о судьбе четырехлетнего человека.

На суде выступала старший инспектор по детской работе отделения милиции тов. Капникова. Не стану пересказывать ее гневную речь, все безобразные факты, которые она привела. Поразила одна фраза. Женщина в милицмейской форме, сама чуть не плача, сказала:

— Когда на комиссиях мы решили, что Аллу необходимо лишить родительских прав, она хотя бы заплакала!

Не дрогнула Алла и тогда, когда две пожилые женщины, свидетельницы, пытались пробудить в ней инстинкты, присутствие каждой женщине-матери.

— Он же маленький,—говорили они об Игоре,—ему же мамой кого-то называть надо.

А потом Алла отвечала на вопросы судей:

— То, что говорили о нашем образе жизни, о пьянстве, о ваших дружках,—правда?

— А может, и с горю пью...

— Какое же горе?

— Денег нет, жить не на что.

— Как и все люди, вы должны работать, ведь вы здоровы и вам всего двадцать четыре года...

— Ну и что? Уже покатила, теперь не остановишь.

— А сын?

— Что сын? Я им не занималась.

— Значит, решение комиссии вы считаете правильным?

— Я согласна на лишение меня родительских прав.

Признаюсь, мне стало не по себе. Я подумал о четырехлетнем мальчике, которому некому будет сказать слово «мама». Подумал и о самой Алле. Не верилось, что все могло происходить так, как говорилось на суде. И вообще не верилось в реальность происходящего. Откуда-то должно же было вачаться это безразличие ко всему на свете. И я спросил:

— А себя, Алла, вам никогда не жалко?

Она посмотрела на меня, стала судорожно комкать платочек, всхлипать.

— У меня... уже ничего нет... даже чувства к сыну умерли...

Я попытался вызвать ее на откровенность, думая, что в жизни молодой женщины что-то произошло, какой-то был глобальный (в масштабе человеческой личности) катаклизм, потрясение, трагедия. Расспрашивал соседней, знавшей Аллу с пеленок, знакомых. Увы, я не нашел того, что искал. «Все у нее нормально было, дружки да водка—одна причина».

Диагноз ее падения, увы, был столь же прост, сколь истинен. Впрочем, если говорить строго, изначальные причины трагедии—даже не водка как таковая, не веселье «дружки», водку и «дружки» допускает в свой мир человек, который внутри себя снял защитные перегородки, ликвидировал того самого «собственного инквизитора». Водкой смывается, растревается, разъедается то, что сам субъект позволяет с собой делать. Короче говоря, я веду речь о личной ответственности за все, что человек делает, что с ним делается, за то, как его поведение влияет на других. Хочу подчеркнуть: речь идет именно о глубокой внутренней ответственности.

Н. А. Добролюбов писал: «Не того можно назвать человеком истинно нравственным, кто только терпит над собой велеие долга, как какое-то тяжелое иго, как «нравственные вериги», а именно того, кто заботится слить требование долга с потребностями внутреннего существа своего, кто старается переработать их в свою плоть и кровь внутренним процессом самосознания и саморазвития так, чтобы они не только сделались инстинктивно необходимыми, но и доставляли внутреннее наслаждение».

Несколько сложновато, если иметь в виду случаи, о которых мы вели речь? Пожалуй, хоть мы и рассматривали, так сказать, печальные итоги отклонений от нормы. Но вернемся к письму Ирины В., которая, судя по ее словам, имеет полную возможность построить «свое счастье», уверена, что даст счастье другому человеку, и все же полна сомнений. Над ней вроде бы и нет вериг нравственного долга—она свободна, но несчастлив, однако не чувствует Ирина полной нравственной гармонии, которая одна лишь способна дать счастье. Препарирует, как видите, собственную душу. И, думаю, не без пользы. Потому что, анализируя, к примеру, поведение Нины К. и Аллы Г., мы обязательно придем к одному выводу: им-то подобное «самокопание» было чуждо, иначе не дошли бы они до полной потери элементарных человеческих качеств. Ведь именно так и бывает: где-то когда-то человек преступил черту, и с этого начались его беды. Той черты он уже не видит, и ему кажется, будто не он сам, а внешние, чуть ли не фатальные обстоятельства во всем виноваты.

Мне пришлось беседовать с одной девушкой, все несчастия которой, по ее словам, начались с того, что над ней грубо надругались. Из-за этого она рассталась со своим парнем, мать на нее стала смотреть косо, почти ненавидеть, с работы пришлось уйти. Словом, хоть руки на себя накладывай.

— Мне двадцать, а жизнь сломана. Этих двух паразитов и бы своими руками задушила, да они сидят,—так сказала мне Аня.

Понятно, судья Аня может вызвать только сочувствие. И еще величайший гнев против дух подонков, растоптавших, как бы прежде сказали, цветок. Мне неудобно было расспрашивать Аню о подробностях, потому и познакомилась с уголовным делом тех двух.

Вот скучные анкетные данные Ани: окончила среднюю школу, начала работать. Растила ее мать. С другим своим Валерой мечтали о будущей жизни. И вдруг...

Заявление Ани: «Прошу привлечь (называются фами-

лии двоих), которые воспользовались моим беспомощным состоянием, отвезли на частную квартиру и там...»

Кроме негодования, при чтении этого заявления возникают и некоторые вопросы: почему «беспомощное состояние»? Каким образом «отвезли»? Под угрозой оружия, что ли? Усыпили чем-то?

Все оказалось проще и знакомее.

12 октября Аня с женихом Валерой решила отметить в ресторане свой день рождения.

Шампанским не ограничились. Шампанское—это старомодно.

— Виски подайте,—стукнула кулачком по столу охмелевшая даже от шампанского новорожденная,—и сегодня в самостоятельную жизнь вступаю.

— Виски, милая, не держим,—сказала официантка,—виски в Америке. Водочки—пожалуйста.

В самостоятельную жизнь вступила Аня адренезги пьяной. И ее спутника так развело, что он потерял невесту и свалился прямо в ресторан. И Аня свалилась. Только женку «повезло»—его в выгрезитель доставили. А невесту подобрали двое парней. И отвезли на частную квартиру...

«Мы танцевали, веселились,—объясняет Аня все происшедшее в заявлении,—а как вышла из ресторана, я уже не помню. Очнулась ночью на диване в какой-то квартире. Сразу спросила: «Где Валера?»—а в ответ услышала грязные слова одного из этих типов... Куда я пошла—страшно было подумать. Тут я поняла, что со мной сделали, а как и что—показать не могу. Я ушла домой, те двое уговаривали меня остаться, но я была в ужасе и отчаянии. Прошу привлечь их к самой строгой уголовной ответственности».

Конечно, те двое заслужили самое строгое наказание: их и посадили на много лет каждого. Потому что совершили они мерзкое преступление—тут спору нет. Их юридическая вина была доказана.

Подчеркиваю, юридическая. А значительная вина чья?

Чтобы для себя ответить на этот вопрос, я просмотрел много уголовных дел, связанных с подобного рода преступлениями. Дело, приговоры по которым вступили в законную силу. И, признаюсь, мне редко попадались случаи, когда бы преступление было совершено, так сказать, в «чистом виде». Я имею в виду ситуацию, при которой девушка или женщина ни на йоту не виновата: к примеру, шла из библиотеки, обдавая всех парней холодными взглядами, и вдруг, как обвал, на нее обрушивается поток грязи и... Еще раз повторю: с точки зрения уголовного кодекса вина мужчин во всех тех делах не вызвала никаких сомнений. Потому что легкомысленна девушка или строга, шла из ресторана или из библиотеки, кокетничала с парнями или вовсе их не замечала,—это еще никому не дает права покушаться на честь женщины.

Но речь у нас идет о вине, неподдающейся юридическим законам, то есть вине моральной, которую люди устанавливают исходя из векового опыта. И тут, если девушка была легкомысленна, шла водку и сама давала повод к хамскому обращению, тем зачастую падая на жертву. Ибо легкомысленные девушки, которые ищут «острых ощущений», проводят вечера в пьяных компаниях, тем самым не только компрометируют своих порядочных сестер, а и, волюн или неволюн, внушают юным мышам, что «церемониться нечего», что «все так».

Суд их вкалывать за легкомыслие не вправе. Больше того, суд будет защищать их честь, коей они сами так мало дорожат.

Читаю очередное заявление потерпевшей из небольшого волжского города:

«22 марта 1974 года примерно в 16.00 и со своей 8-летней дочерью Наташей шла по Краснопроектарской улице к своей матери. Встретила Андрея Бумалетдинова, которого знала, но знакома с ним не была. Андрей был здоровым пьяным и предложил пойти к нему домой еще выпить. Я засмеялась, сказав, что хватит ему, и отказалась идти. Но тут подъехал на машине приятель Андрея, тоже выпивший. Они уговорили меня поехать к Андрею. Мы с Наташей сели в машину. Когда зашли в квартиру, я увидела Анохину, соседку Андрея и мою знакомую. Я попросила, чтобы Наташа побыла у нее. В комнате Андрея была бутылка вина, и мы ее втроем выпили. Захотели выпить еще. Скинулись по 2 рубля. Но я сказала, чтобы из этих денег обязательство купили шоколадку для Наташи. Приятель Бумалетдинова сбегал за водкой. Шоколадку для Наташи он купил. Я проверила. Потом мы выпили эту бутылку. Когда я хотела уже выходить, то дверь оказалась запертой. Я потребовала открыть. А они...»

Прошу привлечь Бумалетдинова А. и его знакомого к строгой уголовной ответственности.

Не знаю, на кого какое впечатление произведут эти строки, но кажется мне, что женщины—дай им это дело на вольный суд—прежде всего осудили бы Наташину мать. Хотя по делу она и проходит в качестве потерпевшей.

Не знаю также, насколько утешилась шоколадкой Наташа, сидя в комнате у незнакомого тети, и что она думала по поводу своей мамы... Вполне возможно, и утешилась—дети быстро переключаются на хорошее. Скорее всего, восьмилетняя Наташа не поняла, что сделала с ее мамой. Но уверяю: пьяная мама, запертая в соседней комнате с пьяными дядями,—это бесследно не проходит для восьмилетнего ребенка. Просто мы не всегда узнаем, что дети о нас думают...

Время наше внесло столько нового в жизнь и столько вносит ежедневно, что успевай только подсчитывать. Применительно к сфере семейной, к сфере, если можно так сказать, семейного счастья, Советское государство осуществило такие экономические и социальные мероприятия, которых не знает ни одно общество.

Было бы, однако, наивно думать, что государство в силах построить конкретное счастье для каждого. Это дело только двоих. Не сумели, растоптали, осквернили—и вина только их, строительшей своей личной жизни. А здесь уж ни на кого не сошлешься (хоть это и тишится делать некоторые), ни на кого не свалишь. От собственного непотребства шоколадкой не откупиться. Ложный шаг в сторону от нравственного пути исправит труднее, чем выстроить створенное домостроение.

ЗАВОДСКОЕ РАДИО

Уто вы! — засмеялась Надя. — Какой спортзал? Пряхи мы. Прядильщицы. Вы в цехе-то бывали, нет? Как Фигаро, туда-сюда... Только успевай. Вот за ребят болелеть — это пожалуйста. А мы текстильщицы. Комбинат — это мы.

В Ногинск «пряхи» Надя, Валя и Люба приехали из «района», как говорят они. Деревни Нади и Вали (Люба — из рабочего поселка) здешние, ногинские, на субботу и воскресенье девчата уезжают домой. Приехали они в Ногинск четыре года назад, чуть ли не в один и тот же день («Точно, — вспоминает Надя, — заявления подавали в ПТУ, познакомились там»), и с того дня теперь всегда и везде вместе (Надя: «Три сестры»). Занимались в одной группе, распределились на одну фабрику, в один цех. Дело пошло сразу («А это не у всех, знаете!»), потому что вместе. Вместе на работе, вместе в «общаге», вместе в кино... «Даже на свидания вместе», — с озорной откровенностью говорит Надя. Она вообще разговорчивее других «сестер», бойчее. «А что, про меня так и говорили: Надя — свой парень. Я Оку запросто три раза туда и обратно — пулей. В волейбол! Подану такую закручу — попробуй прими!»

— Так это же здорово, — сказал я, — надо в команду, за комбинат...

— Что вы, — снисходительно засмеялась Надя. — Какая работа команда? Это было. Мы же текстильщицы. Пряхи. Основное производство. Вот ребята — те да, тем можно заниматься.

— ...Можно было бы, — смутился Алексей. — Даже надо б. Работаю слесарем. Да какая разница, кем ты работаешь. Рабочий день для всех один, восемь часиков. И дело у каждого свое. Прядильщицы, крутильщицы... Мы — слесари ли, механики — тоже не загораем. Ерунда это. Можно было б. В школе ведь и на лыжах бежал и в футбол. А пришел на комбинат, и как-то... Он пожал плечами, растерянно улыбувшись. — Не сдвинулся, что ли, с мертвой точки?

Да, не с такими надеждами я ехал в Ногинск, в город на Клязьме, не то чтобы древний, но все-таки с историей. В город рабочий, со своей «заводской стороной» — Глуховом, известным, пожалуй, больше, чем собственно Ногинск, — Глуховский хлопчатобумажный комбинат знают все. В город спортивный, ведь здесь родились и выросли Григорий Федотов, пятикратный чемпион мира по хоккею с мячом Юрий Шорин, призер токийской Олимпиады боксер Станислав Сорokin... Однажды в году, рассказывают, Ногинск от мала до велика «сходит с ума». Случается это обычно в погожий воскресный день, в конце августа — начале сентября. Обладатель Кубка имени Григория Федотова — главного спортивного приза Ногинска — встречается на местном поле с ЦСКА, родным клубом Григория Ивановича. В прошлом году столичные армейцы принимали футболисты Глуховского ХБК. Игра, красивая и трудная, запомнилась. Глуховцы «одержали» ничью — 1:1.

— Это верно, — удовлетворенно сказал Анатолий Пантелевич Ремизов, председатель городского спорткомитета. — Город у нас с прочной спортивной традицией. Федотов, Шорин, Сорokin... Можно продолжить: Наташа Матвеева, бегунья, наша, ногинская, чемпион страны среди юниоров, в этом году стала победительницей Спартакиады народов РСФСР в беге на 200 метров. Ульянов Владимир, конькобежец, выиграл прошлогодний чемпионат РСФСР, в этом году — призер ЦС «Труд». Юрий Гордеев, штангист, чемпион Московской области... Это уже сегодняшняя, с выходом в будущее слава. Их путь в спорт? Низовой коллектив, нормы ГТО. Потом секция в спортклубе. Тренировки, соревнования... Ну, а там, как говорится, ты сам кузнец своего спортивного счастья. Так что путь известный, проторенный. Матвеева, правда, шагнул в большой спорт прямо со школьной скамьи. А все остальные — рабочие. Фабричные парни и девчата. Ульянов, например, слесарь с ситцепечатной фабрики Глуховского комбината. Барбожин, Руднов, Кудряшов, Трифонов — велосипедисты, успешно выступили в первенстве СССР, выполнили норму мастера спорта, — тоже работники комбината...

Ногинск сегодняшний, как и во времена спортивной юности Григория Федотова, держит марку одного из центров рабочего спорта. Это бесспорно. Ответственные соревнования, призы, имена... Все это есть. Но как же «пряхи» — Надя, Валя, Люба? Слесарь Алексей?

Рабочий Ногинск — это прежде всего и главным образом Глуховский хлопчатобумажный комбинат.

Олег СОЛНЦЕВ,
специальный корреспондент «Смены».

8. СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ ЭНТУЗИАСТЫ

— Молодых рабочих? Шесть с лишним тысяч, — сообщили мне в отделе кадров.

— Сколько из них занимается физкультурой и спортом? — удивился в комитете комсомола. — Трудно сказать... Вам надо вот что: вам надо пойти в спортклуб «Знамя» к Виктору Ивановичу Заикину. Он хоть и недавно стал председателем правления, но совершенно в курсе дел.

— В курсе дел... — усмехнулся Виктор Иванович. — Нет ее, отдельной статистики по комбинатовской молодежи... Что ж, давайте поднимем бумаги, почитаем. Всего на комбинате действительно шесть тысяч юношей и девушек. Спортом занимаются 4052 человека. Всего по спортклубу. Но нужно вычтеть восемьсот одного человека. Это школьники, дети и юниоры из двух наших спортшкол. В остатке — три тысячи двести пятьдесят один человек. Стало быть, половина...

Итак, половина от общего числа молодых рабочих комбината предпочитает не «болеть», а сражаться — на зеленом поле, на гаревой дорожке, на помосте. А другая половина — Надя, Валя, Алексей и его товарищи? Много это или мало — половина? Ведь это означает: каждый второй. Каждый второй — спортсмен, но и каждый второй в стороне от спорта, или, выражаясь словами Алексея, «не сдвинулся с мертвой точки».

Ответ мог быть найден только в сравнении. И тогда я сел в электричку и уехал в точно такой же город на Клязьме, не то чтобы древний, но с историей. Город рабочий, со своей «заводской стороной», с известным всей стране хлопчатобумажным комбинатом. Город спортивный — Орехово-Зуево, как и Ногинск, держит марку одного из центров рабочего спорта. Одинаковы, если можно так сказать, города, тождественны комбинаты — и тот и другой «ХБ», и тот и другой представляют собой комплекс фабрик, разбросанных в черте города, на том и другом предприятии трудится около двадцати тысяч рабочих и более шести тысяч из них — молодежь. При том и другом комбинате свой спортклуб: на Глуховском комбинате — «Знамя», а на Орехово-Зуевском — «Знамя труда»...

Борису Алексеевичу Гусеву, председателю правления СК «Знамя труда», тоже пришлось поднять бумаги («А зачем полагаться на память? Вдруг подведет?»), подсчитать.

— Всего на комбинате, верно, шесть с чем-то тысяч молодых рабочих. Спортом занимается 5135 человек. Но из них 430 — дети, юниоры. Итого: четыре тысячи пятьсот человек. Сколько это будет процентов? Около восьмидесяти. Так оно и есть в натуре, в жизни то есть. Впрочем, что я вам говорю! — рассмеялся Гусев. — Можно подумать, что убедил! Бумаги — это бумаги. Не торопитесь? Тогда так: побудьте здесь в спортклубе, понаблюдайте, кто идет к нам, сколько их, какие они. Присмотритесь. Поговорите. Потом пойдем в секцию, на тренировки. Утреннюю, вечернюю. Комбинат — на трехсменной работе, так что и мы — в две смены...

Я последовал совету Бориса Алексеевича, задержался в спортклубе, присматривался, спрашивал, слушал, приходил на тренировки. Потом попопозал с Гусевым, с ребятами,

ставшими теперь моими добрыми знакомыми, пришел на вокзал, дождался электрички и вернулся в Ногинск...

Я не сразу пришел в спортклуб, к Виктору Ивановичу Заикину, первая же встреча с которым как-то исподволь возглавил клуб. Только любя спорт, можно поднять (а может, точнее, «улучшить») работу в глуховском «Знамени». Виктор Иванович, чувствовалось, спорт любит. Только твердой рукой наводится полный порядок в любом деле, и в этом качестве Виктору Ивановичу нельзя было, видимо, отказать. Только трезвое, открытое отношение к положению дел ведет к действительно успеху — Виктор Иванович недостатки не замалчивал. И мне хотелось прийти к нему, поделиться с ним (в первую очередь с ним) орехово-зуевскими впечатлениями. Но я пошел к нему не сразу, первой дверью, в которую я постучался, была дверь комитета комсомола Глуховского комбината...

— Ну, а что с ними делать?! — Голос Надежды Рыбаковой, секретаря комитета, звонил от волнения. — Не идут. Не хотят идти. Мы и так пробовали и сж. Уговаривали. Прорабатывали... А результат один. Кто любит спорт, те идут и без особого приглашения. А кто не любит...

Надежда Рыбакова и ее заместитель Евгений Ключкин показывают мне протоколы комсомольских собраний, заседаний бюро, «рапортчики» секретарей первичных комсомольских организаций... Работа налицо: «слушали», «постановили», «проведено», «охвачено»...

Я вчитываюсь в эти бумаги, стараюсь вчитаться, но в голове почему-то вертятся недавние разговоры в Орехово-Зуево... Впрочем, вспоминается и Ногинск: Алексей, неплохой лыжник в школьные годы, «пряхи» — Надя, Валя, Люба, — симпатичные девчата, двадцати трех лет, с завидной энергией юных! «Пластинку купили (это Надя), старое танго: «Скажите, почему?». Мирная пластинка, да?». «Какой там спортзал!» — это тоже Надя.

Не идут, значит. Почему?

— Специфика! — сказал он убежденно. — Комбинат работает по скользящему графику. То в утро ребятам выходить, то в вечер. А два-три раза в месяц — и в ночь. А после ночной то какво спортом заниматься! Ну, парень — ладно, это еще туда-сюда. Большинство же у нас на основных профессиях — девушки. Спортивная подготовка — никакая. Приехали, устроились в общежитии, пообвыкли — и куда? В кино, на танцы. Мы, тренеры, инструкторы физкультуры, — разве мы гоним кого? Наоборот, мы говорим: пожалуйста, приходите! И говорим и объявления вывешиваем. А толк? Если парень или девушка с детства, со школьной скамьи, к спорту не приучены — пиши пропало. Походит-походит на тренировки — и бросит. В общем, против нас комбинатовский график, «слабый пол» и отсутствие начальной физической подготовки.

Надя и Вера Щекныны — сестры. Близняшки. Давно уже живут они в Орехово-Зуево, но недавно, приехали из Архангельска, решив стать текстильщицами. Живут в общежитии. Здесь, в Орехове, закончили ПТУ и вечернюю школу, теперь работают прядильщицами-крутильщицами. В одном цехе. И профессию спортивную тоже выбрали одну, — конечно, лыжи, что же еще выберут серьезно? Летом тренировки три раза в неделю, зимой — четыре. Нелегко, что и говорить. А как с кино, с ювгами? Обязательно, ну как же в наше время без кино и книг, без музыки, даже без танцев! Когда же все это, когда? Ведь трехсменная работа, прядильный цех. «Фигаро здесь — Фигаро там?»

— Пришлось распланировать свой день, — говорит Надя. — Строго-настроено. Чтобы из каждой минутки выжать максимум эффекта и пользы...

— Щекныной метод! — прокомментировал Борис Алексеевич Гусев.

Но я был бы в большом долгу и перед сестрами Щекныными и еще перед одним человеком, о котором речь впереди, если бы не сказал о том, как же, собственно, пришли в большой спорт Надя и Вера. Потому что это очень важно. Не пришли они, если говорить строго. Привели их! Привела такая же «девушка с комбината», а кроме того, классная велогонщица Настя Бутченко. И не просто привела, а присматривала — не бросили бы, «не сошли», как говорят спортсмены. Теперь уж, конечно, беспокоиться нечего: у обеих первый разряд, «свободная лыжня»!

16-летняя прядильщица Нелли Осипова не знает Настю Бутченко. Настя уже на тренерской работе, а Нелли только-только пришла на комбинат. И одновременно — в

лыжную секцию. Привели ее туда сестры Щекнины. Нелли не единственная «протее» Щекниных: еще семерых девушек приобщили они к спорту. «Щекнинский метод», значит... В чем же его суть в данном случае? «Дружеский подход, терпение и личный пример», — коротко объяснил Гусев.

Высокий, прямой человек, с тяжелыми руками, с широким шагом (я едва поспевал за ним, шли не по асфальту — по лесу, в час его прогулки), энергичный, молодой для своих восьмидесяти лет Иван Сергеевич Полозов. Он помнит, как Гриша сбегал однажды с урока на футбол, и потом они вместе ходили к «химичке» просить прощения. Он помнит глуховский стадион 1925 года — в день открытия. Опочный, сработанный из небольших, тщательно подогнанных, запрессованных в грунт камней. Он помнит Гришины голы, «исполненные» на этом стадионе. Но и он, Гриша, Григорий Федотов, не забыл свою первую в жизни сборную — школьную, помянул добрым словом в своей книге первого тренера — учителя физкультуры Ивана Сергеевича Полозова.

— Спортивная работа! — хмурится Иван Сергеевич. — Какая в те времена была спортивная работа? А вот спортивный дух был. Старый чулок набили соломой, два кирпича — на ворота. А рублились, как львы!.. Человек не идет в спорт. Значит, спорт должен идти к человеку. Поле, площадку — ко двору, к дому. Чтобы тот, кто не может отдать спорту часы, отдал бы ему час! Сегодня, конечно, мячи из старого чулка ни к чему. Достаточно кожаных. Только бы не пылились на складах... Люди спорта. Все ли из нас несут спорт к тем, кто «вне игры»? Не предпочитаем ли мы свой круг? Какой же я тогда спортсмен, если спорт мой вместе со мной однажды взял да и вышел на пенсию?!

Нести спорт... Что же можно добавить к этому? Разве что спросить, кто, какой спортсмен взялся бы за такое дело, и хлопотное и отрывающее от своих занятий, тренировок?

Есть такой человек. Вот уже десять лет, как занят он этим делом. Он настолько известен в Ногинске, что я нашел его, не зная адреса. Просто по имени: Виктор Богданов.

Я застал его в каморке, отведенной жэкком под «спортивную комнату». Стены завешены вымпелами, грамотами, стол завален бумагами: Виктор только что привез свою команду с соревнований. «Младшенькие», — называет он их. Мальчишки 1963/64 года рождения. Играли на приз «Кожаный мяч». Стали чемпионами Московской области.

Сам Виктор лет восемь занимался вольной борьбой. Работал на Глуховском комбинате. На тренировки ездил в Электросталь: в Ногинске такой секции не было. Потом увлекся тренерской работой. Организовал секцию борьбы. Приглашали соседи и вообще все желающие. Помещения не было. Занимались только летом — в лесу. Потом Виктор переключился на ребяташек. Почему? «Вику», — говорит, — шатаются ребята без дела, стекла бьет. Бросил клич: кто любит футбол — ко мне!.. И вот уже десять лет занимается он с ребяташками. Бесплатно. Без отрыва от производства. Десять команд под его началом. Шесть детских футбольных команд. Плюс одна взрослая и три юношеские. Общим счетом — 350—400 человек. Верно, у него есть помощник. «По орчачи». Он же «второй тренер». Игорь Комаров, 14 лет, «Санчо Панса» Виктора Владимировича...

Вот они-то, Виктор Владимирович Богданов и Игорь Комаров, и возили команду добывать приз «Кожаного мяча». Кстати с ними же (впервые) ездил и представлял комитету комсомола Глуховского комбината, зам. секретаря Евгений Ключкин.

— Просто удивительно, — рассказывает он, — до чего ребята любят Богданова! Я уж не говорю про своих. Чужие, из других команд! Не успели и двух дней прожить в гостинице, а они уже чуть что — к нему бегут. Не к своему тренеру — к Богданову! Да, талант...

— Вот это наш эллинг, — сказал Виктор Иванович, — но я вас туда не пуцую. Не рискну. Все прогнило. Опоры ветхие, крыша ненадежна. Такова она, спортивная жизнь наших ребят, — добавил он невесело, и мы постояли молча у большого старого сарая, именуемого эллингом, поскольку здесь хранятся байдарки, оставшиеся героини-былых регат. Мы обходили с Виктором Ивановичем владения спортклуба «Знамя».

— Конечно, начало начал и основа основ — люди, — говорит Виктор Иванович. — Люди, преданные спорту, а значит, работающие на спорт. Но согласитесь, что на спорт работают — или не работают! — и вот это хозяйство: стадион, спортзал, инвентарь. Есть где провести тренировку, есть чем, так сказать, ее провести, не придется, как в негодных шахматах, заменять пешку шашкой, — значит, и дело пойдет лучше! Спортсмен в спортзале, на стадионе должен чувствовать себя как дома.

Хозяйство спортклуба «Знамя» — это, в сущности, целый комплекс. Большой стадион (10 тысяч зрителей) с велотреком. Примыкающий к стадиону парк. Прекрасный, живописный Чернооголовский пруд... Думаю, не ошибусь, если скажу, что Виктор Иванович показывал мне свои владения со смешанным чувством гордости и стыда.

Мы пришли на стадион. Тот самый, на котором в прошлом году комбинатовские футболисты сыграли с ЦСКА вничью... Цвели одуванчики. Над трибунами торчал чертополох. Над, потому что под трибунами ему уже было тесно, и он, благо трибуны давно не ремонтировались, нашел щели, рванулся к солнцу... Легкоатлетические дорожки залупены. Полотно велотрека — тоже. Последние пятнадцать лет здесь в основном «замазывают» швы между плитками, капитального ремонта не было. В год здесь проводят до семи крупных соревнований с участием сильнейших велогонщиков страны. Думаю, что сильнейшие велогонщики не в восторге от гостеприимства хозяев. Кто же хозяин? Непосредственно и формально — спортклуб. Но по сути дела — комбинат, прославленный Глуховский ХБК.

Б. А. Гусев, председатель правления орехово-зубовского спортклуба «Знамя труда», тоже показывал мне свои владения. Без стыда. С гордостью. Футбольное поле — зеленый ковер. Трибуны — словно только что сделаны («Недавно закончили капремонт», — подтвердил Гусев). И только в одно «владение» не повел меня Борис Алексеевич — в плавательный бассейн «Нептун». Потому что там шел ремонт, и не стоило мешать рабочим... Футбольное поле да бассейн — вот и все богатство «Знамени труда». Расположены они в

неудобном месте, недалеко от железной дороги. Но люди идут сюда, едут с другого конца города, даже из района, — плавать, учиться плавать. Занимаются здесь плаванием свыше 500 человек... В «Нептуне» вода привозная. А у глуховцев свой, под боком, пруд. Но принимать здесь нормативы ГТО по плаванию нельзя. Потому что это все-таки пруд, открытый водоем, а не спортивный бассейн. Председатель Ногинского городского спорткомитета А. П. Ремизов рассказывал мне, что два года назад местная газета опубликовала письмо ветеранов спорта с призывом ускорить строительство бассейна. Формально оно ведется уже семь лет. А практически... и не начиналось. Рядом с текстом письма были помещены две фотографии: Чернооголовский пруд в его нынешнем виде и открытый плавательный бассейн с 10-метровой вышкой, тумбами, «лягушатником», трибунами для зрителей. Этим бассейном и был... Чернооголовский пруд! До войны. А. И. Коробов, директор комплексной ДСЦ при спортклубе «Знамя», старожил здешних мест, поведал, что в прежние времена со всего района приезжала сюда молодежь. «Хвост» у лодочной станции выстраивался задолго до открытия. Тогда станция располагала 30—40 лодками, а ныне в эллинге валяется десятка полтора, пока что избежавших тлена...

Так в чем же дело? В мастерах? Это в заводском-то районе — в мастерах? Может быть, в средствах? Виктор Иванович Зайкин утверждает, что спортклуб — предприятие рентабельное. Спортсмены со всего Подмосковья приезают сюда на сборы. Доходы идут за счет арендной платы за трек, акваторию Чернооголовского пруда, за пользование спортивными площадками, проживание гостей в подтрибунных помещениях... В общем, есть доходы. Но отдача от них пока незначительная...

Орехово-Зубовский и Глуховский спортклубы соревнуются между собой. Соревнуются не первый год. И не первый год «Знамя труда» побеждает в этом соревновании «Знамя». Может быть, на это есть особые причины? Разгадав их, мы, может быть, снимем если не все, то хотя бы некоторые «почему».

Спортклуб... Да в самом этом слове, кажется, уже вся загадка! Спорт и клуб. Не громкий, «звездный», а широкий, мощный рабочий спорт. И клуб, потому что это один из полноправных фронтов культуры — физическая культура. Клуб и потому еще, что старый, чуть-чуть романтический смысл этого слова — собрание спящих обшм интересом!.. (Кстати, не всякий производственный коллектив физкультуры может именоваться спортклубом. Это почетное звание присваивается лучшим, тем, кто на деле осуществляет главный лозунг советского спорта: от массовости к мастерству!) И, мне кажется, в Орехово-Зубове это поняли. Там сложился сильный, стабильный коллектив инструкторов физкультуры, методистов производственной гимнастики, общественных тренеров. Почти все они комсомольцы, что позволяет комитету ВЛКСМ Орехово-Зубовского комбината держать на контроле спортивную жизнь предприятия.

Комитет комсомола Глуховского комбината, судя по всему, тоже работает неплохо. Там много и успешно занимаются вопросами производства, трудовой дисциплины, учебной молодежи. Но вот что удивительно: нет ни одного материала о положении дел на стадионе и других спортивных сооружениях. Отчего же «Комсомольский прожектор» не светит в ту сторону? «И так все видят и все знают...» — удивился вопросу в комитете. Но разве «Комсомольский прожектор» только «свет»? Нет, это еще и звук! «Все видят, все знают» — и все молчат? Тогда «Прожектор» должен превратиться в барабан, забить тревогу! В том же Ногинске я побывал на заводе топливной аппаратуры, втором по величине предприятии города. И там в комитете комсомола мне показали не только материалы комсомольских рейдов, но и ответы администрации: «Критика признана правильной, недостатки на стадионе устранены...» Вот это настоящая комсомольская работа!

Но не только к комитету комсомола, правлению спортклуба, администрации Глуховского комбината адресованы наши претензии. Может быть, в первую очередь их нужно предъявить самой молодежи. Вспомним: во времена молодости И. С. Полозова ребята гоняли тряпичный мяч. Юрий Шорин начинал свой трудовой путь на Глуховском комбинате. Там же начался и его спортивный путь. Ни тренера, ни секции хоккея с мячом не было. А хоккеисты были! Играли все тем же тряпичным мячом... Так что личный, «субъективный» энтузиазм всегда, во все времена был выше «объективных трудностей». А вот энтузиазма-то, по мнению Полозова, Шорина (я встретился с прославленным хоккеистом), Богданова и других не хватает глуховской молодежи. Ветераны, пожалуй, правы. Наполовину. Ведь при всем при том на Глуховском комбинате половина молодых рабочих занимается спортом.

Так все же много это или мало — половина? Круг вопросов, возникший в глуховском «Знамени», размокнул в «Знамени труда». Каждый второй — мало! Но и три четверти не предел. Всесоюзный физкультурный комплекс не случайно назван: «Готов к труду и обороне СССР». «Готов» — этим словом многое сказано. Пусть ты очень хорошо работаешь, но если готовность твоя неполная, значит, у тебя долг перед всем нашим обществом, и вернуть его — твоя святая обязанность.

Однажды и навсегда открывается человеку огромный мир спорта. Победа, вырванная в упорной борьбе, покоренный, поднятый над головой металл, финиш, взятый последним рывком... Мгновения удачи, триумфа. Как они прекрасны и как редки! И главное, конечно же, не в них. В тренировках, в долгом, трудном пути к этим мгновениям. А ты человек рабочий. Когда ты, сдав смену, шагаешь к проходной, на улице почти вечер. А тебе, к примеру, двадцать. «Много в жизни нашей есть такого, без чего, мой друг, и жизни нет». Свидания. Кино. Повесть в журнале. Курсовая в техникуме. Спорт же любит верных. Привал — значит, будь! А в сутках двадцать четыре часа. Вот и попробуй размять их на кино и курсовую, встречу под часами и спортзал. Но иначе нельзя.

«Мы хотим видеть нашу молодежь не только всесторонне образованной и духовно красивой, но и здоровой, закаленной, физически крепкой!» — в этих словах Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева дан тот идеал современного молодого человека, к которому должен стремиться каждый. Каждый, и это самое главное.

Раим ФАРХАДИ

Ташкентский характер

Сегодня был пятибалльный. Чуть-чуть прозвенели стекла. Залаляли громко собаки. Крикнул петух. И — молчок. А люди привычно шагали. Толпились на остановках. Вели себя, словно не знали, что был подземный толчок. Врач слушал больного в палате. Повар готовил обеды. Детали осматривал мастер. Ученый закончил труды. Был каждый к чему-то причастен. Главное выдилось в этом: Люди людьми оставались. В полшаге живая от беды.

Размерен путь комет,
Летающих во Вселенной.
Они в пучине лет
Не знают столкновений.

Их смысл невыразим,
Они подобны чуду.
Тем птицам неземным
Завидовать не буду.
Люблю я синеву
В разрывах туч и звездах,
Я на земле живу,
На людных перекрестках.

Земля живых людей,
Высоких озарений,
Сжигающих страстей,
Жестоких потрясений.
Дерево толкотня.
Цвета зимы и лета.
Прошла через меня
Граница мглы и света.

А день придет — на дзот
Гранатой брошу тело,
Горящий самолет
Направлю, как Гастелло.

Не верю в злую ложь,
Что жизнь — пустое бремя.
Мы временны. И все ж
Мы измеряем время!

И трепет этих рук
И звездный этот вечер
На улице разлук
Мне обещают встречи.

И чудится: вот-вот
За гранью поворота
Сейчас произойдет
Невиданное что-то.

Созрело яблоко.
И скоро круглый плод
В саду на землю тихо упадет.
И в тот же миг
Какой-нибудь Ньютон
Откроет нам неведомый закон.
Сжимая крепко яблоко в руке,
Он формулу напишет на листке.
И мысль
Его сознание прожжет:
Что миру принесет
Заветный плод?..

То яблоко,
Умытое грозой,
Ласкает ветер, сушит летний зной.
А кожица прозрачна и тонка.
Слегка
Рулящим тронуты бока...
Созрело яблоко. Пришла его пора.
Пусть это будет
Яблоко добра.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
ЮНОШЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
ИМЕНИ 50-ЛЕТИЯ
ВЛКСМ —
ПОДЛИННЫЙ
ОЧАГ ЗНАНИЙ
И КУЛЬТУРЫ.

ЧИТАЙ. ГОРОД

ЗА ВЫСОКИЕ
ДОСТИЖЕНИЯ
В КОММУНИСТИЧЕСКОМ
ВОСПИТАНИИ
МОЛОДЕЖИ
БИБЛИОТЕКА
УДОСТОЕНА
ПРЕМИИ
ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА.

Константин СМИРНОВ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

На полированной крышке рояля — три канделябра. В ореоле желтоватого огонька, отбрасываемого оплывшей свечой, и дальше; в сумраке темного зала, в несколько рядов — молодые напряженные лица. Раздаются пушкинские стихи...

А потом из угадываемого в темноте проигрывателя плывет мелодия старинного романа о вечной, нежной и прекрасной любви молодого поэта, и

портрет юной Анны Павловны Керн, застывший на экране проектора, будто оживает.

Когда потухли свечи и на окнах поднялись шторы, в зал ворвались потоки весеннего солнца, все оглядывали друг друга каким-то полуосознанным взглядом, еще не стряхнув с себя торжественного оцепенения. Но уже через секунду зал наполнился звонкими голосами, как бы пришедшими на смену господствовавшей здесь только что старине. И я с удивле-

КНИГИ
ДЛЯ
КОМСОМОЛЬСКОЙ
УДАРНОЙ...

СВЕТ ЗНАНИЯ.

ЗВУКОЗАПИСЬ ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗНАКО-
МИТЬСЯ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДОКУМЕНТАМИ.
СЛУШАТЬ МУЗЫКАЛЬНУЮ КЛАССИКУ, ЗАНИ-
МАТЬСЯ ИНОСТРАННЫМИ ЯЗЫКАМИ...

нием вспомнил, где нахожусь и что меня сюда привело. Я не в концертном зале на литературно-музыкальной композиции по теме «Лирика Пушкина», а в музыкальном отделе эстетического комплекса Государственной республиканской юношеской библиотеки имени 50-летия ВЛКСМ, на обычном уроке одной из близлежащих школ, посвященном Пушкину.

Есть детские библиотеки, научные, библиотеки при заводах и учреждениях, при вузах, при жэках, наконец. Да

и почти в каждой семье в наше время — личные библиотеки. А что же в таком случае юношеская библиотека?

...В этот московский дом на Большой Черкизовской приходят свыше 35 тысяч читателей в возрасте от 14 до 20 лет. В юношеском возрасте.

У нас в стране, наверно, нет человека, в чьей бы жизни библиотека не заняла своего места. Даже в нынешнем потоке информации книгу ничто заменить не может. От дошкольных лет до пенсионных человек связан с

книгой, но, пожалуй, главную роль она играет в период становления личности — в юношеские годы. Быть может, потом, в пору зрелости, люди проводят над книгами еще больше времени, но в юности, когда открываешь истины, вбираешь все, что помогает осознать себя и свое место в жизни, профессиональное и нравственное значение книги трудно переоценить.

Однажды в разговоре я услышал фразу, которая, на мой взгляд, как нельзя более точно подходит к специ-

фике работы этой библиотеки. Речь шла о книге, об отношении к ней. И вот один из собеседников сказал, что когда человек берет в руки книгу, в его душе должен возникать «священный трепет». Священный трепет... Как важно привить человеку это чувство, как важно помочь ему понять, что такое книга, что она может дать при правильном отношении к ней. Речь здесь идет не о бережном обращении с книгой, это, я думаю, вопрос, ясный каждому, а именно о правильном отношении к книге: умения выбрать ее и прочесть так, чтобы понять самое главное.

Год назад среди читателей библиотеки была проведена анкета. Помимо десятка других вопросов, предлагавшихся отвечающим, одним из пунктов стоял такой: «С какой целью вы посещаете нашу библиотеку? Прочитать книгу, журнал; послушать музыку; подготовиться к занятиям; встретиться с друзьями». Ответ следовало подчеркнуть. И по крайней мере треть принимавших участие в опросе, кроме всего прочего, подчеркнула последнее — «встретиться с друзьями».

Обычно в человеческом восприятии понятие «библиотека» никак не связано с подобной функцией. Это не кафе, не клуб с танцами, не скамейка, наконец. Само слово-то какое: «БИБЛИОТЕКА»! И вдруг: «встретиться с друзьями»!

Но здесь уже вошло в традицию опровергать устоявшиеся представления. Сама обстановка — интерьер холла, читальных залов, комнат для разнообразных занятий — создает особую атмосферу раскованности, какой-то внутренней свободы. Мягкие кресла, расставленные полукругом, яркие, необычной формы витражи...

Но... интерьер — это еще полдела.

Везде, куда бы вы ни зашли, вы увидите тщательно подобранные книжные выставки. В вестибюле, в двух читальных залах, в музыкальной комнате, в комнатах для занятий по две-три таких выставки, каждая из которых затрагивает какую-нибудь насущную проблему. Здесь выставка, посвященная комсомольскому билету (ведь идет обмен!), и выставка книг, выпущенных к тридцатилетию Победы, и выставка шахматной литературы... Словом, все, что составляет сегодняшнюю жизнь планеты, страны, не остается без внимания работающих здесь людей, а значит, и пришедших сюда читателей. Они небольшие, эти выставки. Десяток-полтора книжек. Но подошел, взял одну со стенда, пролистал, потом заинтересовался, сел, прочел — и одним увлеченным человеком может стать на свете больше.

Был такой случай. Пришел парнишка. Восьмой класс. Года полтора читал одни детективы. А потом как-то разговаривал с библиотекарем и взял по ее совету «Преступление и наказание». А что? Тоже ведь детектив... Так запоем и стал классику читать. И дело тут даже не столько в том, что от простых литературных форм он перешел к более высоким, совершенным, сколько в приобщении этого паренька к величайшему из богатств, которыми располагает человек. И, может быть, не будь этого неприметного разговора с библиотекарем, так и остался бы он на уровне серенькой личности, поклонника майора Пронина и «иже с ним».

Пришел рабочий, новичок. Спрашивает что-либо о заводской жизни. С ним беседуют, уточняют, ибо расшифровать ему это «что-либо» ответственно, и эту ответственность здесь хорошо сознают.

Раскрыть мир человеческих увлечений... Как часто бывает: заинтересовался человек какой-то проблемой, прочел одну-две книги и остановился. Остановился не потому, что разочаровался, а потому, что не знает, что еще прочесть по этой теме, где подобрать материал. Наверное, очень

важно помочь ему в этот момент, подсказать, посоветовать.

В 1967 году в библиотеке был организован отдел рекомендательной библиографии. Цель его — создание специальных рекомендательных пособий на самые различные темы. Начиная с фотографии найдет здесь небольшую методичку с перечислением книг по технике и способам фотографирования. Радиоловитель, юный астроном, историк, географ, автолюбитель обретут все необходимые сведения о книгах на интересующую их тему. Словом, всего не перечислить. Да это и не нужно, главное не в этом, а в том, что человек увлекающийся, цельный найдет здесь ту точку опоры, с помощью которой можно... перевернуть мир.

Раскрыть мир человеческих увлечений. Но ведь раскрыть значит не только показать, посоветовать, а еще и объяснить, обсудить. И на какие только темы не спорят здесь! Спорят азартно, с пеной у рта, до хрипоты, до пота на разгоряченных лбах. И, наверное, нет ничего прекрасней и важнее в этом возрасте, чем вот такой обмен мнениями, не стиснутый рамками каких-то условностей, горячий и непримиримый. Потому-то она и называется юношеской, эта библиотека, что умеет дать ответы на важнейшие вопросы юности.

Каждому, кто записывается в абонемент библиотеки, предлагают заполнить специальный формуляр. Помимо традиционных пунктов об адресе, работе, учебе, каких-то биографических сведений, будущий читатель должен ответить, какие книги наиболее интересуют его. Одни уклончиво пишут первое пришедшее на ум, другие с

рассудительной обязательностью указывают все свои интересы, третьи предпочитают промолчать. Но вот кто-то, не желая упасть в глазах библиотекаря, запишет в графу увлечений что-нибудь вроде квантовой механики или истории архитектуры, а сам будет читать авантюрные романы.

Проходит время, в графе «Взятые книги» появляются все новые и новые названия, и за скучными строками формуляра, за картонной книжицей размером в пачку сигарет встает подлинное лицо читающего. Вспомните пушкинскую Татьяну — по книгам, которые читал Онегин, она узнала о нем больше, чем знала, встречаясь с ним. И действительно, ничто так верно не характеризует человека, как круг книг, читаемых им.

Формуляр — зеркало, которое помогает библиотекаря в его работе, показывает сильные и слабые стороны посетителя. Одному при случае ненавязчиво советуют прочесть что-нибудь из классики, другому, замкнувшемуся в интересующей его области, как в футляре, посетуют на узость интересов, никак не подходящую современному человеку. Дадут под руку какую-нибудь книжку, а потом сам придет, попросит посоветовать. И постепенно появляются у людей вкус, интерес к хорошей литературе.

И тут начинаешь задумываться над ролью человека, давшего тебе книгу, совет, над ролью библиотекаря. Он уже не просто подносчик книг с полки, а воспитатель, педагог. Человек, давший тебе книгу... Здесь их двести, этих людей — библиотекарей, социологов, психологов — представителей самых разных специальностей, которые обсуждают, спорят, ищут пути к читателю.

В Государственной республиканской юношеской библиотеке широко применяется метод дифференцированной работы с читателем. И каждый сотрудник, от директора, заслуженного работника культуры РСФСР Ирины Викторовны Бахмутской, до девушек, пришедших в библиотеку совсем недавно, каждый член этого коллектива тонко чувствует и глубоко понимает важность своей миссии — Человека, дающего книгу...

Вошедшему сюда сразу бросается в глаза красочно оформленное приглашение принять участие в работе разнообразных клубов, действующих в библиотеке. Это и поэтическое объединение с увлекательным названием «Алые паруса», и клуб «Щит и меч», и театр «Поэзия», и «Клуб интернациональной дружбы»... Словом, занятия на любой вкус. И, наверное, не так уж важно качество литературных опытов участников «Алых парусов», количество стран, с которыми ведет переписку КИД, — гораздо важнее, что, участвуя в мероприятиях, проводимых библиотекой, юноша или девушка получают возможность узнать новое, обогатить себя. Например, кружки по изучению иностранных языков. Даже тем, кто не изберет своей специальностью лингвистику, знание языка всегда пригодится. Или возьмем «Клуб интересных встреч». Сколько волнующего узнают пришедшие сюда на встречи с писателями, учеными, артистами, с героями войны и труда! И вся эта огромная работа ведется организационно-массовым отделом, в котором всего три (!) человека. И, конечно, не только их неистощимая энергия обеспечивает успех. На мой взгляд, главным и определяющим в деятельности

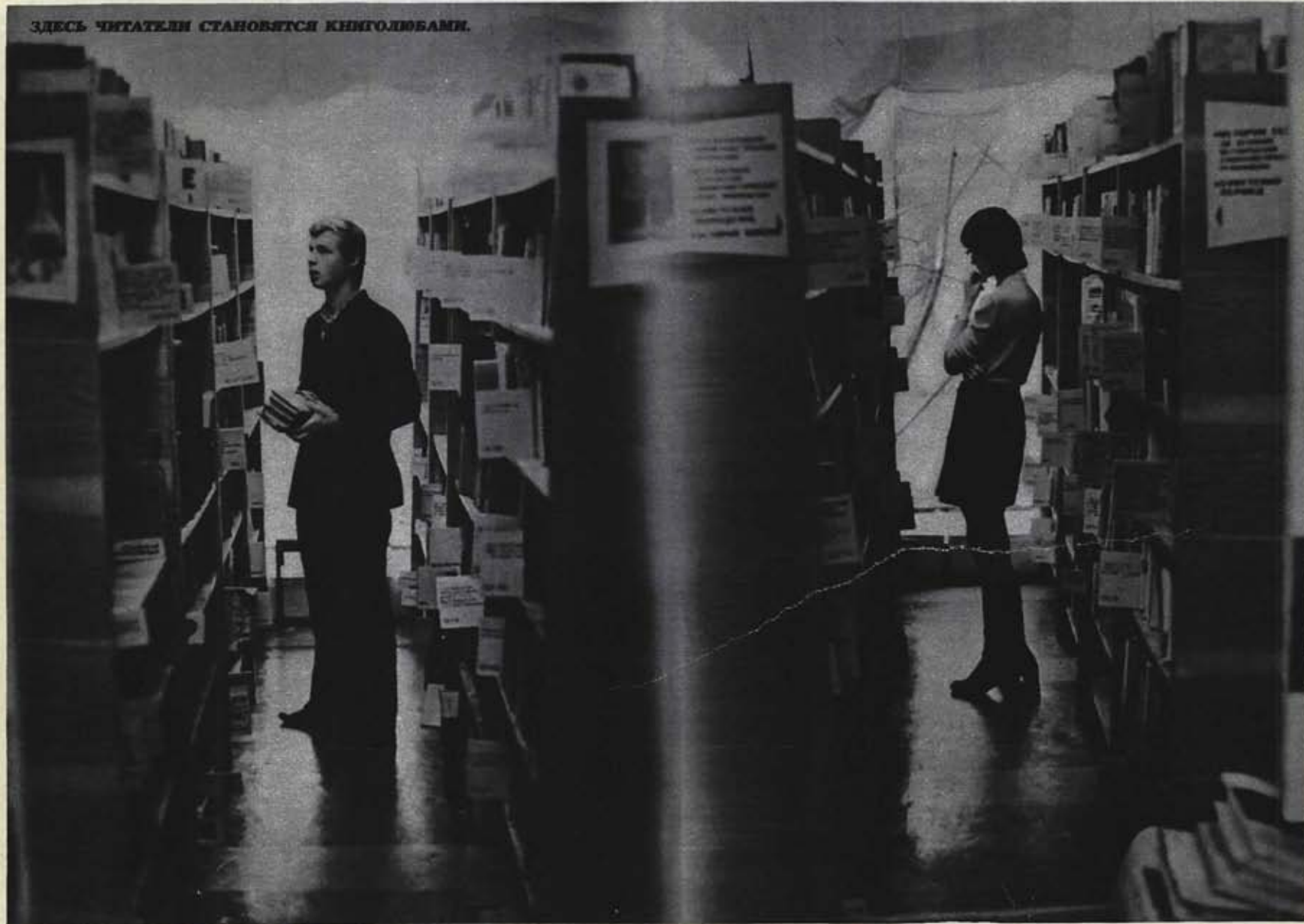
всей библиотеки является дух творческого поиска, непрерывные искания. Здесь ведутся серьезные исследования по изучению и воспитанию юного читателя, проходят мероприятия, казалось бы, никак на первый взгляд не связанные с прямыми ее функциями, действуют отделы профориентации, социологии, психологии чтения, информационно-библиографический отдел и другие.

Все, чего добивается коллектив, не остается достоянием только этой библиотеки. Сюда постоянно приезжают на семинары комсомольские и библиотечные работники, комплектуются юношеские библиотеки, которые затем рассылаются по тысяче ста адресам, осуществляется шефство над ударными комсомольскими стройками — несколько десятков библиотек организовано на одной Байкало-Амурской магистрали.

Библиотеки принято называть книжными хранилищами. Есть в этом односторонность, определение явно не полное, ибо хранилище — это как бы склад, где всего много, все имеет свой порядок, но ведь недаром говорят, что книга ищет пути к читателю, а читатель ищет книгу, и библиотека в этом обоюдном движении — сильный, творческий очаг связи. И не случайно мерилом ценности библиотеки стали не только уровень ее книжных запасов, но и активность, то умение, с которым она доводит сокровища знаний до читателя.

Нет, наверное, награды более дорогой и более почетной, чем премия Ленинского комсомола 1974 года за высокие достижения в области коммунистического воспитания молодежи, которой наградили юношескую библиотеку ее питомец — комсомол.

ЗДЕСЬ ЧИТАТЕЛИ СТАНОВЯТСЯ КНИГОЛЮБАМИ.

СТАДИОННЫЕ СМЕНЫ

УРОК 2-й.
КОМПЛЕКС
ОБЩЕРАЗВИВАЮЩИХ
УПРАЖНЕНИЙ

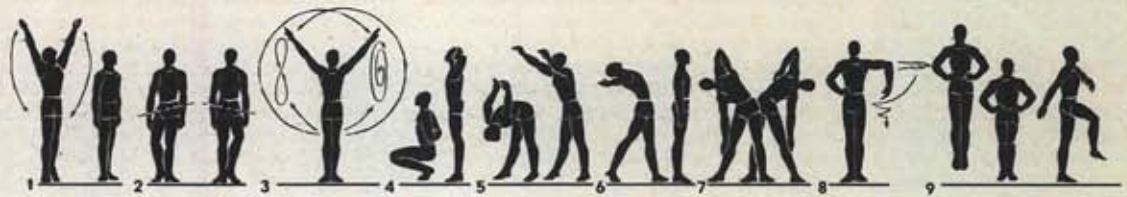
Занятия ведет
заслуженный мастер спорта
Александр КОЛТАНОВСКИЙ

Наше первое занятие (см. «Смену» № 15) было посвящено бегу трусцой. Как вы помните, программу урока завершал комплекс общеразвивающих упражнений. Мы тогда сознательно не говорили подробно об этом комплексе, так как намеревались посвятить ему следующее занятие.

Одной из важных составных частей нормативов ГТО является утренняя зарядка, которая должна стать для каждого человека, тем более молодого, такой же обязательной, как умывание или, скажем, завтрак. Комплекс, который мы хотим вам предложить, в достаточной степени универсален. Его следует выполнять и утром и (если вы занимаетесь бегом в другое время дня) завершая беговую программу.

Проверьте частоту пульса до начала занятия. Закончив вторую пробежку, снова проверьте частоту пульса. Если она превышает 50—60 процентов нормы, снизьте нагрузку на следующем занятии вдвое и повторите проверку. Увидев, что частота пульса по-прежнему остается слишком высокой, прекратите занятия и обратитесь к врачу за советом.

В конце бега трусцой проверьте пульс и время его возвращения к норме. Через 8—10 минут после бега пульс должен стать таким же, каким он был до начала занятия.

1. ПОТЯГИВАНИЕ

Исходное положение (и. п.)—основная стойка.

На счет 1—2—руки дугами в стороны—вверх—в стороны, одновременно встать на носки и потянуться всем телом вверх за руками—вдох.

3—4—опускаясь на ступни, руки дугами в стороны, расслабленно опустить вниз. Повторить 3—4 раза.

2. РАССЛАБЛЕНИЕ МЫШЦ НОГ

И. п.—основная стойка. Стоять свободно, ненапряженно.

1—передать тяжесть тела на левую ногу, расслабить мышцы правой ноги и тазового пояса, слегка согнуть правую ногу и опустить правый тазобедренный сустав.

2—пауза, проверить расслабленность мышц.

3—4—переменить положение ног и тазобедренных суставов.

В последующие дни по мере овладения этим упражнением движения выполнять на каждый счет.

3. ДЛЯ МЫШЦ РУК И ПЛЕЧЕВОГО ПОЯСА

И. п.—основная стойка.

1—4—круг прямыми руками внутри (в скрестном положении внизу допускаются незначительное сгибание рук).

Упражнение повторить 4—8 раз. Затем, выдержав паузу 4—8 секунд, то же самое, но круги наружу.

На следующих занятиях попеременно описывать руками круги в боковой плоскости, спирально и восьмеркообразные.

4. ДЛЯ МЫШЦ НОГ

И. п.—основная стойка, руки за голову.

1—4—присед на носках, руки за спину.

1—2—и. п.

3—4—пауза.

Повторить 10—20 раз.

5. ДЛЯ МЫШЦ СПИНЫ И РАСТЯГИВАНИЯ МЫШЦ ЗАДНЕЙ ПОВЕРХНОСТИ НОГ

И. п.—ноги врозь, руки вперед-вверх.

1—2—размашистым движением наклон вперед, забрасывая расслабленные руки назад.

3—4—и. п.

Повторить 8—16 раз.

6. ДЛЯ МЫШЦ ЖИВОТА

И. п.—основная стойка.

1—2—шаг правой ногой назад, левая на носке, наклон назад, не забрасывая назад головы, руки в стороны.

3—4—пауза.

5—6—выпрямиться, приставить правую ногу к левой.

7—8—руки вниз в и. п.

То же, с шага левой назад.

Повторить 8—16 раз.

7. ДЛЯ КОСЫХ МЫШЦ ТУЛОВИЩА

И. п.—стойка ноги врозь.

1—2—наклон туловища вправо, правая рука скользит ладонью по ноге вниз, левая, сгибаясь, ладонью подтягивается к подмышечной впадине.

3—4—выпрямиться в и. п.

5—8—то же, в другую сторону.

Повторить 8—16 раз.

8. НА РАССЛАБЛЕНИЕ МЫШЦ РУКИ

И. п.—основная стойка, правая рука на поясе, левая в сторону, кисть сжата в кулак.

1—2—натячь мышцы левой руки, усилив сжатие кисти.

3—4—ослабить напряжение мышц кисти, раскрыть кисть и «уронить» предплечье, дав ему свободно повиснуть.

5—6—пауза. Свободное раскачивание предплечья.

7—8—предплечье в и. п.

Повторить 4—8 раз. Затем то же правой рукой.

9. УПРАЖНЕНИЕ ОБЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ—ПРЫЖКИ НА ДВУХ НОГАХ

Проделать 20—40 прыжков на носках с незначительным приседанием при приземлении.

После прыжков спокойная ходьба на месте или с продвижением. 30—40 секунд отведите на дыхательные упражнения (правильному дыханию мы посвятим одно из ближайших занятий).

Закончив выполнение комплекса общеразвивающих упражнений, перейдите к водным процедурам.

РЕКОМЕНДАЦИЯ ВПЕРВЫЕ ЗАНИМАЮЩИМСЯ УТРЕННЕЙ ГИМНАСТИКОЙ: чтобы легче изучить и запомнить комплекс и встать в занятия, 1-ю неделю выполняйте три первых упражнения, во 2-ю неделю добавьте три следующих, в 3-ю—три оставшихся. 4-ю неделю повторяйте комплекс полностью.

ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного
тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ФИНИШИРОВАЛИ ЦЕЛЫМ КВАРТЕТОМ

Начался очередной трехлетний цикл соревнований за мировую шахматную корону, обладает которой с минувшей весны Анатолий Карпов. В программе этого года десять зональных турниров на различных континентах. Победители получают право вместе с персонально приглашенными ведущими гроссмейстерами продолжить борьбу за первенство мира в двух межзональных турнирах 1976 года. В числе тех, кого Международная шахматная федерация—ФИДЕ—включила непосредственно, секстет советских гроссмейстеров: Борис Спасский, Тигран Петросян, Михаил Таль, Лев Полугаевский, Ефим Геллер и Геннадий Кузьмин.

Одно из зональных состязаний было проведено недавно в Вильнюсе при участии только наших шахматистов. Состав выдался отменным—десять гроссмейстеров и шесть мастеров, участвовала преимущественно молодежь, хотя было и несколько ветеранов. Борьба носила настолько напряженный, упорный характер, что спортивные результаты оказались довольно плотными, а к финишу с одинаковым итогом 9:6 пришло четверо (!)—гроссмейстеры Юрий Балашов (Москва), Владимир Савон (Харьков), Виталий Цешковский (Омск) и молодой московский мастер Борис Гулько.

Поскольку имеются всего три «межзональные путевки», в ноябре в Москве организуется внутри квартета победителей дополнительный двухкруговой турнир. Таким образом, в предстоящих межзональных баталиях Советский Союз будет представлен девятью

шахматистами—значительно более весомо, нежели какая-нибудь другая страна.

Предлагаем читателям «Смены» разобрать несколько ярких фрагментов из партий зонального турнира личного первенства мира в Вильнюсе.

На диаграмме позиция, создавшаяся после 9-го хода черных у В. Цешковского с одесским мастером Львом Альбротом. Тонким маневром ладьи омич (у него были белые) предлагает партнеру взять одну из пешек. Последний предпочел «полакомиться» центральным пешотинцем.

10. Лa1—c1! Кf6: a4 11. Cf1—d3 Кe4—f6 12. Фd1—e2 e7—e6 13. d5: e6 f7: e6 14. Кf3—g5 Кb6—d5.

Черные настолько отстали в мобилизации сил, что они и мечтать не смеют об удержании лишней пешки. Однако наладить оборону им не удается, потому что их нерожиравшийся король быстро становится объектом концентрации атаки хорошо взаимодействующих неприятельских фигур.

15. Kg5: e6! Kd5: f4 16. Ke6: f4+ Cf8—e7 17. Cd3—c4! Cc8—g4 18. f2—f3 Cg4—f5 19. Лc1—d1 Крe8—f8 20. g2—g4 g7—g5 21. Kf4—e6+ Cf5: e6 22. Фe2: e6 Крf8—g7.

В поисках спасения от мата черный король отправляется чуть ли не в центр шахматной доски, где и находит свою гибель после эффектного заключительного хода короля белых.

23. Фe6—f7+ Крg7—h6 24. h2—h4! Фd8—e8 25. h4: g5++ Крh6: g5 26. Лh1—h5+ Крg5—f4 27. Крe1—f2!!, и черные сдались.

Тому, кто взглянет на эту поистине головоломную ситуацию, возникшую после 16-го хода черных в поединке московской гроссмейстера Евгения Васюкова (он играл белыми) и чемпиона столицы мастера Карена Григоряна, вначале понравится активное расположение черных. Но Е. Васюков издали правильно оценил ее как выгодную для себя и красивой комбинацией добился успеха.

17. Kf3—d4! d6—d5 18. Kd4—f5! Взять этого коня черные вынуждены, так как в случае 18. ... Cf8 исход схватки решала бы жертва другого белого коня 19. K: d5! ed 20. Cc5+ Лe4 21. Л: e4+ de 22. C: f8 Ф: f5 23. Фa8+ и т. д.

18. ... e6: f5 19. Ce3—c5 Лb4—e4 20. f2—f3! d5—d4 21. Kc3: e4 f5: e4 22. Cc5: e7 Ch5—g6 23. Ce7: f6 e4—e3 24. Лd1: d4!, и черные сда-

лись. Финальный тактический удар оставляет приятное впечатление!

А здесь отображена позиция после 24-го хода черных из партии между гроссмейстерами Марком

Таймановым (Ленинград) и Рафаэлем Ванганяном (Ереван). Несколько ранее игравший белыми ленинградец ради атаки не побоялся расстаться с конем. Теперь он эффектно жертвует ладью.

25. g5: h6! Крg8: f7? Черные напрасно забывают старинное мудрое изречение «не всякое даяние—благо», и их король попадает под сокрушительный «огонь» противника.

26. Фd2—f2+ Крf7—g8 27. Фf2—f5! Лe8—f8 28. Фf5—g6+ Крg8—h8 29. Cg2—e4 Лf8—f7 30. Фg6: f7 Фd8—g8 31. Фf7: e7 Фg8: g3+ 32. Крg1—f1 Фg3—h3+.

Угрозы черному королю удалось отразить, но лишь временно. От встречных шахов же белый король находит способ уберечься, после чего штурм М. Тайманова возобновляется с новой силой.

33. Крf1—f2 Фh3—h2+ 34. Крf2—e1 Фh2—g1+ 35. Крe1—e2 Фg1—h2+ 36. Крe2—f1 Фh2—h3+ 37. Крf1—f2 Фh3—h2+ 38. Се4—g2! Cc8—d7 39. Фe7—f6+

Крh8—h7 40. Фf6—f5 Крh7—g8 41. Лc1—h1! Фh2—c7 42. Фf5—g6+, и Р. Ванганян выбросил белый флаг.

Такой на вид примерно 40-го хода черных в партии Б. Гулько (у него белые) с гроссмейстером из Тбилиси Эдуардом Гуфельдом. Молодой москвич, искусно маневрируя, добился сперва пространственного, а затем и материального превосходства.

41. Лa8—a6! Kg5—f7 42. Kb4—c6 Лc7—b7 43. a2—c3! h6—h5 44. g4: h5 g6: h5 45. h3—h4! Kf7—h8 46. Крg2—f2 Kh8—g6 47. Kc6—a5! Лb7—c7.

Черные пытаются развернуть контригру, однако она оказывается явно недостаточной.

48. Лa6: d6 Cd7—g4 49. Ka5—c6! Kg6: h4 50. Cd3: b5 Kh4—f3 51. Крf2—e3 h5—h4 52. Cb5—e2! Kf3—h2 53. Kc6: e5 Cg4: e2 54. Крe3: e2 Лc7: c3 55. Лd6—g6+ Крg7—h7 56. d5—d6!

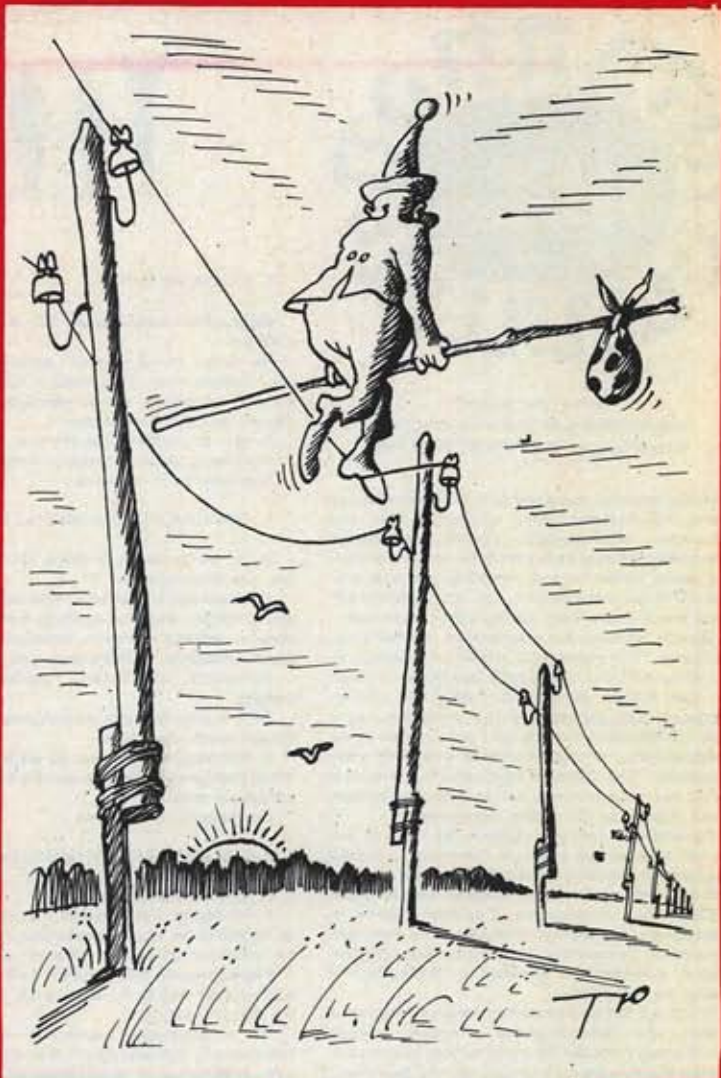
Центральная проходная пешка неудержима, и черным уместно было бы сейчас уже «опустить занавес».

56. ... Kh2—f3 57. Ke5: f3! Крh7: g6 58. d6—d7 Лc3—c8 (к чему такой «юмор»?) 59. d7: c8, и черные сдались.

Рисунок Станислава ЖЕГАЛОВА

Рисунки Сергея ТЮНИНА

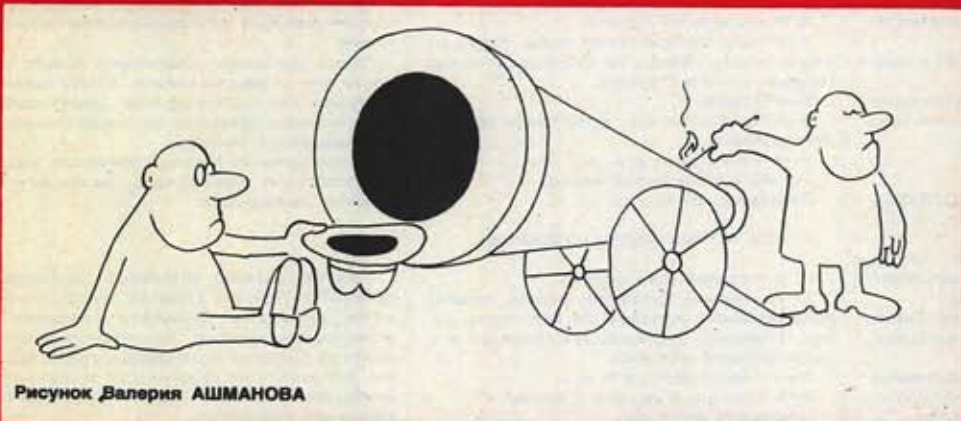

Рисунок Валерия АШМАНОВА

Рисунок Артура ПОЛЕВОГО

Рисунки Леонида ТИШКОВА

Наш адрес: 101457. ГСП, Москва, А-15. Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19/IX 1975 г. А 00918. Подписано к печати 2/Х 1975 г. Формат 70 × 108¹/₂. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200 000 экз. Изд. № 2496. Заказ № 1229. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

СЛОЖНОЕ... АКАДЕМИЧЕСКОЕ

ОДНА СНЕЖИНКА — ЕЩЕ НЕ СНЕГ

Слова Леонида ДЕРБЕНЕВА и Игоря ШАФЕРАНА. Музыка Эдуарда КОЛМАНОВСКОГО. Песня из кинофильма «Три дня в Москве»

Ты говоришь мне о любви,
А разговор напрасно начат.
Слова я слушаю твои,
Но ничего они не значат.

Может, ты на свете лучше всех,
Только это сразу не поймешь.
Одна снежинка — еще не снег, еще не снег,
Одна дождинка — еще не дождь.

Когда-нибудь, но не теперь
Придет любовь, чтоб стать судьбою.
Придет, как ливень, как метель,
Все заслонив вокруг собою.

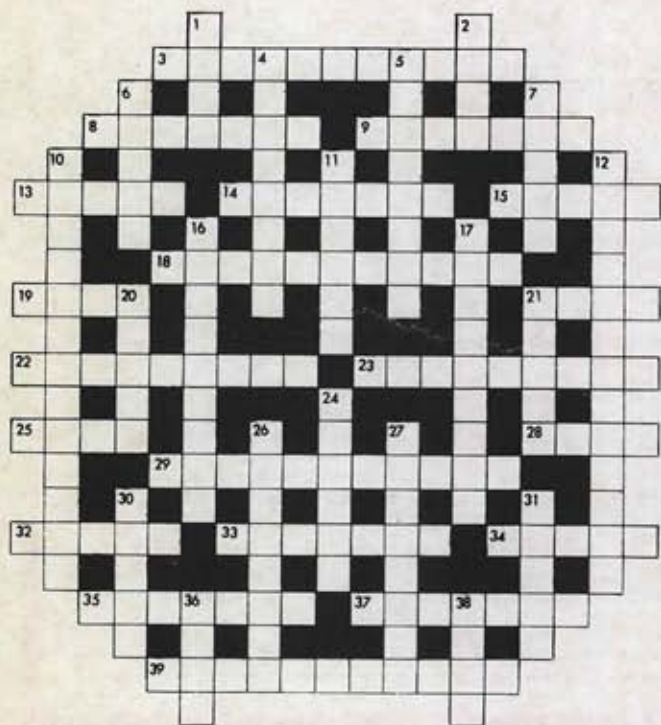
Может, ты на свете лучше всех,
Только это сразу не поймешь.
Одна снежинка — еще не снег, еще не снег,
Одна дождинка — еще не дождь.

И, может быть, вдруг я сама
Тебе в глаза взгляну иначе.
И станут вещими слова,
Что ничего сейчас не значат.

Может, ты на свете лучше всех,
Только это сразу не поймешь.
Одна снежинка — еще не снег, еще не снег,
Одна дождинка — еще не дождь.

КРОССВОРД

Составил В. ТЕРНОВ,
г. Москва

По горизонтали:

3. Специалист, создающий новые виды машин, станков, приборов. 8. Академик, основоположник советской школы физиков-оптиков. 9. Дипломированный специалист. 13. Метод, способ. 14. Часть учебного года. 15. Марка советской электронно-вычислительной машины. 18. Специально оборудованное помещение для учебных, научно-исследовательских работ. 19. Деталь экскаватора. 21. Тонкая пластинка органической ткани для изучения под микроскопом. 22. Русский ученый-энциклопедист, поэт. 23. Академик, математик, лауреат Ленинской премии. 25. Основное содержание научного труда. 28. Минерал, поделочный камень. 29. Свойство атома соединяться с определенным числом других атомов. 32. Двуучлен в алгебре. 33. Элемент вычислительной машины, воспроизводящий цифры. 34. Двигатель реактивных самолетов, ракет. 35. Соответствие между переменными величинами. 37. Наука, граничащая с техникой и биологией. 39. Преподаватель, ведущий проверочные испытания.

По вертикали:

1. Порт на Черном море. 2. Возделанный и засеянный земельный участок. 4. Ученый-физик, установивший основные закономерности фотоэффекта. 5. Электронная лампа. 6. Форма проверки знаний студента. 7. Газ, применяемый для получения низких температур. 10. Раздел математики. 11. Чертежная линейка. 12. Специалист, занятый тщательным изучением определенного научного вопроса. 16. Токосъемник электровоза. 17. Прибор для определения влажности воздуха. 20. Направление в науке, связанное единством основных взглядов, предметностью принципов и методов. 21. Слоистый минерал, обладающий высокой термостойкостью. 24. Металл. 26. Раздел биологии. 27. Учение, философская теория. 30. Точка пересечения преломленных или отраженных лучей. 31. Горячая обработка металлов. 36. Твердое топливо, применяемое в металлургии. 38. Инертный газ.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 20

По горизонтали:

5. «Прозаседавшиеся». 9. Серенада. 10. Торчащий. 14. Полус. 15. Кариатида. 16. Зебра. 19. Офицер. 22. Майкоп. 23. Шоколад. 24. Конвертор. 25. Мандолина. 28. Адвокат. 30. Секанс. 31. «Алмаст». 34. Пиала. 35. Стратегия. 36. Табло. 39. Антитаур. 41. Рукопись. 42. Комиссаржевская.

По вертикали:

1. Хорей. 2. Дева. 3. «Март». 4. Пенал. 5. Прелюдия. 6. «Арабат». 7. Шарара. 8. Ярошенко. 11. Боровиковский. 12. Фазтон. 13. Преподаватель. 17. Лейтенант. 18. Картофель. 20. Ротонда. 21. Каракал. 26. Монета. 27. «Школьник». 29. Вакансия. 32. Страус. 33. Чирков. 37. Бирма. 38. Опока. 40. Риал. 41. «Рожь».

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ПРЕКРАСНОМУ

Стеллажи обширных хранилищ Всесоюзной художественной лотереи заполнились присланными со всех концов страны произведениями искусства. Тираж состоится в декабре. Натянутые на подрамники холсты, статуэтки и бюсты, чеканка, резьба по дереву, ковры, ювелирные украшения, посуда. Фонд шестого по счету выпуска лотереи искусства уже скомплектован.

Талантливая художественная молодежь с увлечением включилась в дело, начатое выдающимися мастерами нашего искусства М. Сарьяном, А. Пластовым, В. Иогансоном. Это они, отдавая свои работы в фонд первого выпуска Всесоюзной художественной лотереи, верили в ее успех, в ее необходимость как одной из важных форм эстетического воспитания народа.

С каждым выпуском лотереи расширяется ассортимент выигранных. В этот раз он особенно разнообразен. К списку выигранных, в их 200 тысяч, добавились, в частности, туристические путевки в Чехословакию и ГДР, в Самарканд и Ленинград с звездом в Кижии.

Мы заранее поздравляем каждого, кому в нынешнем году Всесоюзная художественная лотерея подарит незабываемый праздник приближения к прекрасному.

Фото Василия МИШИНА

Эльвира ПОПОВА

